

Станислав Далецкий

ДОНОС

Станислав Далецкий

Донос

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Далецкий С. В.

Донос / С. В. Далецкий — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В данном сборнике помещена повесть о хорошем человеке: учителе и боевом офицере, осужденном по доносу и репрессированном в 1937 году в одном из лагерей ГУЛАГа. Здесь же размещены несколько рассказов из жизни России современной, а так же до и после революций 1917 года.

© Далецкий С. В., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

II	16
III	21
IV	29
V	38
VI	44
VII	51
VIII	54
IX	58
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Далецкий Станислав Владимирович, доктор технических наук, профессор МГТУ ГА, академик Российской академии транспорта и Российской академии качества, Заслуженный работник транспорта России, Почетный авиастроитель России, родился в г. Тюкалинске Омской области.

После окончания 7-ми летней школы учился 2 года в Тюкалинском сельскохозяйственном техникуме, с 16-ти лет пошел работать в авторемонтную мастерскую слесарем, параллельно учился в вечерней средней школе рабочей молодежи.

Окончил Московский Авиационный институт (МАИ), и затем служил офицером 2 года в истребительном полку Военно-Воздушных сил СССР. После окончания военной службы работал мастером на авиационном заводе в Подмоскowie и затем работает в НИИ гражданской авиации.

Автор более 200 научных работ в области авиации, в том числе 5 монографий. Имеет государственные и правительственные награды (в т.ч. орден "Почета") и знаки отличия общественных организаций.

Опубликовал книги:

"Моя родословная", "Осенняя поездка в прошлое", "Время шакалов", "Жизнь в эпоху перемен" (в 2-х книгах), «Ильин день».

Член Российского союза писателей.

Номинирован на премию "Писатель года: 2016 и 2017"

В данном сборнике помещена повесть о хорошем человеке: учителе и боевом офицере, осужденном по доносу и репрессированном в 1937 году в одном из лагерей ГУЛАГа. Здесь же размещены несколько рассказов из жизни России современной, а также до и после революций 1917 года.

ДОНОС
повесть

(Из романа «ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН»)

I

Иван Петрович Домов: пятидесятилетний офицер, дворянин и учитель с высшим образованием, пройдя невзгоды империалистической и гражданской войн, и пятнадцатилетние переезды по стране СССР без права проживания в больших городах, как чуждый советской власти элемент, в конце апреля 1935 года возвращался из московских скитаний на родину жены в сибирский городок Токинг, где не был четырнадцать лет с гражданской войны.

Жена Анна с четырьмя детьми уже два года как проживала в Токинске у своей матери, в доме тетке Марии и настойчиво звала мужа присоединиться к семье и заняться учительством.

В городе как раз открывалась средняя школа и требовались учителя, но не самоучки, а с хорошим образованием и у Ивана Петровича были все основания получить учительскую должность.

Молодое советское государство, настойчиво борясь с неграмотностью населения, одновременно готовило специалистов во всех отраслях народного хозяйства, чтобы преодолеть вековую отсталость страны от Европы, создать промышленность, поднять сельское хозяйство, и этим обеспечить улучшение жизни всех слоев населения, как и обещалось в Октябрьскую революцию но не было исполнено и спустя семнадцать лет. Конечно, была вина гражданской войны и послевоенной разрухи, но кто из простых людей будет слушать объяснения власти живя впроголодь в бараке, разутый – раздетый и занимаясь изнурительным и тяжким физическим трудом для подъема страны, в ущерб личной жизни? Никто!

Вот и Иван Петрович, не верил в посулы власти о лучшей жизни для всех, но наблюдая стремление простых людей к грамотности и образованию понимал, что именно через грамотность и образованность народа можно, упорным трудом, изменить жизнь к лучшему и, как учитель, он готов был все свои силы и знания отдать людям, несмотря на классовые различия между ним – дворянином и работными людьми, тянущимися к знаниям.

На ближней к городку железнодорожной станции Иван Петрович, в полдень, сошел с поезда с двумя увесистыми фибровыми чемоданами, которые поставил на скамейку у пристанционного здания и, глядя вслед уходящему составу, стал решать, как бы добраться до городка – куда было, без малого, семьдесят верст по раскисшему под весенним солнцем большаку.

В царские времена извозом здесь занимались местные купцы, которые обозами подвод на лошадях перевозили товары и людей от этой станции к уездному городку. По слухам, именно купцы в прошлом веке подкупили устроителей железной дороги, заставили их проложить дорогу именно через это село – станцию, чтобы не лишиться барышей от извоза. Нынешняя власть разогнала купцов – извозчиков и бывший уездный город – цель, поездки Ивана Петровича, остался без постоянного транспорта до Омска и этой железнодорожной станции.

Приходилось, рассчитывать только на попутную повозку и Иван Петрович, взяв чемоданы, направился на большак в надежде перехватить телегу или бричку с лошадей в попутном направлении. Идти пришлось совсем немного: большак на Токиnsk начинался сразу за станцией и, изогнувшись улицей приземистых домов, скрывался в березовой роще, которая начиналась сразу за крайними избами, где Иван Петрович и остановился, выбрав сухое место для своих чемоданов.

В этих чемоданах Иван Петрович вёз всё свое достояние, что удалось заработать за годы скитаний в Подмоскoвье и на что он рассчитывал оказать помощь семье в первое время проживания здесь в Сибири. Это были кое-какие вещи, ювелирные изделия и антикварные вещицы, которые можно было обменять на местном рынке на одежду и продукты даже в такой захолустной городке, как Токиnsk.

Простояв у дороги около часа, он решил было, что сегодня уехать не удастся и следует идти устраиваться, где-нибудь на ночлег, как вдали показалась повозка. Каурой масти тощая лошаденка понуро тянула за собой телегу, скользя копытами по дорожной грязи. Когда повозка поравнялась, Иван Петрович жестом показал лошади остановиться, что она охотно исполнила. Возница -затёртый мужичонка в изношенном нагольном полушубке и стоптанных валенках, на которых сверкали чёрным лаком новенькие галоши молча уставится на городского жителя, каковым, несомненно, считал Ивана Петровича с его чемоданами.

– Вы случайно не в Токиnsk путь держите? – спросил Иван Петрович возницу. Мужичонка, подождал, обдумывая вопрос и вдруг оживившись, ответил: – Именно туда и еду, везу гвозди для нашей строительной артели, эти вот, -показал он на ящики, лежавшие на телеге. – А вам барин, какая надобность спрашивать меня, куда я еду?

– Какой же я барин,– запротестовал Иван Петрович, я учитель, и мне надо добраться до города, где живёт моя семья. Не прихватите попутчика? Я заплачу сколько надо.

– Мужичонка опять помолчал, с сомнением посмотрел на свою лошаденку и на чемоданы Ивана Петровича, выглядевшие солидно и увесисто, и выговорил: – Однако, моя лошадь не потянет по такой грязи вас и чемоданы вдобавок к гвоздям. И так плетётся еле-еле: всю зиму прокормилась на одном сене, без овса, вот и нет силы у неё тянуть телегу. Думал с утра выехать по заморозку, но не удалось получить гвозди пораньше, а сейчас по распутице, не езда– сплошная маета.

– Я могу и пешком идти, рядом с телегой, лишь бы чемоданы не нести, – попросился Иван Петрович у мужика. Тот опять помедлил, посмотрел на чемоданы, на лошадь и решил: – Однако, кладите барин свои чемоданы в телегу, а сами идите рядом: авось и доберемся до хорошей дороги, там и сами подсядете, глядишь, завтра к вечеру и доберёмся до города.

Иван Петрович, не медля минуты, подхватил чемоданы и забросил их на телегу. Возница понукнул лошадь, та напряглась и медленно потянула телегу по большаку, осуждающе косясь глазом на идущего рядом человека, который добавил ей в поклажу свои чемоданы.

Через несколько минут лошадь вытянула телегу за околицу, где дорога была получше: от близко подступивших березовых колков солнце не прогревало землю и на дороге, местами, сохранялся мерзлый наст не подтаявшей земли. Лошадь бодрее потянула телегу, и Ивану Петровичу тоже пришлось ускорить шаг, держась сбоку за край повозки.

Так он прошагал с час и начал прихрамывать – дала знать о себе старая рана, полученная в гражданскую войну. Возница, который молчал всё это время, заметив хромоту попугайчика, обеспокоился: – Что-то вы барин хромаете, так мы далеко не уедем, наверное, ноги натёрли с непривычки к пешему ходу, надо бы переобуться, – и он, натянув вожжи, остановил лошадь.

– Нет, нет – запротестовал Иван Петрович, – едем дальше. Это старая рана разыгралась, но потом пройдет, ничего страшного.

– Ну, вам, барин, виднее, – ответил мужичок и, понукнув лошадь, продолжил путь.

– Я же сразу понял, что вы из бывших господ, наверное, офицер: вот и рана у вас от войны имеется, – рассуждал он.

– Сейчас может и учитель, а раньше точно офицером были. Эх, зря я вас прихватил в дорогу! Как – бы неприятностей не схлопотать. Документы– то, у вас барин имеются?

– Да не опасайтесь вы, точно я учитель. И документы есть у меня, и семья моя живёт в городке за речкой, напротив церкви и за дорогу я заплачу, – успокаивал Иван Петрович подозрительного мужичка, который продолжал называть его барином.

– Как жизнь в городе? Налаживается? Я не был здесь много лет. А был членом уездного совета, потом Колчак нас арестовал. Так и закрутило – завертело. И вот пришла пора возвращаться, -объяснял он мужику, чтобы снять его опасения и подозрения. Тот успокоится и предложил сесть Ивану Петровичу в телегу, когда повозка въехала на промёрзшую полосу дороги, протянувшуюся вдоль леса, в котором лежал снег, еще не подвластный апрельскому солнцу и выстуживающий дорогу.

Лошадка, ступив на твердую землю, ободрилась и без натужного усилия тянула телегу даже с дополнительной поклажей в виде присевшего в неё Ивана Петровича.

Через пару вёрст дорога вышла на обширную пустошь, вновь появилась липкая грязь и Иван Петрович, соскочив с телеги, опять зашагал рядом. Мужичок, оценив поступок, успокоился окончательно и начал рассказывать о жизни городка, куда он перебрался пять лет назад, в разгар коллективизации, из ближней деревеньки, и стал работать в строительной артели, для которой и вёз три ящика гвоздей из станционных складов.

Артель эта поначалу рубила дома и избы для горожан по их заказу или заказу властей, а два последних года начали строить скотные дворы в колхозах для коров и лошадей, навесы для обмолота зерна и прочие немудрёные постройки.

– Работы хватает, успевай только поворачиваться, – рассказывал мужичок, – ты не гляди, что я мелкий, топором владею, нате – будьте, а за гвоздями послали взамен заболевшего

конюха, потому и лошадёнка не привыкла ко мне. Вот вернусь в артель и снова за топор: не моё это дело -лошадью управлять.

– Как звать -то вас?– спросил Иван Петрович мужика, шагая рядом и держась за край телеги.

– Иваном кличут, – ответил возница, доставая кисет с махоркой и сворачивая самокрутку из обрывка газеты, заботливо сложенной в несколько слоев так, чтобы удобно было отрывать на одно курево.– Курите и вы, барин, угощайтесь табачком самосадам, сам табак рошу, сушу и сам режу махорку – такая забористая получается, даже глаза слезятся, когда курю.

– Спасибо я не курю,– ответил Иван Петрович, – меня тоже Иваном звать, так что мы тёзки, и перестаньте называть меня барином, а то в селе, куда мы скоро доберёмся, и впрямь подумают, что я барин, какой – то из бывших. И мне и вам, Иван, неприятности ни к чему.

– Ладно, Иван – учитель, будь по вашему, только негоже учителя называть по имени. Учителей, как и попов, следует называть полностью, по имени – отчеству.

– Полностью будет Иван Петрович Домов, учитель истории, бывший командир Красной армии, – сказал Иван Петрович, умолчав о своей недолгой службе у белогвардейцев.

– Вот и ладно будет, Иван Петрович, – приободрился возница, услышав о службе в Красной армии.

– Только мил человек, скажи мне, что за историям таким ты людей учишь? Невдомек мне: учился я в церковно – приходской школе, грамоте обучен, письму, арифметике, а вот про истории что-то не слышал.

– Я Иван, про то учу, как люди у нас в России и в разных странах жили раньше, что делали, как страна наша образовывалась и какие знаменитые люди были раньше. Нужно знать свою страну и свои корни, чтобы чтить своих предков и не совершать таких ошибок, которые делали они. Вот ты, Иван, помнишь своих дедов, наверное?

– Нет, Иван Петрович, не помню. Дедки и бабки померли, когда я еще маленьким был. Знаю только, от отца, что предки перебрались сюда в Сибирь из Малороссии еще при Александре Третьем, как и где жили там, не знаю ни я, ни мой отец – батюшка, царствие ему небесное. Грамотных в роду нашем почти не было, только отец мой и я грамоте в Сибири обучились, потому и записей о родственниках никаких не осталось. Знаю от отца, что мой прадед был из казаков, не крепостной и здесь считался казаком войска Сибирского.

– Выходит, что ты есть Иван – родства не помнящий, как в русских сказках говорится. Ну а сестры и братья есть? – продолжал расспрашивать мужика Иван Петрович, снова присев на телегу.

– Как не быть, есть, конечно, два брата и сестра. Сестра живет здесь же в деревне, замужем и трое детей, теперь работает в колхозе. А где братья не ведаю: одного Колчак забрал в армию, и он там сгинул– ни слуха, ни духа, а другой к красным примкнул и тоже пропал. Они сильнее меня были, а я по своей хилости на войну не попал, вот и уцелел при всех передерягах. А что дедов не помню, так то, не беда – на том свете свидимся, хотя я и не шибко верующий по нынешним временам.

Незаметно, за разговорами, повозка миновала небольшую деревеньку, протянувшуюся единственной улицей вдоль дороги, и путники снова углубились в прозрачный березовый лес, обступивший дорогу с двух сторон.

Дорога была малоезженная: только две-три колеи от телег виднелись на чуть подтаявшей, под склоняющимся к западу апрельским солнцем, глине вперемежку с черноземом. Видимо, прошлым летом, здесь прошелся трактор с мощным плугом, который, вывернув пласт земли на дорогу, образовал по обочинам глубокие канавы, сейчас затопленные внешними талыми водами, для которых не было стока. Местность в этих местах была совершенно ровная и гладкая, без пригорков и уклонов, лишь вдалеке на открытых местах виднелись чаши озер, покрытых зеленоватым и ноздреватым апрельским льдом.

Иван – возница, сидя на телеге, порылся в холщовом мешке и достав оттуда кусок хлеба и кусочек сала, стал есть, поочередно откусывая хлеб и сало. Иван Петрович тоже почувствовал голод, но перекусывать было нечем: утром он попил в поезде чаю с пирогами и картошкой, которые купил поутру на ближайшей остановке поезда прямо у вагона поезда у одной из старушек, которые с корзинами обходили вдоль поезда, предлагая пассажирам пироги и плюшки. Но пироги были съедены и он, сойдя с поезда, не озаботился на станции приобрести даже хлеба.

Иван – возница сочувственно посмотрел на устало шагавшего рядом с телегой Ивана Петровича, снова порылся в своем мешке и постав еще кусок хлеба и кусочек сала предложил их своему попутчику, добавив: – На, перекуси и ты, мил человек, но вечером, на постое в селе, вам придется оплатить хозяевам и ночлег наш и ужин. Уж не обессудьте, но мне нечем расплатиться за постой: видите, купил себе галоши на валенки и поиздержался. – И он горделиво показал на свои новые галоши, надетые на старые латанные валенки.

Подкрепившись и попив воды из фляжки, поданной ему возницей, Иван Петрович приободрился и продолжил путь, когда пешком, когда присаживаясь на телегу, где дорога было получше. Березовые леса то подходили к самой дороге, то удалялись к горизонту, открывая обширные поля и пустоши, лишь местами покрытые потемневшими остатками снежных сугробов, накопившихся за долгую сибирскую зиму.

Иван – мужичок, обернулся, и, показывая на почти оголившиеся от снега поля, пояснил: – Нынче много снега была зимой и на полях намело, всё никак не растает, а много весенней влаги – значит быть урожаю хорошему, если засухи в июне месяце не будет и майских заморозков. Земли вон сколько: паши и сей, как снега сойдут, и установится тепло. Надо только угадать, чтобы ни припоздниться с севом пока земля держит влагу, но и не поторопиться, чтобы ни попасть под заморозки.

Есть в деревнях старики, которые могут указать точно, когда сев вести надо, только мало их нынче кто слушает. Образовался колхоз в моей деревне, туда прошлым годом прислали трактор, он вспахал за ночь сколько смог и, не дожидаясь срока сева в другой колхоз переехал, а сеяли, конечно, лошадьми.

Надо сказать, что прошлый год выдался урожайным на зерно и люди приподнялись в колхозах. А вот в позапрошлом году засуха здесь была, рожь и пшеница выгорели, картошка тоже не уродилась, сено и то заготовить негде было: зимой скотину вениками березовыми кормили в колхозах и на подворьях – где коровы уцелели. Народ почти голодал, а в прошлом году ничего, справно с харчами было.

Вот так берёза помогла спасти скот. Мне отец говорил, что слышал он от деда, будто здесь раньше береза не росла, а появилась она вместе с русскими людьми, которых привёл Ермак Тимофеевич: казахи местные так и говорили, что пришел белый человек, и с ним появилось здесь белое дерево.

Только сомневаюсь я этим рассказам: получается, что в те времена здесь и лесов совсем не было: иначе куда бы делись сосны и ели? Ведь этих лесов здесь нет на сотни вёрст вокруг. Наверное, здесь степь была сухая без озер и лесов, потом береза и осина прижились, низины заполнились водой – так появились озера и болота и стало, как сейчас нам видится, – продолжал рассуждать мужичонка, разговаривая вслух о географии местности.

Иван Петрович то шёл, то присаживался на телегу, иногда вступая в разговор и расспрашивая о подробностях местной жизни в которой он намеревался принять участие спустя много лет.

Оказалось, что уклад жизни здесь почти не изменился после революций и гражданской войны: угар потрясений прошел, и новые веяния появлялись и приживались здесь постепенно, прорастая, как весенняя трава сквозь дёрн отживших свое предыдущих наслоений и нравов. Единственно, что сильно встряхнуло жителей этих мест, стала коллективизация крестьян в колхозы, однако, общественное ведение земледелия в этих местах было присуще и прежде,

поскольку частной собственности на землю почти не было, земля и леса вокруг деревень принадлежали общине и распределялись среди семей по едокам – по лицам мужского пола. А далее семья сама распоряжалась доставшимися ей по жребию угодьями, или несколько семей стоварились и совместно засевали поля, убирали урожай и делили его по работникам и лошадям. Теперь то же самое, стали делать и в колхозах, только часть урожая надо было сдать государству, как налог на колхоз вместо прежнего налога на двор.

– А как в деревне, откуда вы родом, идут дела? – поинтересовался Иван Петрович.

– Дела как сажа бела, – ответил Иван – возница. У нас деревня не– большая, всего 50 дворов, богатеев не было, из зажиточных – один двор Малышевых и как начали колхоз организовывать, так Малышев Степан, старший, лошадей сразу в колхоз свёл и сам с семьёй вступил туда – потому его и не раскулачили, а собранием выбрали председателем и как было раньше, так стало и сейчас: что Малышев скажет – то они и делают.

У него и магазин был в деревне, так теперь там школу образовали и учительку прислали издалека, чтобы детишек грамоте учить. В прошлом году весной трактор прислали – он помог вспахать новые земли и год урожайный выдался, зерном сельчане затарились, разрешили на двор по корове держать, ну там ещё свинью на картошке и отрубях откормить, а мясо на рынке в нашем городе можно было продать, вот народ и повеселел.

Наша артель там два дома новых поставила прошлым летом, а до того лет десять ни одного дома никто не построил. Если строиться, начали – значит, жизнь налаживается, а мне всё одно: что нынешняя власть, что прежняя – лишь бы людей не мучила и жить давала. Нынешняя власть, кажись, получше царской будет: сначала круто завернула, а теперь помягчала, дай бог и дальше так.

За этими разговорами путь коротался незаметно, и на закате солнца вдали показалось большое село, где и ожидался ночлег.

Лошадь, увидев село, тоже заторопилась, видно помнила, что два дня назад останавливалась здесь на ночлег и получила хорошую охапку сена и ведро овса в колоду.

Въехав в село, Иван – возница свернул с дороги к крайнему дому с обширным двором, соскочил с телеги, по – хозяйски открыл ворота и, взяв лошадь под уздцы, завел повозку во двор, где уже стояли две телеги, а распряженные лошади, привязанные к коновязи, хрустели сеном. Из сеней дома – пятистенка вышла пожилая женщина, почти старуха, всмотрелась в приезжих и, узнав в Иване своего недавнего постояльца, разрешительно махнула ему рукой.

Иван распряг лошадь, привязал ее рядом с двумя другими, взял с телеги большую охапку сена и бросил его в кормушку, сколоченную из жердей вдоль коновязи. Затем он взял с телеги ведро, прошел с ним к колодцу в конце двора, поднял воротом полное ведро воды и, перелив воду в свое ведро, поднес его к морде лошади, которая неторопливо напилась после долгой дороги. Иван – возница снова набрал воды и, поставив ведро под морду лошади, пододвинул к ней порожнюю колоду, куда насыпал с полведра овса из мешка, лежавшего на телеге. Посчитав свою заботу о лошади выполненной, он пригласил Ивана Петровича за собой в дом, указав прихватить чемоданы.

– Перевяжите чемоданы веревкой, чтобы нельзя было открыть сразу, – посоветовал он Ивану Петровичу, – и поставьте их в сенях. Хотя баловства и воровства здесь не случалось, но так спокойнее будет и без соблазна, – пояснил возница. Хозяйка живет здесь одна, немощная уже и без хозяина, который сгинул в гражданскую у Колчака. Тем и живет, что дают постояльцы навряде нас. Раньше, при царях, здесь в центре села была заезжая изба, где кучера останавливались, а нынешняя власть извоз ещё не наладила: вот хозяйке и разрешили постоя заезжих и соседи не против.

Иван Петрович обвязал чемоданы пеньковой бечевой, которую дал возница, достав ее из своего дорожного мешка на телеге, занёс чемоданы в сени и вошел в дом следом за своим провожатым.

Он оказался в небольшой кухоньке, четверть которой занимала русская печь с лежанкой. Справа от входа на соломе лежал теленок – сосунок, которого после отёла коровы занесли в дом, чтобы не замерз ночными холодами, у окна стоял стол, за которым сидели двое мужиков – кучеров за вечерней трапезой. На столе стоял чугунок с варёной картошкой, крынка с молоком, каравай хлеба и глиняное блюдо с солеными огурцами и квашеной капустой. Хозяйка с ухватом хлопотала у топившейся печи. Всё это освещалось керосиновой лампой, подвешенной на цепочках над столом.

– Присаживайтесь, присоединяйтесь добрые люди, – пригласила новых постояльцев хозяйка, – как раз к ужину поспели, и она поставила на стол ещё две плоски под картошку. Сидевшие за столом мужики подвинулись, и Иван Петрович со спутником присели на табуретки к свободному краю стола.

Трапеза проходила молча. Изголодавшиеся за день путники быстро поглощали нехитрую снедь, запивая парным молоком.

Иван Петрович молока не употреблял по причине несварения желудка и попросил чаю, благо самовар стоял на лавке у печи, пыхтел и светился снизу красными угольками. Хозяйка подала ему кружку чая настоящего на смородиновом листе.

Закончив ужин, постояльцы стали укладываться на ночлег в соседней комнате, где на полу лежали расстеленные матрацы, набитые сухим мхом. Сама хозяйка улеглась на теплой печи. Иван Петрович, ещё в бытность свою приезжая в эти места, всегда удивлялся размерам здешних домов и изб: кажется, леса достаточно – строй большой дом из березовых бревен, свободно живи семьёй, но почему – то народ строил небольшие дома, где в тесноте ютились старики, взрослые и дети.

Оказалось, что виною всему сибирские морозы: березовый дом плохо держит тепло и требует много дров на отопление, а более теплые дома из сосен дорогие из-за трудностей доставки бревен за много вёрст от этих мест. Этот домишко тоже был небольшой, но четверо постояльцев на полу и хозяйка на печи свободно расположились на ночлег и вскоре дом наполнится храпом мужчин, уставших с дальней дороги и забывшихся тяжелым сном.

Утром следующего дня, чуть свет, постояльцы проснулись и начали собираться в дорогу. Мужики умылись из рукомойника, висевшего у входной двери, напротив лежавшего теленка, которого хозяйка уже успела напоить парным молоком, налитого в бутылку из – под водки, оставленную, видимо, кем-то из прошлых постояльцев.

На завтрак хозяйка поставила на стол чугунок со щами из квашеной капусты, заправленных топленным свиным салом со шкварками и положила каждому по ломтю хлеба. Все торопливо поели и вышли во двор готовить лошадей.

Иван Петрович расплатился с хозяйкой за ночлег и еду: оказалось, по червонцу с человека, что по московским меркам было почти даром, и тоже вышел во двор со своими чемоданами. Мужики запрягали лошадей. Иван – возница вертелся около своей лошаденки, которая съела за ночь овёс и сено, отдохнула и выглядела бодро, переступая с ноги на ногу. За ночь крепко подморозило, выпал легкий снежок, небо хмурилось, и дорога по мёрзлому большаку обещалась быть легче, чем накануне по грязи в погожий апрельский день.

Иван Петрович направился было к своей телеге, как его остановил один из постояльцев.

– Извиняйте, но вы, товарищ, не Домов будете? – обратился к нему мужик лет сорока, давно не стриженный, с густой курчавой бородой.

– Да, я Домов Иван Петрович, – несколько опешив, ответил он мужику, остановившись и поставив чемоданы на землю. – А вы меня, откуда знаете?

– Так вы же были членом уездного совета в нашем городе, в восемнадцатом году, потом вас, депутатов, Колчак арестовал и потом расстреляли, а оказалось, что не всех, раз вы живой остались. Я тогда тоже на митинги ходил, вот и запомнил, как вы речи говорили с крыльца

управы. Только вы тогда были с бритой головой, а сейчас с волосами и бородкой, потому сразу и не признал – думал, привиделось, сколько лет прошло.

Меня в тюрьму в Омск отвезли, а потом мобилизовали в армию Колчаку и там я перешел к красным, служил в Красной армии, потом работал учителем и вот возвращаюсь сюда опять. Жена моя родом из городка и год как живет здесь с детьми.

– Меня тоже Колчак мобилизовать хотел, но я больной плоскостопием, много ходить не могу, они и отстали, а я при лошадях определился, чтобы ноги не бить. Сейчас возвращаюсь в город со станции, куда отвозил председателя райкооперации на поезд до Москвы на съезд ихних кооператоров. Назад порожний еду, могу и вас прихватить: у меня конь справный, не чета этой лошадедке, – продолжал мужик, довольный своей памятьливостью и показывая на телегу, уже снаряженную Иваном-возницей.

– Неудобно как-то. Мы подрядились до города за плату, и мне не с руки на полпути уговор ломать, – заметил Иван Петрович с сомнением.

– И сколько он с вас запросил за провоз? – спросил мужик. – Тридцать рублей, – ответил ему Иван Петрович. Предложение мужика ему понравились. Его конь был явно резвее каурой лошадедки, да и запряжен он в дрожки, а не в тряскую телегу и не придется идти пешком – за ночь нога разболелась, и он не был уверен, что дойдет.

– Какие дела! – воскликнул мужик. – Дайте ему десять рублей, вот и весь уговор. А я вас на дрожках до места довезу, чуть за полдень, всего за двадцать рублей. И вы при своих деньгах останетесь, и я с попутчиком буду – не люблю один ехать и молчать.

– Будь по вашему, – ответил Иван Петрович и, оставив чемоданы, подошел к Ивану-вознице: объяснить ситуацию, ссылаясь на хромую ногу. Тот не обиделся, взял деньги с благодарностью и тронулся в путь.

Мужик подхватил чемоданы, привязал их веревкой к дрожкам сзади и, показав место справа, стал запрягать коня. Закончив дело, он сел в дрожки и махнув рукой хозяйке, которая тоже вышла на крыльцо, направил коня вдоль по селу. Конь бойким шагом миновал село и за околицей они обогнали Ивана-возницу с его телегой, которая, вскоре отстала и скрылась из вида.

Мужик по имени Федот, дожив до 40 лет, не выезжал за пределы района, кроме нескольких поездок в Омск, а потому расспрашивал Ивана Петровича о Москве и других местах, где тот бывал.

Иван Петрович охотно рассказывал о своих странствиях, опуская эпизоды своей службы в армии Колчака: здесь ещё сохранилась ненависть людей к зверствам колчаковцев против мирных людей, да и советская власть относилась подозрительно к бывшим белогвардейцам, что он испытал на себе. Поэтому, как историк, он рассказывал о Москве, как об истории государства российского, удивляя своего полуграмотного кучера подробностями жизни царей и событиями военных историй.

В свою очередь, он расспрашивал Федота о жизни городка за последние годы и Федот, как мог, рассказывал местные новости и сплетни. Церковь, где Иван Петрович сочетался браком со своей Аней в семнадцатом году, сначала закрыли, колокольню снесли в горячке борьбы с религией, потом сделали из церкви пожарное депо, и пришлось, построить каланчу, чтобы высматривать пожары, а как бы пригодилась каменная колокольня!

В городе открылась машинная станция, где были трактора, комбайны и автомобили. Трактора пахут поля в колхозах, а автомобили возят зерно, товары из Омска и с этой станции, откуда они едут, но только по сухой дороге – по грязи они здесь проехать не могут, да и зимой по снегам тоже.

Дети все учатся в школах, под которые приспособили купеческие дома, а в магазине купца Ермолаева обустроили кинотеатр, где Федот тоже был и смотрел недавно фильм «Путевка в жизнь» подивившись на говорящих, на белой стене, прыгающих и бегающих людей.

Ещё у горсовета, где раньше была управа, поставили на столбе радио и теперь днем можно слушать музыку и новости на всей площади.

– Прошлым летом, – продолжал Федот свой рассказ, – власть перенесла базар, что был в центре, на окраину, за речку, там поставили забор, ларьки, ряды и назвали колхозным рынком. Колхозники, правда, не очень ещё ездят туда торговать, но кое-что из харчей там можно купить. А за рынком, выстроилась целая улица новых домов, названная Пролетарской – это кто из деревень смог уехать, так что городишко приободрился и задышал. Эх, если бы дорога в Омск и сюда на станцию была добрая, чтобы машины всегда могли ездить – то наш город и вовсе поднялся бы, – не даром он в бытность был уездным городом, а уезд на тысячу вёрст тянулся.

В городе все дети учатся – новая власть не разрешает с малолетства работать – хоть три класса, а отучиться надо. В центре новую школу построили – этим летом откроется, так там, говорят, и вовсе учиться будут по десять лет. Я тоже грамоте обучен – три года в приходской школе маялся: письмо, чтение и закон божий, а здесь целых 10 лет учиться! Чудно, – закончил Федот, достал сумку из – под облучка, вынул оттуда половину ковриги хлеба, отломил кусок и протянул его Ивану Петровичу.

– Нате, кушайте, я гляжу, у вас припасов в дорогу нет. Может в чемоданах харчи? Но не похоже – уж больно тяжелы эти чемоданы.

– Там книги, больше, – я же учитель, а как учить без книг? – остудил Иван Петрович любопытство Федота.

– Оно конечно, книги свои вам здесь пригодятся – к нам по грязи и снегам их не больно много возят, – отвечал Федот.

Он снова порылся в суме, вынул, оттуда головку чеснока разломил и протянул несколько зубцов Ивану Петровичу. – Нате, к хлебу – то чеснок хорошо помогает взбодриться. Мне отец говорил, что когда он был на северах, они от цинги чесноком спасались. У нас здесь, слава богу, всяк овощ растёт и зреет, потому этой цинги и нет.

Иван Петрович взял чеснока, натер им горбушку хлеба по примеру Федота, и съел хлеб с удовольствием.

Они продолжали путь дальше. Окружающий ландшафт не менялся: березовые колки, сменяясь осиновыми зарослями, то приближались к самой дороге, то удалялись к горизонту, открывая широкие просторы.

Небо хмурилось, низкие рваные облака мчались с севера им навстречу, из облаков временами сыпалась снежная крупа, покрывая дорогу тонким слоем, скрывающим следы вчерашних повозок, оставленных на подмёрзшей грязи. Холодный ветер раскачивал голые ветки деревьев и бросал снежные зёрна в лицо путникам.

Иван Петрович поеживался от холодного ветра в своем легком пальто и городской кепке. Заметив это, Федот вынул из-под себя кусок войлока и предложил им укрыться от ветра. – Я этим войлоком лошадь прикрываю, на ночь, когда студенеет, сгодится и вам от ветра, – пояснил он.

После пополудни проехали село, оставшееся справа от дороги. От этого села до города оставалось 15 вёрст пути, которые повозка прошла за пару часов и въехала в город. Иван Петрович указал Федоту, и тот подогнал повозку прямо к нужному дому, отвязал чемоданы, получил деньги за дорогу и, распрощавшись, уехал прочь.

Иван Петрович остался один у дома, где проживала его семья, и куда он добрался после долгой дороги. На улочке, ведущей к речке, не было не души. Никто не вышел из дома, навстречу ему, поскольку никто и не знал об его приезде.

Дом, стоял таким же, как и был в последней приезд Ивана Петровича сюда, четырнадцать лет назад, отправляясь в Вологодскую ссылку. Потемневшие сосновые брёвна стен, зеленые,

облупившиеся от краски ставни окон, чуть покосившиеся ворота, калитка с железной щеколдой – всё было, так же как и тогда, только сам Иван Петрович не был прежним.

Тогда он был в расцвете лет и сил и, несмотря на перипетии судьбы, надеялся преодолеть жизненные трудности и обустроиться с семьей на новом месте. Сейчас он чувствовал себя глубоко пожилым человеком, лишенным добрых надежд и только чувство долга перед женой и детьми всё ещё заставляло его действовать и эти чувства привели сюда, к этому дому, перед которым он стоял в грустных раздумьях. Стряхнув оцепенение, он подхватил чемоданы и, отворив калитку, вошел во двор.

На крыльце стоял мальчик четырёх лет и, приспустив штанишки, писал на завалинку. Увидев, Ивана Петровича он побежал в сени.

– Рома, Ромочка! – вскрикнул Иван Петрович: это был его младший сын, – это я, твой папа, – но мальчик, не слушая, забежал в сени – он, по малолетству, не помнил отца, которого не видел с двухлетнего возраста, когда с матерью, братом и сестрами они уехали сюда.

Иван Петрович едва успел поставить чемоданы на крыльцо, как из сеней вышла его жена Анна, посмотреть, что за чужой дядя пришел к ним, со слов сына Ромы.

Увидев Ивана Петровича, Аня вскрикнула и бросилась к нему на шею.

– Ладно, будет тебе, приехал, теперь никуда не денусь, – ласково успокаивал он жену, прижимая к себе её теплое и знакомое тело.

Следом за женой на крыльцо вышла и его теща Евдокия Платоновна, крепкая пожилая женщина семидесяти лет, которые она прожила здесь же, будучи уроженкой здешних мест. Сдержанно поздоровавшись с зятем, она пригласила его пройти в дом: – Нечего здесь на холоде стоять, и Аню морозить. С приездом вас Иван Петрович и пожалуйста в дом, я как раз печь топлю и щи сварила, – сказала и, повернувшись, ушла в дом.

Иван Петрович давно привык к такому отношению тещи. Дело в том, что Евдокия Платоновна считала его виновником всех несчастий и мытарств своей единственной дочери Анны, хотя и понимала, что сам Иван Петрович ни при чём – просто в такое время им выдалось жить.

Он подхватил чемоданы и вошел в дом вслед за тещей. Дом встретил его теплотой, струящейся от русской печи, и пропитанной множеством запахов жизни обитателей. Здесь проживали: его жена Аня с четырьмя детьми, теща – хозяйка дома, который достался ей в наследство от сестры Марии умершей год назад, и тёщина сестра Пелагея – вдовая и бездетная, обитала здесь же, – всего получалось семь человек и он будет восьмым здешним жильцом. Этот дом состоял из кухни, где сейчас хлопотала теща, горницы и небольшой спальни – всего шесть на восемь метров площади, включая холодные сени.

Подростки дети со сдержанной радостью встретили отца. К сдержанности проявления чувств их приучил сам Иван Петрович: как учитель и дворянин он считал внешнее проявление привязанностей уделом слабых и чувственных людей и потому поощрял детей не глупыми любезностями, а добрым словом, опекой и, при возможности, подарком.

Откушав с дороги тёщиных щей, он открыл один из своих чемоданов и начал раздавать каждому в дар то, что припас ещё в Москве.

Тёще и ее сестре досталось по пуховому платку, жене платье, косынка и туфли к лету, дочерям по летнему платью, сыну старшему Борису брюки с рубашкой и сандалии, а младшему позднему и потому любимому, Ромочке – матросский костюмчик с бескозыркой и ботиночками.

За раздачей подарков, их примеркой и обсуждением наступил вечер и пришла пора укладываться на ночлег после чаепития. Иван Петрович не представлял, как они все разместятся спать, чтобы ему с Аней уединиться после двухлетней разлуки, но всё оказалось просто: теща легла на теплой лежанке русской печи; его дочери Августа и Лидия разместились на полатах, которые были устроены над входной дверью; рядом с дверью, на деревянном сундуке улеглась тётка Пелагея; в горнице на кроватях положили сыновей Бориса и Рому, а ему с Аней выдели-

лась маленькая комната – спальня, где Анна постелила им на полу, сняв матрасы с двух железных кроватей со скрипучей панцирной сеткой.

Скоро дом затих, и Аня прижалась к нему всем телом. Их близость, вопреки ожиданиям, оказалась спокойной и бесстрастной после долгой разлуки: из-за его усталости от поездки. Он сразу уснул, ощущая спокойное тепло жены, прижавшейся к нему сбоку. Путь домой к семье завершился на пятидесятом году его жизни.

Рано утром, чуть рассвет начал пробиваться сквозь щели в ставнях, которыми закрывали окна на ночь, отдохнувший Иван Петрович осторожно обнял жену за плечо. Аня тотчас проснулась и бережно приласкав её и ощутив взаимное влечение, он осторожно овладел ею. Утренняя близость случилась бурной и страстной и, напоследок, жена Аннушка даже слегка вскрикнула, прикусив его за плечо.

Откинувшись навзничь, Иван Петрович забылся в сладкой дреме, ощущая, окончательно, свое возвращение в семью и в спокойную мирную жизнь здесь, вдалеке от столицы, и новой власти, затеявшей переустройство страны, невзирая на трудную жизнь людей и обрекая, таких как он, Иван Петрович, на лишения и невзгоды.

II

Следующие три недели Иван Петрович обживался на новом месте, сближаясь с детьми, которые за годы разлуки подросли, подзабыли отца и поначалу дичились.

Конец апреля выдался теплым. Снега сошли даже в лесах, набухли почки на березах и кое – где, на солнцепёке, на деревьях проклюнулись первые листочки, а обочины дорог и опушки рощи покрылись свежестью зеленой травы. На прогретых солнцем досках стайки, где мычала корова, жужжали мухи, мимо них деловито пролетали шмели и над зазеленевшей акацией порхали бабочки.

Но вечерами холодало, к утру земля местами покрывалась инеем, и даже на свежей траве появлялась изморозь, которая, однако, не убивала весенних всходов, а лишь тормозила весенний расцвет, словно предупреждая о недавних морозах, которые в здешних местах могут вернуться вплоть до июня и покрыть весеннюю зелень слоем снега – отзимка.

На следующий день по приезду, отелилась корова, теленку устроили теплый угол в стайке и выпаивали его молоком, отгородив от матери, чтобы он ее не подсасывал.

Корова раздоилась, и молоко появилось на столе, скрашивая незатейливую домашнюю пищу, состоявшую из хлеба, картошка и пустых щей, иногда заправленных свиным салом. За долгую зиму припасы еды заканчивались, и дотянуть до появления огородной зелени можно было только помощью коровы, которая и являлась настоящей кормилицей всей семьи.

Из обитателей дома никто не работал в наём или в учреждении: кто по малолетству, кто по причине преклонного возраста, а жена Анна не смогла осенью устроиться учительницей – не успела подтвердить свой учительский аттестат учителя начальных классов, полученный перед войной в царском ещё училище.

Всю семью содержала и вела хозяйство тёща Евдокия Платоновна. Несмотря на свои семьдесят лет это была крепкая и привычная к тяжелому сельскому труду женщина. Жили все с огорода, который давал в этих местах хорошие урожаи картошки и овощей, а на хлеб и мелкие, но необходимые расходы, Евдокия Платоновна выручала продажей вещей, оставшихся от её прежней купеческой жизни и от умерших двоих сестер Марии и Аксины. Кое – что она умудрилась сохранить, за минувшие с революции годы, и продавала вещи, только в крайней необходимости, поддерживая семью в бедности, но не в нищете.

Домашнюю работу вела тоже Евдокия Платоновна. Она работала в огороде, ухаживала за коровой, заготавливала сено корове и вместе с сестрой Полиной заготавливала дрова на зиму, оплачивая только вывоз этих дров с деляны. И прочие, большие и малые дела были на её плечах и потому, она крутилась в доме целый день без отдыха и, не зная усталости.

С приездом Ивана Петровича тёща рассчитывала на его помощь в делах, которые не могла сделать сама, а именно: поправить дом и дворовые постройки, которые обветшали за эти 15 лет без мужского пригляда. Укрепить забор, поставить на место покосившиеся ворота и выкопать и обустроить погреб, чтобы было где хранить картошку и овощи – в подполе под домом места уже не хватало для припасов на семь человек, а с появлением ещё и мужчины и вовсе было не развернуться.

Иван Петрович сам домашним хозяйством никогда не занимался и под руководством Евдокии Платоновны уже через пару дней приступил к мужской работе. Первым делом он убрал завалинки, которыми был окопан дом на зиму, чтобы лучше сохранялось тепло. Теперь, с весенней порой, он освободил от присыпанной земли нижние венцы бревен, чтобы они просохли от весенней влаги и не гнили. Кое-где бревна все же подгнили, за истекшие сорок лет со времени постройки этого дома, но лиственничные столбы, служившие фундаментом, были крепки и могли простоять ещё не один десяток лет.

Затем он перестелил крышу амбарчика, стоявшего во дворе. Этот амбарчик в лучшее годы случил хранилищем припасов на зиму: осенью, когда наступали холода, здесь хранились мясо, сало, крупы и прочая снедь, не боявшаяся холодов. Сейчас амбарчик был пуст и крыша его обвалилась. Иван Петрович убрал остатки земляной крыши, нарубил за околицей березовых жердей, перетаскал их из леса во двор и настелил из них крышу. Потом летом он намеревался нарезать за городом дерновых земляных пластов и покрыть ими крышу амбарчика.

Многие избы в городке были крыты именно земляными крышами и защищали от дождей и холодов. Следом Иван Петрович поправил забор, укрепив его березовыми кольями, потом подремонтировал стайку, где стояла корова с телянком и в теплом закутке похрюкивал поросянок, которого Евдокия Платоновна выменяла на один из платков, привезенных зятем.

Сразу по приезду Иван Петрович разобрал свои чемоданы: антикварные безделушки, золотые и серебряные украшения, что ему удалось скопить, работая антикваром, он передал жене Анне, которая заперла их в комод, спрятав ключи. Эти кольца, серьги и браслеты Иван Петрович рассчитывал постепенно продавать и тем самым содержать всё семейство до тех пор не устроится учительствовать.

Но, кроме того, он привез с собой и вещи: платки теплые пуховые, летние шелковые и сатиновые, женские блузки и ситцевые платья, мужские рубахи – всё это он прикупил в столице, продав несколько золотых колец, чтобы здесь в сибирской глуши менять эти вещи на продукты и полагая, что не всегда еду можно купить за деньги. Эти вещи он передал Евдокии Платоновне, которая осторожно продала пару платков на местном базаре, и купила в кооперативе сахар, чай, соль, мыло и прочие нужные семье и в хозяйстве товары.

Иван Петрович, по приезду, передал имеющиеся у него деньги Евдокии Платоновне – на ведение хозяйства и Аннушке – для обихода детей, которые за два года жизни здесь порядком обносились и подросли – даже в школу приходилось отправлять детей в малоприглядном виде. Аня прикупила мануфактуры и Евдокия Платоновна, вспомнив профессию швеи, пошила на ручной машинке «Зингер» одежду внукам и внуку для школы.

За две недели Иван Петрович управился с хозяйственными работами и приступил к огороду. Вместе с сыном Борисом, которому исполнилось 13 лет, они вскопали огород лопатами, нарезали грядку для овощей и под присмотром Евдокии Платоновны посадили картошку, а она засеяла морковь, горох, бобы, репу, редьку и прочие овощи, не ожидая заморозков, поскольку все соседи, по чьей-то подсказке, тоже сажали и сеяли в огородах.

Потом, из навоза, вперемешку с соломой, что скопился за зиму от коровы, Иван Петрович вдоль забора выложил высокую грядку для огурцов, насыпал в нее земли с огорода, и Евдокия Платоновна высадила туда огуречную рассаду, а часть засеяла проросшими семенами огурцов, чтобы их созревание растянулось ближе к осени – для засолки. Навоз, начиная преть, подогревал огурцы, боящиеся ночной прохлады, а сверху грядки на ночь закрывались оконными рамами, которые уже выставили из окон с наступлением теплых дней, оставив одинарные стекла на лето.

За домашними делами Иван Петрович не занимался своим трудоустройством, полагая, что сейчас, в окончании учебного года, его вряд ли возьмут учителем. Но всё же он выкроил время и зашел, однажды, в районо, чтобы справиться о работе. Оказалось, что учителей не будет хватать с открытием новой школы и его с удовольствием возьмут осенью на работу, если разрешит областное начальство, поскольку он лишен прав как бывший царский офицер. Ему следует написать биографию, сделать копии документов, заполнить анкету и все это срочно отправить в область, там дело рассмотрят и решат: быть ему учителем или нельзя.

Иван Петрович сделал всё необходимое, его документы приняли и отправили в Омск, так что оставалось только ждать ответа.

Наступила ранняя майская жара, что часто случается в этих местах. Палящее солнце на безоблачном небе разогревало воздух до 30 и более градусов в тени. Земля быстро высохла,

грязь под ногами горожан превратилась в мелкую пыль, которая от малейшего ветерка поднималась вверх и висела под городом серым маревом.

Обитатели дома скрывались от жары за закрытыми ставнями окон. Старшие дети, возвращаясь из школы, бегали на речку, где вода уже прогрелась и, присоединяясь к малышне, плескавшейся на мелководье, с разбега плюхались в воду с берега и подолгу плавали медленно и наперегонки, от берега до берега, между которыми было не более полутора десятка метров.

Иван Петрович с младшим сыном Ромой тоже приходил на берег присмотреть за старшими детьми, иногда разрешая Ромочке поплескаться на отмели. Речка и прежде-то неглубокая, теперь, когда её за городом, выше по течению, перегородили земляной дамбой, встала, начала мелеть, пришлось соорудить дамбу и ниже по течению, а потому в черте города образовался отрезок реки со стоячей водой и отмелями, на которых и плескались малыши.

Рома – поздний ребенок, каковым был и сам Иван Петрович, осторожно заходил голеньким в воду по щиколотки, садился, плескался и пугал мелких рыбешек, бросая в них камешки. Иван Петрович присаживался рядом на бережку и умильно следил за своим младшеньким. Старшие дети, тоже поздние, поскольку Ивану Петровичу было за тридцать, когда он обвенчался с Анной, незаметно подросли за время его скитаний и уже отделились, а вот младшенький Ромочка, был в самом начале детства и Иван Петрович надеялся принять участие в его воспитании.

После знойной недели, жара спала также внезапно, как и установилась, и Иван Петрович продолжил свои дела по устройству домашнего хозяйства. Тёща, Евдокия Платоновна, попросила сходить его к гончару и прикупить 2-3 крынки, пару горшков и кружек, поскольку за зиму глиняная посуда частью потрескалась и побилась.

Иван Петрович, прихватив с собой Рому, пошел на другой конец города, где жил и трудился местный гончар вместе с помощниками из артели инвалидов. Они миновали центр города, где у ларька он угостил Рому газированной водой с сиропом и пряниками. Вскоре подошли к избе гончара, которая выделялась от обычных домов множеством крынок, горшков и кружек, висевших на частоколе, огораживающем двор.

На заборе можно было выбрать посуду нужного размера и помощники приносили из сарая такие же изделия. Сам гончар работал внутри избы и Иван Петрович захотел показать Роме, как делается посуда. Они вошли внутрь избы через низкую дверь, так что Ивану Петровичу пришлось сильно наклониться, и оказались в мастерской.

Гончар, небольшой мужичок со скрюченной ногой, сидел на табуретке и ловко крутил босой здоровой ногой гончарный круг, на котором из куска глины под его пальцами начинала вырисовываться очередная крынка. Мягкая пластичная глина в руках гончара постепенно обретала форму крынка. Рома заворожено глядел на работу мастера и Иван Петрович, следя за вращающимся на круге куском глины, подумал: – Вот и моя жизнь, как эта глина в руках гончара, лепится кем-то неведомым, превращаясь в судьбу.

Гончар, отвлечшись на мгновение на вошедших, сделал неловкое движение и почти готовая крынка потеряла форму и расплылась. Гончар, не расстроившись, смял глину в кусок, сбрызнул его водой и мокрыми пальцами стал снова выводить посудину нужной формы. Через пару минут на круге образовалась новая крынка. Гончар осторожно пригладил ее бока, смачивая руки, потом остановил круг, взял тонкую стальную проволоку, подрезал ею крынку у основания, встал с табурета, подхватил крынку с круга и, перенес ее на полку у стены, поставил рядом с другими изделиями для сушки. Затем он вернулся на своё место и снова занялся работой, не обращая больше внимания на вошедших.

Иван Петрович с сыном вышли из избы во двор. Там помощники гончара – тоже инвалиды: один без руки, другой на деревяшке вместо ноги, хлопотали возле печи для обжига посуды. Печь представляла собой обычную яму, куда слоями загружались березовые поленья

и высохшие в тени под навесом изделия гончара. Потом яма закрывалась листом железа, присыпалась землей, и дрова поджигались через оставленные отверстия.

Посуда обжигалась сутки, печь остывала пару суток, глиняные горшки, крынки, кружки и прочее вынимались из печи, покрывались лаком, сушились и продавались здесь же, таким же проходим, как Иван Петрович, или в воскресный день вывозились на базар, где горожане и сельчане приобретали эту утварь, ибо другой посуды в продаже не было.

У Евдокии Платоновны на кухне было несколько чугунков и пара чугунных сковородок, в которых и готовилась нехитрая пища для всей семьи. В глиняных горшках готовить в русской печи было невозможно, поскольку они часто трескались от жару.

Из избы во двор вышел, прихрамывая, гончар, опираясь на сучковатую палку, закурил, потом зашел в сарай, где хранилась готовая посуда, вышел оттуда и, подойдя ближе, подал Ромочке глиняную птичку – свистульку.

– Возьми, малец, в подарок. Рома, держась отцу за палец, взял игрушку и осторожно дунул глиняной птичке в хвост. Послышался переливчатый свист. Гончар одобрительно посмотрел на ребенка и сказал, обращаясь и Ивану Петровичу:

– Ну, что, выбрали себе посуду по вкусу? Моя глина печи боится: обжигаем дровами, а они нужного жара не дают. Надо бы каменным углём обжигать, да где его сыщешь здесь, по нынешним временам. Зато и дешево – разбилась крынка, не жалко: два – три рубля будет. А вы, я вижу, нездешний будете? И прихрамываете немного – вроде как после ранения на фронте. Наверное, из офицеров царских будете, судя по возрасту? Ивану Петровичу проницательность гончара была ни к чему и он, ответив, что действительно был ранен в германскую ещё войну, где воевал солдатом, перевел разговор на покупку посуды заказанной тещей и на работу гончаров.

– Почему вы все калеченные здесь работаете? – спросил Иван Петрович гончара.

– Так наша артель и называется «Артель инвалидов», – отвечал гончар. Пенсию нынешняя власть инвалидам не платит, но разрешает посильно работать артелью без налогов и помогает организовывать дело. У нас в артели есть кузнецы, бондари, столяры и все инвалиды.

Мы при деле и заработок есть – не сидим на шее у родственников. Мне немец на германском фронте ногу перебил, а эти в гражданскую войну покалечились, причем один воевал за красных, а другой служил у Колчака, теперь все вместе здесь работаем дружно, – проговорил гончар свои объяснения и, докурив сигарку, пошел в избу продолжать работу.

Отобрав в сарае несколько горшков, крынок и кружек, Иван Петрович заплатил за них, положил покупки в холщовый мешок, что прихватил из дома и, попрощавшись, зашагал с сыном к дому в обратный путь, закинув мешок с посудой на плечо и держа сына Рому за руку. Рома, семенил рядом, насвистывая игрушкой – свистулкой на всю улицу.

Следующие два дня Иван Петрович занимался ремонтом крыши амбарчика. Взяв за оглобли ручную тележку, что хранилась в сарае, он выходил за околицу и там, на поляне, вырезал лопатой круглые пласты земли с дерном, грузил эти пласты на тележку и привозил их домой. Приставив лестницу к амбару, он укладывал эти пласты на решетку из жердей, как черепицу, рядами снизу вверх до самого конька. Такая примитивная кровля обеспечивала, тем не менее, надежную защиту от дождя и многие избы по соседству тоже были крыты земляными пластами, как это было, наверное, и сотни лет назад.

Простая крестьянская работа по хозяйству занимала день за днем, отвлекая Ивана Петровича от дум о своём будущем и будущем детей. Старшие дети через неделю кончали учебу в школе и ждали летних каникул, а сын Ромочка привязался к отцу и постоянно следовал за ним по двору, за околицу и на речку, старательно и по – детски помогая отцу в его заботах об устройстве домашнего хозяйства.

Евдокия Платоновна сдала корову в стадо, которое, нанятый обществом, пастух по утрам выгонял за город, где стадо паслось весь день, возвращаясь на закате по тракту – улице, где

хозяева разбирали своих бурёнок и телят по дворам. Утром корову выгоняла сама Евдокия Платоновна, а вечером пригнать корову во двор было обязанностью старшего сына Ивана Петровича – Бориса, который пригнав корову, тотчас убегал к друзьям на берег речки, где мальчишки и девчонки устраивали вечерние игры в салки или Чапаева среди зарослей желтой акации.

Евдокия Платоновна, заслышав мычание возвратившейся коровы, выходила во двор с ведром в руке и куском черного хлеба в другой. Загнав корову в стайку, она давала ей этот кусок хлеба, посыпанный солью, ставила низенькую табуретку, присаживалась, и начинала дойку, пока корова тщательно жевала хлеб с солью. Подоив корову, она возвращалась в дом с полным ведром парного молока, разливала молоко по крынкам, а часть пропускала через сепаратор, чтобы из полученных сливок потом, взбить масло, а обезжиренной пахтой выпаивала поросят.

Прибегали ребятишки, ужинали молоком с хлебом и укладывались спать, а Евдокия Платоновна всё хлопотала в закутке кухни, подготавливаясь к кормлению всей многочисленной семьи на завтрашний день.

Её сестра Пелагея, будучи старше на 7 лет, была рыхлая болезненная старушка и потому проку от нее по хозяйству было немного: она днями могла сидеть на крыльце, если хорошая погода, или у окна на кухне, если было ненастье, наблюдая как Евдокия Платоновна хлопочет в заботах о пропитании, изредка перекидываясь с сестрой пустыми словами.

Жена Анна тоже не любила домашние дела на кухне и занималась младшим сыном, Ромой, который сновал по дому, приставая то к одному, то к другому обитателю со своими просьбами и заботами.

Освободившись, Анна обычно читала книгу, уединившись в дальней комнате, откуда выходила только к столу, откликаясь на призыв своей матери, что кушать подано. Из-за тесноты, все вместе за столом не собирались никогда и трапезничали поочередно, по приглашению Евдокии Платоновны или при освободившемся столе на кухне, за которым еле-еле вмещались три человека.

Закончив ремонт амбара, Иван Петрович, приступил к ремонту стайки, где обитали корова и поросенок, уже подросший на коровьем молоке, и освоивший картошку, очистки и скудные отходы со стола людей. В стайке требовалось укрепить подгнившие столбы по углам и отремонтировать прохудившуюся крышу, чтобы избавить корову от холодных струй осенних дождей. Работать топором Иван Петрович наловчился на фронте, когда рядовым солдатом вместе с другими строили блиндажи для господ офицеров и для себя и укрепляли бревнами стенки траншей и огневых точек.

Тесовая крыша стайки подгнила за долгие годы без присмотра и, по-хорошему, её следовало перекрыть, но досок на новую крышу не было, а купить или достать не представлялось возможным. Иван Петрович надрал в ближнем лесу кусков бересты, прикрыл берестой щели на крыше, придавив бересту жердями, нарубив их там же, в ближнем лесу. Этот лес принадлежал городу, но был безнадзорным и любой житель городка мог срубить березку или осину, для хозяйственной нужды: нельзя было здесь рубить большие деревья на строительство или на дрова.

Подгнившие столбы стайки Иван Петрович начал укреплять березовыми кольями, вбивая их рядом со столбами и подвязывая кол к столбу пеньковой веревкой, скрученной жгутом.

Он так и продолжал бы домашние дела, по которым истосковался за годы странствий по чужим углам, но судьба снова постучала в закрытые ворота его жизни.

III

Иосиф Джугашвили (Сталин) уже одиннадцать лет жесткой рукой восточного деспота правил страной Советов – СССР, создавая Красную империю. Впервые в истории человечества империя строилась правителем не ради его величия, не ради основания династии, а ради благополучия народов СССР, основанного на имущественном равенстве, исключающего привилегии одних групп населения страны за счет труда остальных.

Страна СССР образовалась на руинах Российской империи, триста лет управляемой династией царей Романовых: царей, в основном, ничтожных, мелких и никудышных. Ввязавшись в мировую войну под властью царя Николая Второго, Российская империя показала свою ничтожность и рухнула. Наследственная власть, основанная на родстве, сменилась властью финансовой, основанной на деньгах, как меры достоинств индивидуумов и кланов в человеческом сообществе.

Это произошло в феврале 1917 года. Захватив власть в стране, имущие классы не смогли удержать народ в повиновении и через полгода, под напором толпы, финансовая власть денег рухнула вслед за царской властью и к руководству Россией пришла партия большевиков, которая обещала народу: фабрики – рабочим, землю – крестьянам, мир – народам. Эта партия большевиков, численностью всего несколько тысяч человек захватила силой власть в России, назвала этот захват Октябрьской революцией и начала, как ни странно и нелепо это звучит, претворять свои лозунги в жизнь.

Имущественные и паразитические слои населения, которые, рассчитывая на низменные человеческие инстинкты, полагали, что большевики, как и все предыдущие, захватив власть, начнут набивать карманы и устраивать собственное благополучие, оправившись от первоначального шока и начали оказывать ожесточенное сопротивление новой народной власти, опираясь на помощь и участие других стран в которых везде руководили или наследники династий или финансовые группировки.

Началась гражданская война, в которой большевики, опираясь на народную поддержку, одолели внутренних врагов и их внешних покровителей – интервентов.

После гражданской войны страна лежала в развалинах и руководство партии большевиков вынуждено было отступить в построении справедливого устройства общества и разрешить частную предпринимательскую деятельность, чтобы хоть как -то обеспечить население товарами и продуктами: иначе власть в стране сохранить бы не удалось, да и сама жизнь этих большевиков была под угрозой и в гражданскую войну и после.

За пять лет разрешенной индивидуальной деятельности, кустарным способом удалось немного наполнить рынок товарами и продовольствием, острота проблемы сохранения власти верхушкой партии большевиков спала и исчезла угроза их жизни.

Многие партийные деятели СССР двадцатых годов начали предлагать сохранить курс на предпринимательскую деятельность, чтобы и дальше развивать страну, отказавшись от лозунгов: фабрики – рабочим, землю – крестьянам, тем более, что восстановление частной собственности в стране восстанавливало и власть денег, обеспечивая этим большевистским деятелям и личное благополучие, и благополучие их потомков.

Но на беду ренегатов, к власти в СССР пришел Сталин, который после смерти Ленина – основателя партии и государства, возглавил партию.

Сталин, восточный человек по происхождению и воспитанию, родился в Грузии, в грузинской семье сапожника и крестьянки, окончил духовное училище, учился в духовной семинарии, но бросил её, ввязавшись в революционную деятельность, как он сам говорил: «В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными

группами русских марксистов, проживающих тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе».

Постоянно занимаясь самообразованием, Сталин стал образованным марксистом широчайшей эрудиции и одним из образованнейших людей своего времени, чему способствовала его феноменальная память позволяющая сохранять знания, и умело применять их по необходимости.

Получив религиозное образование, Сталин сделал марксизм и его учение о социальной справедливости своей религией и, как восточный человек, был предан своей религии, невзирая на лишения и невзгоды.

До октябрьской революции, он более 15 лет жил на нелегальном положении, арестовывался семь раз, был в ссылке шесть раз, бежал из ссылки пять раз, долгие годы провел в тюрьмах и ссылках и ради идеи не дорожил своей жизнью, а уж тем более жизнью других, считая, что цель оправдывает средства, если этой целью является построение справедливого для всех общества. Как древние христиане шли на муки за свою веру, так и Сталин был до крайности и фанатично предан идеям социализма.

Отвергая чушь и бред толстовщины «о непротивлении злу насилем» и Достоевщины «о слезе ребенка», которая дороже любых идей и действий, Сталин действовал жестко, а иногда и жестоко для достижения своей марксистской цели-религии.

В революцию и гражданскую войну Сталин хорошо зарекомендовал себя, как умелый руководитель и политик и занял пост руководителя партийного аппарата, что сыграло решающую роль в борьбе за власть в партии после смерти Ленина. На это место претендовал Лев Троцкий (Бронштейн), но еврейская изворотливость и натиск не смогли одолеть восточную хитрость и настойчивость, хотя Бронштейн и считал себя на голову выше по интеллекту, чем Сталин, которого он презрительно называл «серой посредственностью».

Опираясь на партийный аппарат, Сталин занялся укреплением личной власти, понимая, что только силой можно строить великое государство, подавив шатания, колебания и нерешительность партийцев, многие из которых из пламенных большевиков – борцов за равноправие людей, превратились в свиней, смачно хрюкающих у государственных кормушек, отталкивая чужих и пропуская вперед своих сородичей.

За пять лет Сталину удалось укрепить личную власть настолько, что он смог начать перестройку общества, как и обещали большевики, совершая октябрьскую революцию 1917-го года, и продолжить дело Ленина, которого Сталин считал своим вождём и учителем.

Реализация лозунгов революции требовала развития промышленности и коллективного труда крестьян, ибо частная работа крестьянина на своем участке земли порождает частную собственность на результаты труда, что противоречит лозунгам революции. «Земля – крестьянам» вовсе не означает раздать землю по кускам каждой крестьянской семье, а передать крестьянам землю в пользование, чтобы сообща владеть результатами труда на земле. Также и с лозунгом: «фабрики – рабочим».

В отсталой и разрушенной войной стране – СССР поднять промышленность и сельское хозяйство можно было только принуждением и воспитанием сознания людей, поднимая их энтузиазм великой целью построения справедливого, для всех трудящихся, общества.

Понимая, что при наличии множества врагов внутри страны, которые лишились своих привилегий, и внешних врагов, которые были и всегда будут у России в мире, Сталин взял курс на ускоренный курс развития страны, порой за счет временных бытовых лишений и неудобств для людей.

Выступая перед рабочими мастерских, Октябрьской железной дороги Сталин говорил: «Что значит индустриализовать нашу страну? Это значит превратить страну аграрную в страну промышленную. Это значит поставить и развить нашу индустрию на новой технической основе.

Нигде ещё в мире не бывало, чтобы аграрная отсталая страна превратилась в страну индустриальную без ограбления чужих стран или без больших займов и долгосрочных кредитов извне. Вспомните историю промышленного развития Бельгии, Германии, Англии и вы поймёте, что это именно так. Даже Америка, самая могущественная из всех капиталистических стран, вынуждена была после гражданской войны провозиться целых 30-40 лет, для того, чтобы развить свою промышленность за счет займов и долгосрочных кредитов извне и ограбления прилегающих к ней государств и островов.

Можем ли мы стать на этот «испытанный путь»? Нет, не можем, ибо природа Советской власти не терпит колониальных грабежей, а на большие займы и долгосрочные кредиты нет оснований рассчитывать.

Остается один путь, путь собственных накоплений, путь экономии, путь расчетливого ведения хозяйства, для того, чтобы накопить необходимые средства для индустриализации нашей страны. Нет слов, задача это трудная, но, несмотря на все трудности, мы ее уже решаем».

А собственные накопления можно было проводить только за счет недоплаты труда рабочих и крестьянин и, как следствие, низкого уровня их жизни – в условиях подобных военному времени.

Решая задачу коллективизации сельского хозяйства, Сталин тем самым восстанавливал сельскую общину, разрушенную земельной реформой Столыпина, но на новой, более высокой основе.

Крестьяне не только должны были сообща владеть землей, но и сообща хозяйствовать на общей земле и тем самым сельское население из разрозненных семей сплачивалось в коллективы тружеников, подобно рабочим на фабриках и заводах, где результаты труда одного сливались с другими в мощные потоки, поднимая страну с колен разрухи и одновременно повышая уровень жизни тружеников города и села, насколько это позволяли обстоятельства жизни, когда внешние и внутренние враги, словно жуки – древоточцы подтачивали сами устои советской власти.

Выступая в 1931 году, перед работниками промышленности Сталин в своей речи «О задачах хозяйственников» говорил: «Мы отстаём от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пройти это расстояние в две пятилетки. Либо мы сделаем это, либо нас сожрут».

В 1933 году, подводя итоги первой пятилетки, Сталин говорил: «Правильно ли поступила партия, проводя политику наибольших ускоренных темпов? Да, безусловно, правильно. Нельзя не подгонять страну, которая отстала в своем развитии на столетие и которой угрожает из-за ее отсталости и иной экономической модели строительства смертельная опасность. Мы не можем знать, в какой день нападут на СССР империалисты и прервут наше строительство, а что они могут напасть в любой момент, в этом не могло быть сомнения, поэтому партия должна была покончить в возможно короткий срок со слабостью своей страны в области обороны».

Решая эту задачу, Сталин руководствовался известной истиной: «Пушки вместо масла».

Другой задачей, решаемой одновременно с развитием промышленности, была задача развития сельского хозяйства, чтобы обеспечить население продовольствием, поскольку крестьяне, в основном, и потребляли всё что произвели.

В 1927 году, на съезде партии, Сталин говорил: «Выход в переходе мелких и разрозненных крестьянских хозяйств на крупные и объединённые хозяйства на основе общественной обработки земли, в переходе на коллективную обработку земли на базе новой высшей техники. Выход в том, чтобы мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства постепенно, но неуклонно, не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения, объединять в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли, с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. Другого выхода нет».

С настойчивостью восточного деспота и упорством верующего в идеалы социализма человека, Сталин претворял в жизнь поставленные цели построения нового общества социализма, ломая сопротивление врагов и ренегатов – партийцев, умело стравливая их между собой, так чтобы они истребляли друг друга.

Подводя итоги первой пятилетки, Сталин говорил в 1933 году: «Наша страна превратилась из аграрной в индустриальную, из мелкокрестьянской – в страну самого крупного, передового, социалистического земледелия».

Эксплуататорские классы были выбиты из своих производственных позиций. Их остатки рассеялись по всей стране, и повели борьбу против Советской власти тихой сапой. Поэтому необходимо было повысить бдительность, повести борьбу за охрану социалистической собственности-основы Советского строя, всемерно укреплять диктатуру пролетариата.

Вывод страны – СССР на передовые рубежи в мире, Сталин рассматривал как средство достижения цели: «Необходимо добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей. Чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда к какой – либо профессии.... Для этого нужно, прежде всего, сократить рабочий день, по крайней мере, до 6, а потом до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно дальше, коренным образом улучшить жилищные условия, поднять реальную заработную плату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путём прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путём дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления».

Трудящиеся СССР, в основном, с энтузиазмом включились в строительство нового общества, даже испытывая тяготы и лишения на первых парах. Многие старались делать дело лучше и быстрее, соревнуясь с другими. Сталин говорил, что: «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и героизма. Ничего подобного нет, и не может быть в капиталистических странах».

Как писал поэт Маяковский: «Радуюсь я, это мой труд вливается в труд моей республики».

В итоге преобразований, затеянных Сталиным, должна была быть полностью исключена эксплуатация человека человеком, уничтожена частная собственность, служащая основой такой эксплуатации, чтобы каждый трудящийся в стране работал на страну и вся страна работала на каждого человека, будь то ребенок, старик или инвалид.

Для тех, кто не хотел строить новое общество, власть большевиков ввела трудовую повинность под лозунгом: «Кто не работает – тот не ест».

С позиции здравого смысла и марксизма: учения о справедливом устройстве общества, любой, кто использует результаты труда других в собственных целях, тот является преступником, точно таким же, как и бандит, отнимающий кошелек у прохожего в темном переулке, поскольку цель у них общая: присвоение себе имущества или труда другого, ибо труд является такой же собственностью человека, выполняющего работу, как и кошелек этого человека, вместе с содержимым.

Приверженца капитализма, считая его высшим и последним этапом совершенствования человеческого общества, возвели, частную собственность в ранг божества, как священный и неприкасаемый идол общественных отношений людей между собой. Ценность любого человека в этом обществе измеряется не его умением, знаниями и способностями, а количеством

частной собственности принадлежащей этому человеку, которая, в свою очередь, обеспечивает этому человеку возможность использовать труд других людей, не имеющих частной собственности, для своей пользы.

Сапожник, нанимая себе подмастерья, оплачивает ему труд, но не полностью: иначе, зачем бы этому сапожнику нанимать этого подмастерья?

Но недоплаченную часть труда присваивает себе, что и является целью сапожника.

Владелец фабрики, нанимая рабочих, преследует те же цели, что и сапожник, только в более крупных размерах: присвоения части труда, уже многих работников, а не одного подмастерья. Пусть даже владелец фабрики сам управляет и организует производства – всё равно, в итоге, он присваивает себе значительно большую часть результатов труда рабочих фабрики, чем стоит труд этого владельца по организации производства. И так происходит в любом деле, где создаются товары и услуги, порождая племя паразитов, живущих за счет труда других.

Наиболее ярким примером паразитизма одних людей за счет других, является наследование частной собственности в виде денег, фабрик и заводов и даже результатов труда, например ученых, писателей и прочей творческой интеллигенции.

Пусть некий Дюпон, своим талантом, знаниями и трудом создал нечто полезное обществу людей, и общество вознаградило его за это творение средствами и личным имуществом в таких размерах, которые превышают личное потребление данного творца и он, прожив отпущенный ему срок, оставляет эти накопления в наследство своим отпрыскам или родственникам, которые получают возможность праздной жизни за счет наследства, не занимаясь трудом.

Кто они такие, как не паразиты, поскольку существуют за счет общества в настоящем, пользуясь средствами и имуществом, созданным в прошлом и не своим трудом?

Большевики, изначально, когда ещё стремились захватить власть, декларировали отказ от частной собственности, в том числе и наследуемой, конфискацию и перевод частной собственности в государственную и коллективную. Доходы от этой собственности предполагалось использовать на развитие страны и улучшение жизни всего населения через общественные фонды потребления на медицину, образование, строительство жилья, содержание нетрудоспособных и прочие нужды населения.

Наиболее ярким и последовательным приверженцем этой идеи являлся Сталин, который, после смерти Ленина, возглавил партию и, не занимая никаких официальных постов в государстве, сумел стать вождем государства и народа, сломив ожесточенное сопротивление части руководства партии большевиков и всего государственного аппарата.

Дело в том, что захватив власть и бескорыстно отстояв её в гражданской войне, когда поражение было равносильно потере жизни, партийная верхушка большевиков, в партии и государстве, в значительной ее части, оказалась не прочь попользоваться преимуществами и привилегиями власти, обеспечивая себе комфортное положение, обзаводясь имуществом, ценностями и средствами, с тем, чтобы впоследствии передать собственность потомкам – как бы по наследству.

Если цари, дворяне, капиталисты и прочие: власть и средства имущие классы, свои посты, титулы и средства получали и передавали по наследству, то почему бы и им, заслуженным большевикам и государственным деятелям не совершать то же самое, образовав новые имущественные кланы по партийной принадлежности?

Особенно, такие настроения в партийной верхушке и в государственном аппарате стали усиливаться после первых успехов в экономике и укреплении государства СССР, способного уже противостоять внешним угрозам.

Сталин, будучи сам аскетом в личной жизни, равнодушным к материальным благам, комфорту и стяжательству, убеждённым в возможности построения справедливого общества на основе теории Маркса и по заветам Ленина, жестко пресекал попытки партийцев и чиновников к личному благосостоянию, зная, что обширная личная собственность непременно пере-

рождается в частную собственность, а частная собственность порождает только частную собственность со всеми её пагубными последствиями для большинства населения страны.

Таким образом, угроза идеалам большевизма, после первых успехов государственного строительства в СССР, стала исходить от значительной части верхушки партии и государственного аппарата, поскольку высшие чиновники также были членами партии большевиков, что являлось обязательным условием.

С другой стороны, в стране – СССР в начале 30-х годов двадцатого века, оставалась значительная часть представителей классов и сословий, которые в результате захвата власти большевиками утратили своё положение и собственность: это были дворяне, помещики, капиталисты, купцы, служители культа, банкиры и прочие привилегированные классы при прошлой царской и буржуазной властях.

Какая-то доля этих людей сбежала за границу вместе с интервентами, но многие остались в стране, приспособившись к новой власти, трудясь, используя свои знания и умения, и, в большинстве своём, желая возврата своих привилегий и имущества, мечтая о реставрации прошлого, и, при случае и по мере сил, оказывая скрытое сопротивление власти большевиков, путем саботажа, вредительства и пороча новую власть в глазах населения ложными слухами и клеветой.

При этом, существовали и подпольные организации по силовому сопротивлению народной власти. С первыми успехами социалистического строительства в СССР эти люди и организации усилили борьбу против новой власти, понимая, что при дальнейших успехах большевиков народ обмануть будет труднее и свергнуть советскую власть, силой уже не удастся.

Сложилась ситуация, когда ренегаты внутри власти и свергнутые классы действуя независимо, а иногда и слажено друг с другом, преследовали одни и те же цели, а именно: свержение вождя страны – Сталина и немногих, преданных ему и идеалам социализма руководителей партии, чтобы в той или иной форме восстановить в стране власть частной собственности и власть привилегированных классов, независимо от того как они будут называться: аристократы или партократы.

Понимая это и постоянно указывая в своих выступлениях об усилении классовой борьбы внутри страны по мере успехов в построении социализма, Сталин призывал к повышению бдительности, и непримиримости к врагам внутренним, независимо от того нападают и вредят они справа или слева. Сталин говорил: «Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности».

В борьбе с врагами той модели социализма, которую он намеревался строить, Сталин сделал ставку на органы государственной безопасности, которые своим существованием, содержанием и даже названием обязаны были сохранять безопасность государства. Эти органы, изначально называясь «ЧК», хорошо зарекомендовали себя в гражданскую войну и первые послевоенные годы, и в 30-е годы именовались ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление, преобразованное в Главное Управление государственной безопасности в составе НКВД, которым с 1934 года руководил Генрих (Енох Гершенович) Ягода, еврей по национальности.

Сталин не придавал значения национальности, а руководствовался деловыми качествами партийцев и в этом ошибался. Национальность человека, в сочетании со средой воспитания, в которой ребенок растет, во многом определяют дальнейшие черты характера уже взрослого человека.

Енох Ягода, был соплеменник и верный последователь идей Троцкого, который планировал захват власти в СССР ещё в 20-е годы, ставя целью: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания это будет не

справа, а слева и не белая, а красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн.

Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках её укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного идиотизма, до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных куртках – сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы, о как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть всё Русское! С каким наслаждением они уничтожают русскую интеллигенцию – офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, академиков, писателей...»

Лев Троцкий со своими руссконенавистническими идеями был отстранён от власти Сталиным и его соратниками, отправлен в ссылку, а впоследствии и выслан из страны, но его цели, потаенно, осуществлялись соплеменниками и вырожденками из русского народа, о которых писатель Достоевский сказал: «Велик русский человек, но если предаёт, то тоже до самого дна, до самой мерзости».

Такие люди и организовывали кровавую баню русскому народу под предлогом борьбы с врагами народа, под которых подводили всех, кто сопротивлялся произволу карательных органов, заполненных соплеменниками Еноха Ягоды.

Для изоляции врагов народа и уголовников была организована сеть лагерей, под единым руководством Главного управления лагерей (ГУЛАГ) в системе госбезопасности.

Возглавив репрессивный аппарат НКВД и под видом борьбы с врагами Советской власти и партии большевиков, Енох Ягода, согласно идеям Троцкого, начал массовое преследование представителей бывших привилегированных классов, а также инициативных интеллигентов, передовых рабочих и крестьян, навешивая им всем ярлыки «врагов народа», чтобы лишить население страны лидеров и обеспечить захват власти своими соплеменниками и единомышленниками, которых тяготила власть Сталина.

Сталин, будучи сам неприхотлив в быту и целиком посвящая свою жизнь делу построения социализма, требовал того же и от своего окружения, вызывая ропот и недовольство даже у соратников, которые считали, что Советская власть достаточно укрепилась и вполне можно начать укреплять свое личное благосостояние, а народ может и подождать.

Вдобавок, Сталин ввёл для членов партии так называемый «партмаксимум», по которому зарплата члена партии не могла превышать определенной величины. Часто получалось так, что директор завода – член партии, получал зарплату намного ниже, чем простой инженер – беспартийный специалист, работающий на том же заводе.

Недовольные партийцы и враги желали отстранения Сталина от власти, для чего следовало лишить его народной поддержки и лишить его поддержки соратников, а народных активистов запереть в лагерях под видом «врагов народа».

Однако, действующая в СССР система законности не позволяла развязать массовые репрессии без суда и следствия. И тогда, удивительно вовремя, через полгода как Енох Ягода стал во главе НКВД, был убит Киров – партийный руководитель Ленинграда, член руководства партии, соратник и личный друг Сталина.

Сталин поехал в Ленинград, пытаясь разобраться с убийством друга. Он, конечно, ни на минуту не поверил, что Кирова убил ревнивый муж Николаев из мести за связь с его женой, так как этот Николаев уже давно знал об измене своей жены и относился к этому спокойно.

Главное в этом деле было то, что убийце удалось подобраться к Кирову в охраняемом здании в момент, когда, личная охрана Кирова отвлеклась. Это было невозможно без содействия других. Но следствие так и остановилось на версии одиночного убийцы, потому что охранник – свидетель погиб в «случайной» автокатастрофе, не успев ничего рассказать.

Сталин, мнительный, как все азиаты, понял, что враги подобрались к нему вплотную и без жестких контрмер может быть убит и он, не достигнув своей цели, построения социализма в СССР, успехи которого уже начинали проявляться во всех областях человеческих отношений.

За себя Сталин, бывший подпольщик и террорист ничего не боялся, но он знал, наверное, что без него строящееся здание социалистического государства рухнет из-за непрофессионализма строителей и под натиском внутренних и внешних врагов.

Имея большой опыт подпольной работы, аресты и ссылки в борьбе с царизмом, Сталин осознал на практике, что внутренний враг опаснее внешнего врага, а предатель хуже любого врага и потому, внутренние враги в стране и предатели в партии должны уничтожаться быстро и беспощадно.

Используя момент, Енох Ягода добился от Сталина дополнительных полномочий для органов госбезопасности, которые позволяли, при необходимости, нарушать закон, арестовывать и судить в ускоренном режиме подозреваемых во вражеских намерениях без достаточных оснований. А придумать или сфальсифицировать враждебные намерения для любого, неугодного органам безопасности, обывателя страны Советов не представляло никакого труда.

В низовые структуры органов безопасности на местах посыпались приказы и распоряжения Еноха Ягоды о повышении бдительности и усилении борьбы с врагами народа, с заданиями и разнарядками по количеству разоблаченных врагов народа каждому подразделению ГБ, от республики и области, до района и отдела. Была весна 1935 года.

IV

Оперуполномоченный по Токинскому району, старший лейтенант госбезопасности Борис Григорьевич Вальцман (на самом деле БорухГиршевич): невысокого роста, рыжеватый и лысоватый представитель своего племени сидел в своём кабинете в райотделе НКВД, размышляя, как ему улучшить борьбу с врагами народа, если в этом сельском районе в глубине Сибири этих самых «врагов народа» не наблюдается, а директивы из центра выполнять надо.

Вошла секретарь – машинистка, вошла без стука, поскольку посторонних не было, а их связывали не только служебные, но и интимные отношения, и положила Вальцману на стол сегодняшнюю почту. Оперуполномоченный с удовольствием шлепнул секретаршу по упругой ягодице, ощутив ладонью теплоту женского тела через ситец легкого платья, когда она, повернувшись, отходила от стола, подумал: не заняться ли прямо сейчас на диване любовными утехами с ней, благо посетителей нет, но решил сначала разобрать почту.

Кроме очередных циркуляров от начальства из области о повышении бдительности и сводки преступлений за прошлую неделю, в почте было письмо, на его имя без обратного адреса. Барух Вальцман вскрыл конверт и прочитал следующее:

«Оперуполномоченному товарищу

Б.Г.Вальцману

От члена партии с 1918 года

Туманова С.Г.

Заявление.

Сообщаю, что по соседству со мной, в доме на Кузнечном переулке №5, объявился и проживает Домов Иван Петрович, бывший царский офицер и белогвардеец – колчаковец. Этот Домов бывал здесь в 1917-1919 годах у своего тестя, купца Щепанского. Он эсер, воевал за белых, потом исчез и где был 15 лет неизвестно. Сейчас враги народа прячутся по тайным углам, чтобы не отвечать за свои вражеские действия, может и Домов решил отсидеться здесь. Прошу проверить.

Коммунист Туманов.»

– А что, вот он настоящий враг объявился, будет, что сообщить в область, – подумал Вальцман, встав со стула и прохаживаясь по кабинету. – Надо сказать начальнику райотдела, чтобы прямо сегодня, после обеда послал двух милиционеров задержать этого офицера, а завтра и проверим, не врёт ли Туманов в своем доносе.

Из своего опыта, оперуполномоченный знал, что без причины такие доносы не пишутся: наверняка есть какие-то корысти и у Туманова, но это не важно – важно разоблачить врага и отчитаться наверх: может начальство заметит его усердие и переведет на службу в город – сколько можно гнить в этой дыре!

Борух отнес донос начальнику райотдела НКВД, переговорил с ним и, решив вопрос, вернулся к себе, позвал секретаршу в кабинет и, запершись изнутри как бы на обед, они, не раздеваясь, предались на диване плотским забавам, так, что секретарша иногда страстно вскрикивала, позабыв об осторожности, которой Вальцман её учил-учил, но так и не научил.

Иван Петрович работал во дворе, обтесывая топором очередной березовый кол, для укрепления забора между соседним двором, когда калитка отворилась, и в ограду вошли два милиционера. Их визит не сулил ничего хорошего, но и особых причин для волнения не было.

Иван Петрович, вонзив топор в чурбан, служивший опорой, вытер потные руки и, чуть прихрамывая, подошел к милиционерам, чтобы справиться о целях их визита.

– Домов Иван Петрович, не вы ли будете? – спросил один из милиционеров, судя по петлицам, сержант.

– Да я, а в чем дело? – вопросом на вопрос ответил Иван Петрович, насторожившись от упоминания его фамилии милиционерами, поскольку он ещё не зарегистрировал в милиции свой приезд и там никак не могли знать об его приезде.

– Вам придётся пройти с нами в райотдел для выяснения личности и прихватите свои документы, если они имеются, – продолжил сержант, доставая папиросу и закуривая, чем несколько успокоил Ивана Петровича.

– Так я пойду в дом, переодеться и взять документы? – спросил он разрешения.

– Конечно, конечно, идите, – разрешил сержант, присаживаясь на крыльцо и расстегивая воротник гимнастерки, – день выдался жаркий было душно и по всему следовало, что к вечеру ожидается гроза.

Иван Петрович, окончательно успокоившись от миролюбивого настроения милиционеров, вошел в дом, сказал Анне, что за ним пришли милиционеры, но волноваться не следует: видимо обычная проверка личности и придётся ему пройти в райотдел.

Анна испуганно вскрикнула, отчего сын Рома заплакал. Он успокоил их, как мог, переоделся и, уходя, наказал теще, на всякий случай, закопать мешочек с золотишком, на чердаке в стружках, которые вперемежку с мхом покрывали чердак для утепления потолков, а сверху были присыпаны землей.

– Там искать не будут, если случится обыск, а если и будут, то не станут рыться по всему чердаку, – наставлял он тещу. Та обещалась сделать всё, как следует, и, не прощаясь, Иван Петрович вышел из дома.

Старшие дети где-то бегали и Иван Петрович в сопровождении милиционеров, прошел по улице, под удивленные взгляды соседки, которая насторожилась, неся вёдра с водой из колодца, который находился на соседней улице.

С полными вёдрами идет навстречу, – подумал Иван Петрович, – это хорошая примета, – успокаивал он себя, шагая рядом с милиционерами, как бы случайно, а не под арестом. Впрочем, мысль об аресте даже не приходила ему в голову. Вины за ним не было, документы и в Москве у него неоднократно проверяли, задерживая в отделениях милиции, иногда на день – два, а иногда на пару часов всего.

Зайдя в райотдел, милиционеры сдали Ивана Петровича дежурному, который препроводил его в камеру и запер дверь, даже не обыскивая.

– А как же выяснение личности? – спросил удивленно Иван Петрович дежурного.

– Завтра и личность будут устанавливать и допросят – всё завтра: так начальник приказал и вообще, не милиция будет вами заниматься, а госбезопасность, мое дело запереть вас в камере, – ответил дежурный и ушёл, позвякивая ключами от камер.

Иван Петрович растерянно присел на край топчана, стоявшего у стены. Дело принимало плохой оборот. Гэбешники – это не милиция, церемониться не будут, тем более, что в стране разворачивается кампания по борьбе с врагами народа, о чем он знал из газет. Могут и ему припомнить службу у Колчака, хотя и по принуждению, но служил целых полгода и был ранен.

Он прилёг на топчан, тщетно пытаясь найти объяснение своему аресту, но ничего не получалось. Именно в этом и заключался замысел Вальцмана: пусть задержанный помучается в неведении до утра, тогда утром будет проще вести допрос и добиться признания.

Вечером дежурный принёс арестанту кружку чая и ломоть хлеба – вся еда, поскольку ни кухни, ни повара в райотделе не было, а Иван Петрович являлся единственным узником, которого надо кормить.

Иван Петрович поел, оправился в ведро, служившее в камере парашей, снова лёг и долго не мог заснуть, мучаясь на досках топчана в тяжелых раздумьях о своей судьбе и сожалея, что, не догадался одеть пиджак, которым сейчас бы прикрывался, поскольку ночью от стен камеры, тянуло холодом и сыростью несмотря на жаркие дни.

Утром кормёжка повторилась, а спустя пару часов послышалось звяканье ключей, дверь отворилась, вошел конвоир и повел Ивана Петровича в кабинет оперуполномоченного.

Борух Вальцман сидел, развалившись на стуле, когда конвоир ввел Ивана Петровича в его кабинет. Районное управление ГБ состояло из трех человек: Вальцмана, его помощника и секретарши, а для оперативной работы и следствия Вальцман был вправе привлекать милиционеров, даже не спрашивая согласия начальника райотдела милиции. Впрочем, и в райотделе было всего одиннадцать человек, включая четырёх командиров. Еще шесть человек были участковыми в крупных селах по району – вот и вся милиция и ГБ на район, в котором проживало 50 тысяч человек населения.

Увидев вошедшего, Вальцман встал, оправил гимнастерку, застегнул пуговицы до воротничка, подчеркивая официальность, сел и, предложив сесть Ивану Петровичу на стул у стенки, стал внимательно рассматривать арестованного.

Перед ним сидел мужчина на склоне лет, видимо прошедший через годы мытарств и лишений, а потому смотревший на него с усталым равнодушием.

– Да, нелегко будет сделать из этого усталого человека врага народа, – подумал Борух-Гиршевич и приступил к допросу без протокола.

– Я, оперуполномоченный госбезопасности по району – Вальцман, а вы гражданин Домов Иван Петрович? – спросил он.

– Да, вот моя справка лишенца прав, – ответил Иван Петрович и достал из кармана брюк справку, которую захватил из дома. Такие справки выдавались вместо паспортов лишенным прав бывшим офицерам, служащим, уголовникам и прочим чуждым советской власти классовым элементам.

Правда все крестьяне и многие горожане тоже не имели паспортов и жили спокойно, получая, при необходимости поездки куда – либо аналогичные справки в милиции. Однако, в их справках не указывалось о лишении прав. Это лишение означало, что данный человек не может голосовать при выборах органов власти, занимать руководящие должности, служить в армии или в милиции и прочее.

Вальцман внимательно просмотрел справку, отложил её на край стола и продолжил: – Нам поступил сигнал, что вы, бывший белый офицер, прибыли сюда по заданию своей организации, чтобы проводить враждебную деятельность и организовать восстание в районе. Советую чистосердечно раскаться и признаться, что смягчит вашу вину.

Иван Петрович опешил от слов Вальцмана. – Значит, милиционеры пришли не случайно, а по доносу. Но кто и зачем мог донести на него?

И тут он вспомнил случайную встречу на улице с соседом Тумановым, с которым входил в состав уездного комитета в восемнадцатом году. Этот Туманов, со слов жены Анны, пытался ухаживать за ней, чтобы породниться с купеческой семьей Щепанских, но Анна отвергла его притязания и уехала в Омск, где встретила Ивана Петровича и вышла на него замуж.

Венчались они в местном храме, что был за рекой и потом, бывая в городке у жены, Иван Петрович, встречаясь на улице с соседом Тумановым, не раз ловил на себе его злобные взгляды.

Вот и недавно, когда Иван Петрович вёз на телеге кадушку с водой из колодца, он встретил Туманова, с трудом признав в этом плешивом человеке, того энергичного солдата, что устанавливал власть Советов, здесь в уездном городке и принадлежал к большевикам, в отличие от эсеров, к которым относился Иван Петрович. Туманов видимо тоже признал Ивана Петровича, поскольку проводил его злобным взглядом и, проходя мимо, смачно сплюнул в сторону.

– Уж не Генка ли Туманов, дал вам сигнал о моей появлении здесь? – спросил Иван Петрович Вальцмана, и потому, как дернулась у того щека, понял, что попал в точку.

– Вопросы здесь задаю я, а вам следует отвечать и говорить правду, – буркнул Вальцман, обдумывая как ему поступить дальше.

–Этот Домов твердый орешек, расколоть его и подвести под врага народа будет непросто, но я это сделаю, – подумал оперуполномоченный и продолжил допрос.

– Когда вы приехали сюда?

– Три недели назад, наверно сохранился мой билет на поезд сюда, и местный возница может подтвердить это, – отвечал Иван Петрович привычно и без натуги, имея опыт общения с органами НКВД, при его задержаниях в Москве.

– Цель вашего приезда сюда?

– Здесь живёт моя семья: жена и четверо детей. Жена местная уроженка, она учительница и я учитель, – решили здесь заняться учительством и растить детей, благо есть тёща и тётка, – они помогут с детьми. Мне пятьдесят лет, я устал скитаться по чужим углам, а у тётки свой дом.

Я здесь в восемнадцатом году жил и был членом уездного Совдепа от партии эсеров, потом арестовывался колчаковцами, полгода сидел в тюрьме в Омске, там насильно был мобилизован в белую армию, один раз был в бою, под Миусом, ранен в ногу и лечился здесь, потом в Иркутске. Там был мобилизован в Красную армию и служил командиром учебного батальона. А после увольнения из Красной Армии, как бывший офицер, сослан в Вологду, где работал учителем в школе, затем в НЭП был антикваром и экспертом в Историческом Музее Москвы, когда жил в Подмосковье.

Но с семьёй там трудно жить, вот и решил перебраться сюда и учительствовать здесь вместе с женой: у меня высшее учительское образование, жена окончила учительскую семинарию в Ялutorовске, и я знаю, что учителя здесь нужны – школа новая открывается, я уже и заявление подал, – подробно рассказывал Иван Петрович свои мытарства и планы, зная, что его рассказ можно будет легко проверить и подтвердить правоту слов.

Оперуполномоченный Вальцман, слушая долгий рассказ Ивана Петровича и не перебивая его, начинал тихо свирепеть: – Что он плетет, этот офицеришка, как – будто его слова что-то значат, –думал Вальцман, искоса поглядывая на Ивана Петровича. – Будет так, как я решу, а я решил уже, что укуеку этого учителя с высшим образованием в лагеря – пусть там бревна покатает и мне зачтётся ещё один разоблаченный враг народа, который надумал спрятаться здесь в глуши от справедливого наказания.

Сам Вальцман не имел образования, кроме начальной школы при синагоге, а потому испытывал зависть и ненависть к образованным людям, особенно к русским.

– Хватит здесь сказки рассказывать, – прервал Вальцман исповедь Ивана Петровича. – Мы, конечно, проверим ваши показания, но ваши прошлые дела не могут служить оправданием нынешних враждебных намерений. После подлого убийства товарища Кирова, враги оживились и решили, что настало их время, но партия и карающий меч – органы госбезопасности стоят на страже завоеваний революции и не позволят врагам народа вернуть страну в проклятое царское прошлое. И я никогда не поверю вашим словам, что царский офицер не имеет враждебных намерений относительно народной власти и её вождя товарища Сталина.

– Я не царский офицер, а фронтовой, поскольку стал офицером на германском фронте, где сначала был солдатом и имею три Георгиевских креста солдатских, потом был членом уездного Совдепа и красным командиром, – а вы меня попрекаете офицерским званием. Маршал Тухачевский тоже был царским офицером и ещё много большевиков – заслуженных деятелей революции были офицерами на фронте, так что не все офицеры есть враги, как вы говорите, народа – вот и я вовсе не враг, а учитель: хочу и дальше учить детей, как делал это до войны и до революции, – возразил Иван Петрович, чем ещё больше разозлил Вальцмана, которому нечего было ответить на его слова.

– Вижу, что вы не хотите сказать, зачем и почему добровольно уехали из Москвы в эту глушь, потому идите в камеру и хорошенько подумайте, а я вам гарантирую, что без чистосердечного признания вы отсюда не выйдете, кроме как в лагеря или под высшую меру наказания, если мои предположения оправдаются, – закончил допрос Вальцман и вызвал дежур-

ного милиционера, который препроводил Иван Петровича в его камеру, где оказался еще один узник – сильно пьяный работяга в разорванной рубаше, который что-то бормотал лёжа на топчане, где провел ночь Иван Петрович.

Иван Петрович прилёг на свободный топчан и задумался. Положение оказалось хуже, чем он предполагал. Есть донос на него, и есть Вальцман, который дал ход этому доносу. Насколько жестоки и беспринципны бывают местечковые евреи, когда власть или деньги в их руках, Иван Петрович знал, не понаслышке, по своим скитаниям.

– Эх, если бы кто здесь мог заступиться за меня, тогда другое дело, – размышлял Иван Петрович, – но нет здесь никого с положением, кто мог бы поручиться за него. Был в Москве у него в знакомых видный большевик – Гиммер: тот мог бы прежде похлопотать за него, но и он, перед отъездом Ивана Петровича был снят с должности за связь с троцкистами.

Именно этот Гиммер и посоветовал Ивану Петровичу уехать поскорее из Москвы, чтобы не попасть под каток борьбы с врагами народа, что начал раскручивать Генрих Ягода, уничтожая, под сурдинку, цвет русской нации, как и учил своих последователей Троцкий.

– Из Москвы уехал, а здесь влип, как кур в ошип, – тоскливо размышлял Иван Петрович, под пьяное бормотание сокамерника.

Незаметно он впал в состояние полудремы, из которого его вывел скрип открываемой двери, и на пороге показалась тёща, Евдокия Платоновна, с узелком в руках.

– Вот, принесла вам обед Иван Петрович, – здесь, как сказал дежурный, кормят только хлебом и дают чаю из смородиновых листьев – это я ещё с утра узнала, когда вас на допрос отвели, – говорила тёща, развязывая узелок и доставая чугунок.

– Здесь картошечка, еще горячая с маслицем, творог, отжатый под гнётом, вместо сыра, и хлеб домашний, что вчера пекла, – продолжала тёща.

– Дежурный разрешил передать обед и подождать здесь в камере, пока чугунок не освободится.

Иван Петрович поел без аппетита картошки, отломил кусок прессованного творога и съел его, запивая холодной водой, оставленной в кружке дежурным милиционером.

Убедившись, что за дверью нет соглядатая, Иван Петрович вкратце рассказал тёще о своем положении и попросил ничего не говорить жене и детям, надеясь все же на благополучный исход. Тёща выслушала его и сказала, что поедет в Омск к адвокатам.

– Нечего ждать здесь хорошего, – сказала он Ивану Петровичу. Мне про этого Вальцмана много плохого рассказывали соседи. Подлый и мерзкий человек. Жена есть, а он с секретаршей живет. Людей ни за что в тюрьму сажает, а потом, за взятку, может и выпустить, но вам Иван Петрович и за взятку не выкрутиться – уж больно злобен этот Вальцман к образованным людям из прежних сословий.

– Делайте, как знаете, Евдокия Платоновна, только чует моё сердце быть беде и вам достанется за меня, и постарайтесь, чтобы Аня и дети не пострадали. И деньги на меня не тратьте – лучше, пусть детям будет, чем на напрасные хлопоты адвокатам.

– Я, Иван Петрович, с вашего разрешения, только два простых кольца, из привезенных вами, потрачу в Омске на адвокатов: вдруг кто-то из них выйдет на начальника этого Вальцмана: говорят один звонок из области может решить судьбу человека – Вальцман начальства опасается – знает, что у самого рыльце в пуху. А горшочек с картошкой я вам оставлю на ужин, – закончила тёща, собрала узелок, постучала в дверь, дежурный открыл её, позвякивая ключами, и тёща ушла, оставив Ивана Петровича с надеждой на успех её хлопот.

Тем временем, Борух Вальцман, отобедав дома, и совершив в своем кабинете половую связь с секретаршей, решил навестить доносчика Туманова и расспросить его насчет Домова, которого он твердо и безоговорочно намеревался подвести под врага народа.

Перейдя по деревянному мосту на другой берег речки, Вальцман нашел дом Домова, на лавочке у которого сидели две девушки – подростки, видимо дочери этого Домова, а через два

дома он, по адресу на доносе, нашел и избу Туманова. Хилая избушка крытая дерновыми пластами, поросшими осокой вросла в землю по самые окна, которые числом два глядели пыльными слепыми стеклами на уличную лужу, оставленную после дождя, случившегося три дня назад.

Вальцман без стука, как привык, открыл калитку, и оказался во дворе, захламленном остатками крестьянской утвари: сломанная телега стояла посреди двора, а вокруг нею валялись пустые рассохшиеся кадки со сломанными обручами, железный плуг с отломленным лемехом и бродили пяток тощих кур, предводимых петухом с выщипанным, до самой гузки, хвостом.

Всё свидетельствовало о запустении двора и никчемности хозяина. Вальцман не успел взяться за щеколду сенной двери, как та отворилась, и на пороге оказался мелкий, плешивый мужичок с неровно стриженной рыжеватой бородашкой, лет сорока, по виду сильно пьющий.

– Проходите в избу, товарищ уполномоченный, – заискивающей осклабился суетливый мужичонка, хотя Вальцман был одет не в форму, а как обычный человек: так, считал он, легче общаться с людьми, поскольку форма многих пугала и не располагала к откровению.

– Ну, раз вы знаете кто я, так и насчет моего визита, видимо, догадываетесь, – ответил Вальцман мужичку, проходя через сени в избу, где царили такой же беспорядок и запустение, как и во дворе.

– Хозяйки нет, она на работе – работает на маслозаводе, что за рекой, а я домовничаю по причине слабости здоровья, – поспешил выговориться мужичок, предупреждая расспросы Вальцмана.

– Здоровье я подорвал ещё в Гражданскую, когда били Колчака: зимой застудил почки, даже кровью харкал, думал чахотка, но ничего, обошлось, только вот задыхаюсь в работе. Если бы не болезнь проклятая, я бы в районе был на примете – одним из первых устанавливал здесь Советскую власть и был членом уездного Совдепа, – продолжал мужичок, подобострастно заглядывая Вальцману в лицо. – Кваску холодного не желаете испить? По такой жаре, квасок, в самый раз будет.

Вальцман согласился на квасок, и мужичок слазил в подпол, где зачерпнул кувшин кваса из кадушки со льдом, оперуполномоченному. Вальцман выпил холодного квасу, вытер вспотевшее лицо платком и приступил к делу.

– Вы будете Туманов Геннадий? – он замялся, вспоминая отчество этого мужичка. – Сергеевич, – услужливо подсказал мужичок.

– Итак, Геннадий Сергеевич, – продолжал Вальцман, вы написали в госбезопасность насчет врага народа Домова Ивана Петровича, что проживает, здесь, по соседству и недавно объявился неизвестно откуда. Давайте поподробнее расскажите об этом Домове. Что и как?

– Домова этого, я знаю с февраля семнадцатого года, – начал Туманов свой устный донос. Он был прапорщиком и венчался здесь, в храме за речкой, где сейчас пожарная часть, с дочерью местного купца Щепанского, что жил в доме у реки – отсюда по переулку сто шагов будет. Дом, где сейчас живет Домов, это его тёщи дом и достался ей от сестры Марии по наследству, а тот дом, купца Щепанского, Советская власть реквизировала в восемнадцатом году. Говорили, что этот Щепанский Антон, будто бы ссыльный, против царя был, только не верю я, чтобы ссыльный стал купцом зажиточным.

Потом Домов Иван Петрович исчез и объявился здесь в ноябре семнадцатого, аккуратно после Октябрьской революции, но уже без офицерских погон и начал людей подбивать против большевиков и за эсеров, поскольку сам тоже был эсер. Ему обманом удалось пролезть в уездный Совдеп, где и я был членом от большевиков: нам большевик Сольцев выдал справки, что мы большевики, а сам он вступил в партию на германском фронте.

В феврале восемнадцатого, Совдеп начал работу, но эсеры и местные богатеи мешали работать за Советскую власть и всячески вредили большевикам. Этот Домов, по моим представлениям, организовал поджог почты, где в подвале хранилось зерно, отобранное у купцов

и всякие товары. Пожар, потушили, а Домов Иван скрылся и снова объявился в мае. Потом власть здесь захватил Колчак и весь Совдеп арестовали, один я спасся, поскольку был в деревне у сестры в это время.

Большевики колчаковцы оставили здесь в тюрьме, а эсеров увезли в Омск и через год, в сентябре 19-го года, Домов снова объявился здесь, с погонами и в чине поручика. Пробыл с месяц и исчез вместе с колчаковцами, а объявился летом 21-го года в форме красного командира, пробыл с неделю и уехал один. Потом и жена его уехала вместе с семьёй, матерью и купцом Щепанским.

Тёща вернулась сюда в 30-м, жена Домова – Анна объявилась здесь два года назад вместе с детьми, числом четверо, а с месяц назад и сам Домов сюда пожаловал и живет здесь, как ни в чем не бывало – соседи говорили, что учителем хочет работать здесь и образование имеет учительское.

Только я не верю в таких учителей: офицер он и есть офицер и будет контрой всегда. Заслуженные люди, как я, живут в хибарах, а этот Домов при семье и теще живет в хорошем доме, под железной крышей и еще в учителя метит.

Партия в газетах учит, что врагов надо разоблачать, вот и я разоблачаю этого Домова, как скрытого врага и бывшего офицера царского. Я вам написал в безопасность, всё как есть. Дал сигнал органам, а вы уж разберитесь с этим Домовым, где он был и что делал столько лет, – закончил Туманов свой донос и вопросительно посмотрел на Вальцмана.

– Непременно разберемся, – с легким раздражением ответил оперуполномоченный госбезопасности Вальцман. Этот Туманов, не привел никаких фактов против Домова, чтобы выступить на суде, а искать самому обвинения против Домова было хлопотно и долго: ему хотелось быстрого разоблачения скрытого врага Советской власти, чтобы доложить наверх о своих успехах.

– Ну, что же, спасибо за сигнал, – сказал Вальцман, вставая с табурета, на котором сидел, слушая донос Туманова. – Если понадобится, мы вас вызовем для дачи показаний в суде, так, что никуда не уезжайте.

– Куда же я уеду хворый? – удивился Туманов. – Дай бог здесь по хозяйству управиться и то ладно.

– Вижу, как вы управляетесь, – подколот его Вальцман. – И бога при мне не упоминайте. У нас один бог – это партия и её вождь – товарищ Сталин, а мы все его ученики и госбезопасность будет решительно и беспощадно разоблачать врагов народа, таких как Домов. От карающего меча госбезопасности врагам не уклониться: пусть не надеются скрыться в глухих местах, как наш городок, от справедливого возмездия, – закончил, с пафосом, свою речь БорухГиршевич, давая понять доносчику Туманову, что его донос принят и будет исполнен.

– Вы меня не провожайте, – бросил он Туманову. – Нечего привлекать внимание соседей, а может и к Домову кто-нибудь наведается, так вы незамедлительно и лично мне сообщите.

– Так точно, будет сделано! – неожиданно по – военному ответил Туманов, вытягиваясь по струнке перед оперуполномоченным и злобно ухмыляясь судьбе Ивана Петровича.

Вальцман вышел на улицу и остановился, размышляя о дальнейших своих действиях. У соседнего дома, на лавочке сидел мощный бородатый старик, покуривая самодельную сигарку, и оперуполномоченный решил поговорить с ним. – Может, узнаю, что полезного, про этого Домова, – подумал он, направляясь к старику.

– День добрый, – приветствовал Вальцман старика. – Как думаете, будет дождь к вечеру или нет? Парит сильно, но тучек не видно, а как стариковские приметы вещают?

– Нет, сегодня дождя не будет, гражданин начальник, а вот завтра, к вечеру, дождь возможен, если ветер не поменяется, – ответил старик, затягиваясь едким дымом самокрутки и выпуская его через щель рта, скрытого за пожелтевшими от курева стариковскими усами.

– Какой же я вам гражданин, – возразил Вальцман, – мы все товарищи, только для врагов мы граждане. И почему вы решили, что я начальник?

– Так кто же вас, гражданин Вальцман не знает здесь? – продолжал упорствовать старик. – На Первое мая вы на трибуне, что на площади, стояли рядом с другими начальниками и даже речь короткую сказали о беспощадной борьбе с врагами народа, потому и опасаясь я товарищем вас называть: вдруг не по чину буду – тогда и хлопот не оберёшься, хотя я империалистическую и потом гражданскую войну прошел в Красной армии солдатом и благодарность от товарища Фрунзе имею, – хитровато прищурился старик и погасил сигарку.

– Вы почто к Туманову заходили, разрешите полюбопытствовать гражданин начальник, – продолжал старик гнуть свою линию. – Пустой он, и никчемный человек, вот и интересно мне, что большому начальнику понадобилось от этого пустозвона?

– Спрашивал я, как здесь Советская власть устанавливалась. Он же участник тех событий был, вот и зашел за этим, – схитрил Вальцман, не желая подставлять доносчика под пересуды соседей.

– Набрехал он, наверное, с три короба, вот и все его домыслы, – усмехнулся старик. Вам, гражданин начальник, о том времени с достойными людьми бы поговорить, а не с этим пьянчужой. Я, тогда тоже сам, демобилизовался с германского фронта, был здесь и тоже всё помню: Пашка Солыцев с германского фронта сюда пришел большевиком, ну из местных людишек и составил компанию и выдал им бумажки, что они тоже большевики, так и Туманов оказался большевиком. Однако, толком они ничего сделать не сумели: походили, покричали на площади, да купчишек потрясли за мошну – здесь у Щепанского дом отобрали.

Потом Колчак захватил власть, большевиков в тюрьму посадили, и через год, осенью девятнадцатого, их всех расстреляли здесь же на берегу озера – вы, конечно, знаете об этом. Я тогда от Колчака убёг к брату в Самару, там мобилизовался в Красную армию и до конца гражданской войны воевал за красных. А где Туманов был, никто не знает: только он в армии не служил и большевики, потом, ему партийность не подтвердили и билет не дали, вот он и бесится и кусает всех как бешеный пёс.

Вам бы про те времена у Ивана Домова спросить, вон этот дом под железной крышей. Он тогда тоже в Совдепе был: человек грамотный и достойный, не чета Туманову – только милиционеры вчера его в кутузку проводили. Вы часом не знаете за что? Он и приехал сюда три недели назад, его мой свояк со станции на повозке довез: хороший говорит человек и учитель.

Этот Домов, бывший офицер и его сейчас проверяют, зачем и почему он здесь, – не сдержался Вальцман.

Мало ли кто, когда и кем был, – ответил старик. Важно, какой человек есть, а Домов из порядочных будет. Три креста Георгиевских, как солдат, имеет за храбрость. Я сам солдатом был и уважаю храбрость, хотя власть Советская и отменила эти, кресты, а зря. И приехал Иван Домов сюда не абы как – к семье: четверо детей у него и малый пятилетка есть, а ведь Ивану уже под пятьдесят будет. Уважаю кто с детьми.

Вот Туманов бездетный и жена у него баба сварливая, может потому и пьет он горькую. С такой женой и я может запил бы. Он ведь, Туманов этот, до войны за Анной Щепанской, что женой является Домову, ухлестывал: хотел зятем у купца Щепанского стать, но не дал бог свинье рог. Может Туманов этот и подвёл под монастырь Ивана Домова? – высказал догадку старик, и потому, как сверкнули глаза у оперуполномоченного, понял, что угадал.

– Ладно, пойду я на службу, – сказал Вальцман, вставая с лавочки, а ты старик держи язык за зубами, если не хочешь неприятностей для семьи, – закончил он беседу угрозой и пошел обратным путем к себе в кабинет.

В кабинете Вальцман прилёг на диван отдохнуть после длительного пребывания в уличной духоте жаркого майского дня и подумать о дальнейших своих действиях по поводу врагов народа.

Обвинения Домова в преступных намерениях рассыпались на глазах. Никаких улик и показаний свидетелей, разоблачающих Домова, как врага народа, не было и ожидать не приходилось и, по-хорошему, его следовало освободить, но это противоречило намерениям и поступкам оперуполномоченного госбезопасности Вальцмана и его соплеменников.

– Как говорит восточная поговорка: «Стадо баранов во главе со львом – это стая львов, а стая львов во главе с бараном – это стадо баранов», – размышлял Вальцман лёжа на диване в прохладном кабинете, – и, как учит товарищ Ягода, надо делать всё, чтобы таких львов не появлялось больше среди русского населения, а толпой безграмотных легко управлять.

Образованный учитель, как Домов, может воспитать целую стаю львов и привить им тягу к знаниям, что противоречит наставлениям Льва Давидовича Троцкого – Бронштейна и потому, этого Домова, как и ему подобных, надо упрятать в лагерь – если расстрелять пока нет оснований. Подведу его под уголовку, а там видно будет, – решил Вальцман и спокойно задремал на кожаном диване, который тихо поскрипывал под оперуполномоченным госбезопасности при каждом его сонном шевелении.

Иван Петрович тоже дремал на жестком топчане, не подозревая, что участь его решена. Сквозь дремоту ему виделся берег речушки и сын Ромочка, плещущийся на мелководе, который радостно вскрикивал при каждом попадании на него брызг, от бегающих по воде мальчишек, в то время как он, Иван Петрович, с женой Аней сидели на берегу, на теплой, мягкой и молодой траве, наблюдая за младшеньким сыном, посланного им в подарок на склоне лет.

Его дремоты рассеял лязг двери – снова пришла теща с котелком пшенной каши, хлебом и творогом, чтобы подкормить зятя в его неожиданном заточении. Говорить было не о чём, однако Евдокия Платоновна, собирая в узелок вчерашний чугунок, успела сказать Ивану Петровичу, что нынче днём по соседям прошелся оперуполномоченный и все расспрашивал их об Иване Петровиче и его прошлой жизни.

Старик Рогов, конечно, сказал только хорошее, а вот что наплёл Генка Туманов, неизвестно, однако можно от него ждать всякой пакости – такой злобный и мстительный этот пропойца.

Где только удаётся ему добывать выпивку – не иначе как у сестры в деревне, разжигается самогоном и брагой, – делилась Евдокия Платоновна своими догадками, пока Иван Петрович, опять без аппетита, ел принесённую кашу.

Евдокия Платоновна ушла, снова оставив чугунок с кашей, а Иван Петрович опять погрузился в невеселые думы о своей участи.

Вальцман тоже очнулся от дрёмы и взглянул на часы. Шел восьмой час вечера. – Что же Лизка меня не разбудила вовремя, – сердито подумал он, но вспомнил, что уходя, он отпустил Лизавету домой, по женским делам: попить каких-нибудь трав, чтобы не забеременеть – так объяснила Лиза необходимость отлучки.

– Ладно, завтра займусь снова этим офицеришкой Домовым, – решил Вальцман, запер кабинет, справился у дежурного милиционера, нет ли каких происшествий по району и отправился домой к жене Саре, которая, наверное, уже нажарила карасей и терпеливо, как и подлежит еврейской женщине, ждала своего Бенечку, как она его называла, к семейному ужину.

Следующий день оказался субботой, Вальцман старался не работать по субботам, следуя заветам каббалы, и потому, поручив помощнику разузнать подробности о семье Домовых, он провел весь день дома, оставив Ивана Петровича в камере предварительного заключения в томительном ожидании решения своей участи.

В воскресный день, само собой, никаких следственных дел не велось и потому лишь утром в понедельник жернова судьбы Ивана Петровича, медленно и со скрипом начали раскручиваться, размывая в прах его надежды на благополучный исход.

V

Утром понедельника, Вальцман заслушал доклад помощника о семье Домова, что ему удалось узнать, опросив соседей. Ничего неожиданного не выявилось: дети учились в школе, взрослые хлопотали по хозяйству, однако тёща Домова, иногда в базарный день, выходила на базар и продавала одну – две вещи из женского убранства – видимо личные вещи из своего купеческого прошлого. Вот и в минувшее воскресенье она продала на базаре легкий шелковый полушалок и блузку, а на вырученные деньги купила пуд муки, головку сахара и два отреза ситца на платья девочкам. Она швеей и сама шьёт платья внучкам и соседям – есть и ручная машинка швейная «Зингер», – всё это Вальцману доложил помощник.

Похвалив подручного за проделанную работу, Вальцман отправился к народному судье Алмакаевой, чтобы обсудить перспективы судебного дела относительно Домова: на признание его врагом народа перспектив не было, однако по уголовке, вполне можно вменить что-нибудь в вину – был бы человек, а статья найдется, как говорила ему судья Алмакаева не единожды.

Она была твердым членом партии и без сомнений исполняла все указания свыше, руководствуясь не буквой закона, а передовыми статьями газеты «Правда» – именно поэтому и шел Вальцман к ней за советом.

Народный суд располагался в бывшем доме какого-то купца и занимал в нем три комнаты. Еще одну комнату занимал ЗАГС, где регистрировались рождения, браки и смерти жителей района, а еще одну комнату занимала адвокатская контора местного адвоката Мигутского, который по поручению суда, выступал и защитником на всех процессах в гражданских и уголовных делах.

Судья Алмакаева сидела в своем кабинете, скучала и пила чай: жарким маем люди ленились совершать преступления или затевать тяжбу с родственниками, а потому всю прошлую неделю, у нее не было ни одного дела и судебного заседания, и она собиралась заняться изучением постановлений Верховного суда, разъяснявших особенности ведения дел против врагов народа, к которым относились все несогласные с генеральной линией партии или же сомневающиеся и открыто высказывающие эти сомнения.

Вальцман, опять без стука, вошел в кабинет судьи, сел без приглашения, напротив и, не ожидая конца судейского чаепития, рассказал Алмакаевой, о своих намерениях относительно Домова: бывший белый офицер должен быть осужден, как возможный враг народа, но доказательств нет никаких, а потому надо подвести его под уголовную статью и упечь в лагерь: пусть там поработает на благо построения социалистического общества, как требует от всех нас партия.

Оперуполномоченный, как и судья, были беспринципными приспособленцами, вступившими в партию ради корыстных личных интересов и потому все свои подлости и пакости прикрывали, как щитом, якобы интересами партии и указаниями вождя – товарища Сталина.

Именно, такие рвачи и выжиги с партбилетами в кармане, являлись истинными врагами народа и советской власти, но пробившись к должностям, они умело убирали со своего пути всех грамотных специалистов и идейных партийцев: убирали клеветой, доносами и пустозвонством, искажая линию партии по построению общества социального равноправия и гуманизма.

Социальной равноправие подменялось властью партийцев над советскими органами, а гуманизм заменялся на борьбу с мнимыми врагами народной власти, вся вина которых заключалась в принадлежности к прежним сословиям или самостоятельности мышления. Вот и сейчас, свое подлое намерение Вальцман прикрыл линией партии, а судья Алмакаева благожелательно его выслушала и согласилась, что бывшему офицеру место в лагерях, а не за учительским столом.

– Ну и за что вы хотите уцепиться, чтобы я посадила этого Домова? – спросила судья, убирая стакан со стола и доставая книжечку уголовного кодекса, поскольку не имея базового образования, а только юридические курсы для членов партии, слабо помнила статьи уголовного кодекса и основания их применения.

– Тёща его на базаре торгует иногда вещами, как выяснил мой помощник и здесь, по приезду, Домов не встал на учет, как лишенный прав, – ответил Вальцман.

– Вот и основания для суда, – ответила судья, – он привез вещи, а тёща их продавала – это спекуляция. Она полистала книжечку: статья 107 до десяти лет исправительных работ.

– Доказательств ведь никаких нет, кроме отсутствия регистрации, – засомневался Вальцман.

– Да они и не нужны, кроме фактов торговли на рынке. Можете, конечно, провести обыск дома у тёщи этого офицера, но если ничего не найдёте, то будет труднее обвинить его, вместе с тёщей, в спекуляции ширпотребом.

– А тёщу тоже в тюрьму? – поинтересовался Вальцман.

– Сколько ей лет? – спросила судья.

– Около 70-ти, наверное, – ответил Вальцман, который видел Евдокию Платоновну мельком в коридоре милиции, когда она приносила поесть для Домова.

– Если 70, то ей ничего не будет, – старухи нам в лагерях не нужны, а этому Домову сколько?

– Пятьдесят лет будет осенью, как следует из его справки.

– Староват будет для лагеря, я думала ему меньше, но ничего, поработает там, где требуются грамотеи: каким-нибудь учетчиком или писарем, – весело подытожила судья этот разговор, – идите, пусть милиция готовит обвинение и мне на стол.

Нечего канителиться с этим делом. Привет вашей супруге – Сарочке и если будете в Омске, то привезите мне, пожалуйста, духи «Красная Москва» – говорят что хороший запах они дают женщинам. Мы хоть и в глуши живем, однако культуры не чураемся и судья тоже должна пахнуть духами, а не тюрьмой, – расхохоталась Алмакаева.

На том принципиальные партийцы и расстались, довольные друг другом.

Через два дня Ивана Петровича, проводили к следователю, который ознакомил его с обвинением в спекуляции и проживании без регистрации. За регистрацию Иван Петрович покаялся, а спекуляцию отверг, как абсурдное обвинение: он антиквар, а не спекулянт ширпотреба и если тёща продает свои вещи на базаре, то это её дело и он не имеет к этому никакого отношения.

Следователь сказал, что суд разберется и предложил ему расписаться об ознакомлении с делом. От подписи Иван Петрович отказался, но дело из восьми рукописных страничек прочитал и не найдя там никаких доказательств, а лишь предположения следователя решил, что суд отвергнет эти обвинения, как не имеющие доказательств.

Через неделю Ивана Петровича, под конвоем милиции, довели до судебного дома, где в комнате заседаний состоится суд.

Секретарь суда зачитала обвинительное заключение, судья задала Ивану Петровичу вопрос о признании им своей вины и, получив отрицательный ответ, сказала, что из материалов дела его вина в дополнительных доказательствах не нуждается, а потому слушать обвиняемого нет нужды, свидетелей своей невиновности он не представил и суд удаляется для вынесения приговора.

Через час ожидания, судья с присяжными заседателями возвратились, Ивана Петровича заставили встать со скамьи и он, стоя, заслушал приговор суда, который гласил:

ПРИГОВОР

именем Российской Советской Федеративной Социалистической республики

1935 года мая 27-го дня Народный суд Токинского района Омской области в составе Народного Судьи Алмакаевой, народных заседателей Новосельцева, Трубицина при секретаре Кукишевой рассмотрев в публичном судебном заседании уголовное дело по обвинению:

Домова Ивана Петровича 50-ти лет, образование высшее, Учительский институт, женат, семья 5 человек, антиквар, б/п, заработок в среднем 350 рублей в месяц, права голоса лишен, как бывший белый офицер в 21 году, имущества нет, не судим, постоянное место жительства г. Москва, г. Токинский, Кузнечный № 22, обвиняется по ст.107 и 192 п. «в» – УК.

Судебным следствием установлено, что обвиняемый Домов Иван Петрович является лишенным избирательных прав, как колчаковский офицер, в 1921 году был направлен в ссылку в Вологду, где находился под надзором ОГПУ, учительствовал, в последующим во время НЭПа занимался торговлей, торговал по 1930г., открыто и после 1930г. на момент ареста занимался скрытой спекуляцией разным промтоваром т.е. дефицитными.

Семья Домова жена, дети с 1933 года проживали в городе Токинске, у гражданки Щепанской, родной матери жены Домова, когда последний проживал в Москве, Ленинграде и других центральных городах России приобретая дефицитные товары, которые через посылки посылал в город Токинский, где теща Домова сбывала их на местном рынке, кроме того обвин. Домов не имел на руках ни каких документов проживал в паспортизированных местностях, как-то в Москве, Ростове – Ярославском и др. городах СССР, за что и привлечен к уголовной ответственности, в виду изложенного и принимая во внимание исчерпывающуюся в данном деле личную переписку семьи Домовых, которая факт наличия спекуляции подтвердила полностью, кроме того является ярким доказательством спекуляции и то обстоятельство, что обвиняемый Домов в течении десятка лет, определенных занятий не имеет, документов о личности также, находится без определенного места жительства, тем не менее имеет полную возможность содержать семью на своем иждивении в количестве 5 чел., причем никто кроме обвиняемого Домова заработков никаких не имеет заявление обвин. Домова в части того, он большие доходы имел от занятий антикварией, не внушают доверия по следующим основаниям, обвин. Домов, будучи без паспорта ограничен был в проживании в любой паспортизированной местности, что естественно отражалось невыгодно на его занятии, второе препятствие является то, что обвин. Домов работал одиночкой сбережений ни каких не имел, поэтому, если даже и верно то обстоятельство, что основным занятием является антиквариат то благодаря отсутствию больших средств и определенной сети работников по собиранию старинных редкостей, указанное занятие едва ли могло обеспечить терпимое существование его обвиняемого, не говоря уже о семье в 5 человек.

Из материалов дела, показаний самого обвиняемого, усматривается, что Домов до 1930 года торговал, теща Щепанская тоже является бывшей торговкой, владелицей паровой мельницы Токинского района, показания последний также являются не внушающего доверия т.к. в течение года якобы она, не будучи старьевщицей, не привлекая со стороны старье, каждый базар торгует своими старыми вещами, причем свидетель Щепанская не отрицает тот факт, что она была задержана и оштрафована за спекуляцию, тогда как за личные ношенные вещи Щепанскую привлечь к штрафу не могли, приобщенные к делу почтовые квитанции, денежные переводы, а также телеграммы вполне подтверждают, то, что семья Домова, в Москву направляет сухие продукты, масло и т.д. из Токинска, которые продаются в Москве, в свою очередь получают от обвиняемого товары, сбывают таковые по дорогим ценам в городе Токинске, потому на основании ст. ст. 107 и 192 п. «в» в УК

ПРИГОВОРИЛ:

Домова Ивана Петровича по ст. 192 «в» УК подвергнуть ИТР сроком на шесть месяцев и по ст. 107 УК подвергнуть лишению свободы сроком на Десять (10) лет меру пресечения оставить прежней т.е. содержание под стражей, принудительные работы 6 месяцев, считать пога-

шенной подлежит к принятию меры соц.защиты 10 лет лишения свободы, предварительное заключение зачесть с 13 мая 1935 г. по 27 мая 1935 г. всего 15 дней.

Приговор окончательный может быть обжалован в кассационном порядке в пятидневный срок в Коллегию Омского Областного суда.

Подлинный за надлежащими подписями судья Алмакаева.

Так, усилиями двух партийных негодяев изменилась судьба Ивана Петровича Домова и он, из учителя, офицера и дворянина превратился в мелкого спекулянта, достойного десяти лет тюрьмы за несуществующие спекуляции.

Через 50 лет, когда мерзавцы заполнят все властные органы, они взорвут страну изнутри, уничтожат народную власть, а действия негодяев в тридцатые годы, назовут репрессиями против народа, хотя даже при тех условиях народная власть в СССР была на порядок гуманнее, чем в какой – либо другой стране того времени и за все время существования СССР.

Особенно циничным в приговоре Ивану Домову, было право на обжалование приговора в пятидневный срок, учитывая, что только дорога в Омск занимала два дня конного пути, а копия приговора выдавалась на третий день: по любому получалось, что подать кассацию в указанный срок не было никакой возможности.

Неправедный приговор сломил Ивана Петровича. Он, не сказав ни слова, пошел с конвоиром обратно в камеру. По пути поднялся шквалистый летний ветер, который поднял столбы пыли и бросал их в лицо осужденному и его охраннику, вызывая слезы на глазах, так что, к милиции он подошел с грязными потеками слёз на лице, смешанных с пылью.

С трудом вернувшись в камеру, он лег на топчан и неподвижно пролежал весь остаток дня, не прикасаясь к еде. В сокамерники вечером к нему попал очередной пьянчуга, побивший жену и получивший за это день отдыха в камере, где успокоился и пытался рассказать Ивану Петровичу про свою жизнь, хорошую жену и двух детей, сожалея, что побил жену по пьяни, ни за что, на глазах детей, и зарекаясь на будущее не пить и не буяннить в семье.

Как ни странно, слова выпивохи вывели Ивана Петровича из оцепенения: жизнь вокруг продолжается, даже у таких примитивных существ как этот пьяница, может, и он как – то извернётся от тюрьмы: ведь не единожды он сживал в тюрьме ни за что, то у белых, то у красных и ничего, возвращался к обычной жизни и нажил с Аней четверых детей. Может и сейчас как – то образуется и вместо тюрьмы попадет в ссылку, вызовет туда семью и худо – бедно жизнь продолжится.

На закате пришла Евдокия Платоновна и объяснила, что припозднилась из-за коровы, что отбилась от стада, а пастух не заметил, и пришлось идти искать корову вместе с внуком Борисом – тот пробежался по березовым колкам, где днями паслось стадо, и отыскал пропавшую скотину. Потом дойка и вот к ночи занесла поесть – хорошо, что дежурный пропустил, но дотемна надо ей уйти.

Иван Петрович рассказал ей о суде и приговоре. Тёща слушала молча, поджав губы, и когда он закончил решительно сказала:

– Поеду в Омск, там, у мужа моего, Антона Казимировича, царство ему небесное, еще с купечества, был поверенный в делах, адвокат Лейбман, может, он жив ещё и уцелел, тогда посоветует и поможет, а я ему пару своих колец золотых за хлопоты отдам. Он сам апелляцию напишет или его потомки по адвокатской части.

– Не успеете вы Евдокия Платоновна оформить апелляцию, приговор дадут на руки послезавтра, а на обжалование дано всего пять дней и до Омска два полных дня пути.

– Ничего, успею обернуться: найму повозку туда и обратно будет стоить 150 рублей, если в тот же день обратно, вот ваши деньги и пригодятся.

– Как знаете, Евдокия Платоновна, только зря всё это – ничего путного при таких судах, что был сегодня, не получится. Эти большевики невиновных хватают и в тюрьмы или под рас-

стрел подводят, даже своих товарищей по партии не щадят: вон Зиновьева и Каменева осудили к тюрьме, а они были большими людьми в партии, что уж говорить о таких как я: офицер и дворянин – значит, по ихнему, враг.

– При царях суды были не лучше, – возразила тёща. Вон моего Антона Казимировича тоже осудили не за поступок, а за намерения и сослали сюда из Петербурга. А он поднялся, один из каторжан, до купца, уважаемого человека – главное не опускать руки и дело делать, какое доступно.

– Ладно, зять, попытка не пытка, как говорил покойный Антон Казимирович: я все – таки съезжу в город, а там видно будет. Еду тебе тетка Полина носить будет, пока я в отъезде. Она и по хозяйству вместе с Анной похлопочет, а детям ничего говорить не будем – нечего их зря расстраивать, да ещё и проговориться могут, а нам с соседями ещё жить и жить, а такие как Генка Туманов могут сподличать и донести.

На том и порешили, Иван Петрович хоть и не питал иллюзий, но взбодрился, поел с аппетитом, и подкормил протрезвевшего сокамерника, которому побитая им жена не захотела принести передачу, и он довольствовался положенным ему кустом хлеба с кружкой кипятка.

В среду после полудни Евдокия Платоновна уехала в Омск на нанятой повозке того же возницы, что привез Ивана Петровича со станции, а в субботу к вечеру возвратилась из города и сразу наведлась к зятю.

Иван Петрович читал случайную книжку, попавшую ему в руки от дежурного милиционера, когда в камеру зашла Евдокия Платоновна с узелком еды для передачи – иначе бы её не пропустили к осужденному.

По уставу, зэков в камере надо кормить горячим питанием, но в районном отделе милиции не было ни кухни, ни повара и арестантов кормили родственники, которых пускали в камеру для передачи котелка или чугунок с едой, и эти чугуны следовало забрать, когда они опустеют. Вот и Евдокия Платоновна с котелком вошла в камеру, где Иван Петрович, в одиночестве, читал книгу о путешествиях в Америку.

Увидев вошедшую тёщу, он захлопнул книгу, взял узелок, развязал, и начал есть теплую ещё картошку со сливочным маслом, ожидая вестей от Евдокии Платоновны.

Та присела, устало после долгой дороги, на свободный топчан и приступила к рассказу о своей поездке.

– Сказать хорошего, вам, Иван Петрович, я не могу, но и плохого, к счастью, сделать по глупости не удалось. К вечеру четверга мы приехали в Омск, остановились на постой у родственника возничего, за 15 рублей. Утром я пошла на поиски Лейбмана и нашла его живого, только ушедшего от дел. Он помнит Антона Казимировича и согласился помочь, но прочитал приговор и отсоветовал подавать апелляцию.

Сейчас, после прошлогоднего убийства ихнего Кирова, всюду ищут врагов народа и если подать апелляцию, то при пересмотре дела, вас Иван Петрович могут дополнительно осудить, как врага народа, поскольку дворянин и офицер. Поднимут архивы колчаковские, что сохранились и вдруг найдут там что-нибудь о службе вашего зятя в белой армии, тогда уж точно, быть ему врагом народа.

– Это даже хорошо, – сказал Лейбман, – что вашего зятя осудили как уголовника: за спекуляцию сошлют его в лагеря на Дальний Восток – туда сейчас всех ссылают осужденных. Ему пятьдесят лет и может быть дадут поселение вне лагеря, а если политическая статья, то только в лагерь.

Через два года будет 20-летие их Октябрьской революции и, наверное, будет амнистия и вы Иван Петрович точно попадёте под амнистию, выйдете чистеньким и сможете работать учителем где-нибудь, где вас никто не знает. Ещё можно будет вам с Аней завербоваться, как учителям, в отдаленные районы и там спокойно учительствовать: после уголовной статьи это можно, а после политической 58-й нельзя.

Вот и все советы Лейбмана, даже денег не взял с меня. Впрочем, Антон Каземирович хорошо ему платил прежде и видно по всему, что Лейбман и сейчас живет не плохо: дом сохранил за собой и дети по адвокатской части пристроились. Эти адвокаты при любой власти чувствуют себя хорошо и живут припеваючи. Антон Каземирович, уж на что ловкий был поляк, даже православие принял, а не смог сохранить имущество и деньги, что хранил в банке – пропали при новой власти, а я говорила ему не раз, чтобы часть денег прятал где-нибудь дома, но он опасался воров.

Опасался воров, а лишился достояния от новой власти, хотя и сам начинал как революционер, – закончила Евдокия Платоновна свой рассказ и замолчала, забирая пустой котелок в платок и завязывая платок узлом, чтобы удобно было нести узелок, не привлекая внимания соседей.

Тёща ушла, а Иван Петрович обдумал сказанное ею, и решил, что Евдокия Платоновна правильно поступила, не подавая апелляцию на несправедный приговор райсуда. Хотя и служил он в колчаковской армии по мобилизации и всего восемь месяцев, но служил добросовестно, берёг солдат и храбро ходил в атаку на красных, получив звание поручика и благодарность от генерала Каппеля.

В зверствах не участвовал и не одобрял их, но пойдя, разберись теперь по архивам, что творил его Саянский полк против красноармейцев и против мирных жителей. Прав Лейбман, надо считать, что ему повезло с осуждением по уголовке. Даст бог, как-нибудь и от тюрьмы удастся извернуться: по возрасту или по амнистии. С этими мыслями Иван Петрович уснул на жестком топчане, грубо сколоченном из струганных досок и отполированных здешними постояльцами.

VI

Следующие дни Иван Петрович стал готовиться к отправке в город для дальнейшего отбывания срока заключения, поскольку апелляция не подавалась, и приговор суда вступил в законную силу. Он бывал в тюрьмах неоднократно и знал, что и когда требуется арестанту, чтобы обеспечить себе тюремный быт на приемлемом уровне.

Первое дело – это одежда. Сейчас лето и жарко, но будет осень и зима и без теплой одежды в сырых и холодных бараках и камерах долго не протянуть, особенно здесь в Сибири или на Востоке, куда, по словам Лейбмана, его этапируют.

Никакой униформы, а тем более теплой зимней одежды арестантам в заключении, видимо, не давалось, но можно было прихватить одежду с собой. Иван Петрович составил список вещей, необходимых ему на первое время и передал этот список Евдокии Платоновне, которая и занялась его экипировкой, насколько было возможно.

Жена Анна в этих делах была слабой помощницей: она навестила пару раз Ивана Петровича в его камере и лишь плакала и горевала, досаждая ему бесполезными слезами.

Однажды он уговорил дежурного милиционера, за бутылку водки, которую потом принесла тёща, разрешить Анне остаться в камере до утра, и они провели супружескую ночь на жестком тюремном топчане, постелив пиджак Ивана Петровича на полированные доски. Анна тотчас успокоилась и больше не досаждала ему своими стенаниями.

Евдокия Платоновна, тем временем, пополняла его тюремную котомку необходимыми вещами как – то: два вязанных свитера из овечьей шерсти, две пары солдатского нижнего белья, четыре пары портянок, две пары кирзовых сапог, ватная телогрейка, шапка ушанка и шапка буденовка, две пары вязанных рукавиц и брезентовая роба для дождливых дней, если придется быть или работать под открытым небом.

Всё это Евдокия Платоновна купила или выменяла на городском базаре, потратив на вещи два золотых кольца, что хотела передать Лейбману за услуги по апелляции, которые негодились. Узел с одеждой получился на полмешка из пеньки, к которому Иван Петрович привязал пеньковые веревки, так что вышел как бы солдатский вещмешок.

Вторым делом была еда. В тюрьмах и лагерях, конечно, кормили, но на пересылке с едой случались перебои и какой – никакой запас харчей был необходим. Выбора здесь не было, кроме сухарей, которые Евдокия Платоновна насушила из хлеба, выпеченного ею из ржаной муки, и уложила мелкие сухарики в холщовый мешочек, который Иван Петрович намеревался нести в руках. Туда же он положил куски вяленой конины, которую Евдокия Платоновна выменяла у местных казахов, что кочуют со стадами в окрестностях городка летом, а на зиму перебираются со своими баранами и конями на юг к отрогам Тянь – Шаня.

И, наконец, деньги. Деньги арестанту большевиков, как и прежде царским арестантам необходимы, чтобы прикупить еды в дороге или в лагерях, отправить письмо или задобрить конвоиров, хотя те и опасались брать взятки с арестантов, поскольку за это следовало жестокое наказание и конвоир, взяв взятку и будучи уличен с поличным, мог сразу стать арестантом и продолжить путь уже в качестве заключенного вместе с теми, которых прежде охранял.

Вот при царях такого не было и жандармы, как рассказывал Ивану Петровичу его тесть Антон Казимирович, охотно брали приношения от арестантов и даже отбирали, при случае, деньги и понравившиеся вещи.

Советская власть считала, что взятка полученная служивым, дискредитирует народную власть и карала за взятки беспощадно, осуждая взяточников по политическим статьям, как врагов народа.

В большой семье из семи проживающих в доме, работающих и при заработке не было: жили с огорода, от коровы, кое-что шила Евдокия Платоновна по-соседски и, продавая свои

купеческие вещи и одежду, что ей удалось сохранить при реквизиции дома большевиками, перенесла свое имущество темной снежной ночью заходя к сестре Марии, что проживала в сотне шагов от купеческого дома Щепанских.

Увесистый кошель, витой из серебряной проволоки, с золотыми вещицами привез и Иван Петрович. Обыска в доме не было и уже не ожидалось и Евдокия Платоновна, продав золотое кольцо заезжим казакам, у которых всегда водились деньги от продажи баранов, снабдила Ивана Петровича некоторой суммой советских червонцев, что должно было хватить на первое время.

Эти сборы заняли неделю и в середине июня Ивана Петровича этапировали в Омскую тюрьму, где формировался эшелон заключенных для отправки на строительство Байкало-Амурской магистрали – железной дороги, что должна была пройти по Забайкалью севернее Транссиба, чтобы разгрузить Транссиб и обеспечить освоение южных регионов Якутии, Хабаровский край и Приморье.

Ивана Петровича отправили в тюрьму, а оперуполномоченный Вальцман написал рапорт начальству в Омск, что суды требуют доказательств вины вражеских элементов, но по его мнению, достаточно принадлежности обвиняемых к чуждым классам, чтобы осудить их, а при доказательствах приговорить к расстрелу, и как пример привел дело Домова, которого пришлось осудить за спекуляцию, вместо врага народа.

В Омской тюрьме Иван Петрович пробыл полтора месяца, без особых происшествий. Тюрьма была просторная, ещё с царских времен приспособленная для пересылки каторжан в отдалённые уголки Сибири и Востока. Потом Колчак использовал тюрьму против всех, кто не признал его власть, а поскольку большинство населения было настроено против адмирала, который сам себе присвоил это звание, то за полтора года своей власти Колчак уничтожил более полумиллиона человек, был проклят народом, застрелен по приговору военно-революционного комитета и утоплен в реке под Иркутском. Иван Петрович в те времена тоже был в Иркутском госпитале по ранению ноги и знал об этих событиях не понаслышке.

Но Омская тюрьма в колчаковской столице, хотя и была залита кровью, пролитой этим палачом, содержалась в порядке и при новой власти и Иван Петрович, как пожилой и бывший офицер, занял место в камере у дальней стены без проблем. В их камере на двадцать человек сидело пятнадцать заключенных – з/к, рецидивистов – уголовников среди них не было, все были осуждены сплошь по надуманным предложениям, как и Иван Петрович – так следовало из откровений сокамерников, которым он впрочем, не доверял.

Из прошлого своего тюремного опыта, и сейчас, Иван Петрович знал, что невозможно встретить в тюрьме з/к, который бы признался, что осужден за дело, а не зря. Иван Петрович тоже признался, что осужден за мелкую спекуляцию на 10 лет, но если бы не был фронтовым офицером на германском фронте, то его бы просто оштрафовали и сокамерники этому охотно поверили.

Рядом с Иваном Петровичем в камере расположился парень лет двадцати – Евгений Харченко, который на расспросы за что осужден, не мог дать вразумительного ответа. На суде ему сказали, что осужден за контрреволюционную пропаганду, которую он, якобы, вёл при поступлении в войсковую академию в Москве.

– Не было ничего такого, – говорил Харченко, нехотя отвечая на расспросы сокамерников, – я очень хотел учиться в академии, на красного командира, сдал экзамены и был зачислен уже в академию, но меня забрали в тюрьму прямо из казармы, следователь сказал, что пришло письмо со станции, где я жил, и что в письме говорится о моих разговорах против власти Советской. Меня привезли домой и там суд дал мне семь лет лагерей: ни за что, ни про что. Видно кто-то донос на меня написал из соседей и вот тюрьма эта вместо учебы в академии.

Ивану Петровичу было искренне жаль этого мальчишку, и он взял его под свою опеку, делаясь своим тюремным опытом выживания.

– Какие у тебя враги были в поселке? – как-то однажды спросил он Женю, – кто-то из них и написал на тебя донос – больше некому.

– Не было у меня никаких врагов там – не успел ими обзавестись. Учился в школе с отличием, потом год поработал на станции рабочим и поехал поступать в академию. Девушка там у меня осталась – Таней звать, собирались пожениться, и чтобы она приехала ко мне в академию, а теперь, конечно, ждать не будет – там сосед и одноклассник за ней ухлёстывал, и, наверное, уговорит её, – закончил Женя свой рассказ, еле сдерживая слезы.

– Так этот сосед и написал на тебя донос, больше некому. Тебя в тюрьму, а сам под бочок к твоей Тане, – высказал свою версию Иван Петрович. – Меня, кстати, тоже по доносу соседа осудили, а ведь прошло около двадцати лет, как этот сосед добивался моей будущей жены: столько лет прошло, а не забыл и не простил её выбора. Так люди и гибнут за то, что их жены отвергли в свое время этих ухажеров, вот они и бесятся и пишут доносы.

– А ведь верно, кроме того Сашки больше некому было писать донос на меня, с такими подробностями о нашей школьной жизни. Но почему в НКВД не разобрались, дали ход доносу? – удивлялся парень.

– Потому, что НКВД сейчас дана установка на борьбу с врагами, которые убили Кирова, а в НКВД есть много таких же как этот Сашка, и таких же как мой сосед Туманов, вот они и стараются выполнить план – сейчас пятилетка вторая идет по плану: наверняка есть и план по осужденным врагам народа, вот любому доносу и дается ход без всяких доказательств.

Я в конце первого полугодия попал под план, а ты, Евгений, в начале второго полугодия тоже для выполнения плана НКВД пригодился. Конечно, мерзавцы и негодяи есть при любой власти, но во время перемен, многие подлецы волею случая оказываются при власти и пользуются этой властью беспринципно, ломая людские судьбы ради своих шкурных и ничтожных интересов.

Надеюсь скоро власть укрепитя, всё успокоится, негодяев изгонят из органов НКВД и мы вернемся на свободу: ты продолжишь учебу в академии, а я вернусь к своей жене и четверем детям, наверное, старшие будут совсем взрослыми, а сын Ромочка ещё будет при родителях и скрасит нашу старость, – закончил Иван Петрович свою утешительную речь, чтобы приободрить парня, который был всего на два года старше его старшей дочери Авы, но попал под жернова судьбы, раскрученные Вальцманами и их поделниками.

– Наверное и убийство Кирова было задумано и исполнено для того, – размышлял Иван Петрович, – чтобы разжечь ненависть в стране, оправившейся после Гражданской войны и начавшей невиданными темпами восстанавливать и развивать промышленность и ликвидировать неграмотность, опираясь на фанатический энтузиазм простых людей, увидевших перспективы своей свободной жизни пусть и в далеком, но светлом будущем.

Пусть я не верю в эту хорошую жизнь для всех, но как быстро эти неграмотные крестьяне, попав в города, обучаются ремеслу и грамоте, управляют машинами, строят заводы и фабрики и даже овладевают искусством, чему он не раз был свидетелем в бытность свою, работая экспертом в историческом музее Москвы. А когда эти энтузиасты научатся управлять страной и заводами, овладеют научными знаниями, то таким как Вальцман и их подручные не будет места во власти, вот они и организуют аресты грамотных людей под предлогами борьбы с врагами.

Ведь настоящими врагами являются они сами, хотя много конечно и старых врагов среди прошлых сословий, которые жили паразитами и припеваючи за счет других, а теперь вынуждены добывать трудом хлеб свой насущный.

Так и он, будучи дворянином, всю жизнь работал, чтобы содержать себя и семью, но они к этому труду непривычны и потому злобны. Власть же, вместо поиска этих врагов, сажает невинных по доносам или просто по подозрению. Надо бы запретить давать ход доносам и проверять самих доносчиков, тогда будет торжествовать справедливость.

Их усатый вождь Сталин тоже неоднократно арестовывался по доносам предателей и должен понимать, что доносчики для любой власти опаснее открытых врагов, поскольку подрывают доверие к справедливости властей и в любой момент могут перевернуться к врагам, на которых только что писали доносы. Любое предательство начинается с подлости: первая подлость рождает следующие и лишь, потом человек становится предателем родных, семьи и родины,— размышлял Иван Петрович, лёжа на нарах, в то время как парнишка Женя мельтешил по камере, пока кто-то из арестантов не прикрикнул на него, чтобы тот уgomонился.

Тюремной жизни прошло полтора месяца, как однажды рано поутру, арестантам скомандовали подъём, построили в колонну во дворе, ворота тюрьмы распахнулись, и колонна з/к под жидкой охраной милиционеров двинулась на грузовой двор станции для погрузки в вагоны. Идти было недалеко, и вскоре колонна з/к подошла к товарному составу, что стоял на дальнем пути, ожидая погрузки.

Это были обычные товарные двухосные вагоны, только снабженные дверной решеткой, запирающейся на замок, с дощатыми нарами в три яруса внутри для пересылки з/к. Состав был уже почти загружен, поскольку из открытых дверей первых вагонов виднелись из-за решеток любопытные лица з/к, наблюдавших за вновь прибывшими.

Начальник охраны поезда принял от начальника охраны колонны список з/к и начал выкрикивать их пофамильно, отмечая галочкой вызываемого з/к, который после этой отметки направлялся в вагон на погрузку. Загоняли в вагон по 30 человек, он запирался охраной поезда на решетку и далее процедура повторялась.

Иван Петрович с Женей Харченко попали во второй вагон вместе, поскольку списки з/к составлялись не по алфавиту, а по мере их поступления в тюрьму для дальнейшей пересылки.

В вагоне им удалось разместиться только в дальнем углу: ближайšie к двери нары быстро заняли уголовники, которые сплотившись вокруг рецидивистов, установили свою власть, как оказалось, на всё время пересылки.

Скоро заполнился и третий вагон, куда разместились остатки колонны, конвоиры ушли строем, паровоз дал гудок, состав дернулся и покатил, набирая ход и увозя Ивана Петровича в неизвестность в восточном направлении.

По Транссибу Иван Петрович уже ездил до Иркутска и обратно, поэтому города по пути следования ему были знакомы и за семь суток пассажирский поезд добирался от Омска до Владивостока. Но арестантский поезд двигался по своему графику, собирая по пути пополнение для лагерей, и когда он прибудет в неизвестный им пункт назначения, не знал, вероятно, и начальник этой тюрьмы на колёсах.

Часа через два пути, поезд остановился, лязгнула щеколда, дверь двинулась в сторону, и через решетку показалась березовая роща за откосом дороги. Это был какой-то глухой разъезд без признаков жилья с будкой стрелочника, видимой с противоположной стороны состава.

Как успел заметить Иван Петрович при погрузке, все двери вагонов были с правой стороны состава, поэтому с проезжающих мимо поездов, которые с грохотом проносились состав за составом через каждые несколько минут, нельзя было разглядеть решетки и лица заключенных в открытых дверях вагонов.

Прошел ещё час времени, в проёме двери показались двое солдат охраны с разводящим, который открыл замок решетки, сдвинул ее в сторону и солдаты забросили в вагон мешок с хлебом и подали два ведра воды, которые з/к вылили в бачок, стоявший у торца вагона: у другого торца стояла параша: такой же бак, но пониже и пошире с испражнениями пассажиров.

Двое з/к, по команде охранника, подтащили парашу к двери и, наклонив, вылили ее содержимое прямо под откос пути. Разводящий задвинул решетку и закрыл её на замок — утренний туалет и завтрак заключенных на этом были закончены. Дорогой охрана ещё дважды за день разносила воду, но хлеб — единственная пища заключенных в пути, больше не выдавался.

Каждому з\к полагалось полбуханки ржаного хлеба в день, и этот хлеб выдавался по утрам, буханки делились з\к пополам и делом каждого было съесть свой хлеб сразу или в несколько приемов, запивая его водой из кружки, прикованной цепью к бачку с водой.

Состав простоял на полустанке несколько дней, в течение которых раздача хлеба, воды и опорожнения параша повторялись, а затем к вечеру, поезд с з\к двинулся в путь снова, проехал всю ночь, и ранним – ранним утром остановился на дальних путях большой станции: вагон не открывался, но по звукам, доносившимся снаружи, следовало, что вокруг снуют паровозы, лязгают сцепки вагонов и издали доносятся шумы каких-то производств.

Рецидивисты – уголовники, что уже не раз совершали подобные поездки в лагерь, пояснили новичкам, что такой режим движения будет до самого пункта назначения: поезд стоит на глухом полустанке или разъезде несколько дней в ожидании формирования колонны з\к в городе, что впереди. Потом утром, поезд приезжает в этот город, пополнение размещается в пустых вагонах в хвосте состава или вагоны, загруженные з\к прицепляются сзади и далее, за городом, на очередном перегоне, состав снова стоит в ожидании пополнения з\к готовящегося впереди. Если повезёт, то пополнение формируется быстро и можно доехать на Восток за пару недель, если нет, то придётся ехать месяц и более.

Самым плохим, в этой поездке, было отсутствие возможности прикупить еды: охрана едой не торговала, а больше у состава никто не появлялся. Если случайный житель полустанка оказывался вблизи состава и с удивлением смотрел на лица заключенных сквозь зарешеченные проёмы открытых дверей, то охрана быстро отгоняла такого зрителя, не говоря уже о том, чтобы з\к могли купить что – то из еды.

Итак, деньги были простыми бумажками, которыми не насытишься. Ивану Петровичу тёща собрала малую толику денег, чтобы зять мог перебиться первое время. Парнишке Жене, родители тоже собрали денег в тюремную дорогу. Его отец работал машинистом паровоза, а мать сцепщицей вагонов на станции где жил и он. Родители зарабатывали вполне прилично и зашили в телогрейку крупную сумму денег единственному сыну, но он тоже не мог обменять эти бумажки на харчи, хотя и носил фамилию Харченко.

Шли дни и недели, передвижная тюрьма медленно ползла на Восток. Миновали Новосибирск, потом Красноярск и Иркутск, и через месяц пути состав остановился возле Читы. У з\к от полуголодной жизни началась цинга, и охрана стала выдавать каждому з\к добавки к хлебу ещё и по луковице на день, но это не помогало. Почти у всех з\к шатались и кровоточили зубы, щёки ввалились, да добавки, от скученности людей и грязи в вагонах з\к завшивели и начальник состава, опасаясь вспышки тифа, решил устроить всем санитарный день. Состав свернул с магистрали Транссиба и остановился вблизи большого лагеря за Читой.

В течении двух дней арестантов повагонно водили в лагерную баню, где они мылись с мылом и хлоркой, а их одежда пропаривалась в армейских вошебойках, знакомых Ивану Петровичу ещё по германскому фронту. Во время помыва охрана поезда протравливала вагон хлоркой, чтобы избавиться от насекомых.

Дошла очередь и до их вагона. Иван Петрович прихватил с собой денег, завернув их в платок и засунув его в потайной карман брюк, который пришила ему тёща, собирая вещи в дорогу. Он надеялся прикупить продуктов в лагерьном магазине и не ошибся в своих расчетах.

После помыва, з\к получили из вошебоек свою влажную от горячего пара одежду и два охранника, которые сопровождали их, разрешили сходить в магазин, что был неподалеку от бани: на территории лагеря з\к деться было некуда и охрана была не нужна.

В магазине Иван Петрович достал мокрые от пара деньги и прикупил несколько стеклянных банок свекольного супа, сушеной моркови, шматок соленого сала и пару кусков сахара для Евгения, чтобы подсластить парнишке его тюремную долю. Покупки он завернул в полотенце, что прихватил в баню из своих вещей, и они вернулись в свой вагон, нестерпимо пропахший хлоркой, но свободный от вшей.

Вообще-то консервы нельзя было проносить с собой, но охрана смотрела на это сквозь пальцы – за жизнь заключенных они отвечали более строгим наказанием, чем за запрещенные вещи и предметы у заключенных. В вагоне Ивану Петровичу пришлось поделиться продуктами с теми, кто не сумел их прикупить: деньги в вагоне были не у всех з\к. Уголовники попытались было отобрать эти продукты у политических з\к, но таких как Иван Петрович было больше в два раза и остальные встали на защиту своей доли.

Открыв банку консервированного супа, Иван Петрович и Женя Харченко, впервые за месяц поели овощного супа с хлебом. Потом Женя стал, по мальчишески, сосать кусок сахара, подгрызая намоченные грани, а Иван Петрович медленно жевал сушеную морковь шатающимися зубами, чтобы случайно их не сломать – без зубов в лагере ему будет совсем плохо – он знал об этом из своего тюремного опыта, когда соседи по камере мучились от зубной боли или были не в состоянии из-за отсутствия зубов разжевать ржаной сухарь, а лишь сосали его, смачивая водой и слизывая, как коты сметану, разбухшие до мякоти верхние слои сухаря.

Одежда з\к после вошебойки подсохла и остекленевшие вши и гниды ссыпались с одежды мелким песком на пол вагона, который вскоре побелел как от мелкой пороши снега и хрустел под сапогами, словно настоящий снег на сильном морозе.

Был конец сентября, днём солнце светило и грело по летнему, но по ночам доходило до заморозков, трава покрывалась инеем, и з\к кутались на ночь в теплые одежды, у кого они были, а з\к одетые по летнему и не имевших теплых вещей жались по ночам друг к другу, прикрываясь мешками из под хлеба, которые охрана иногда не забирала целыми неделями.

Через день состав тронулся и спустя неделю прибыл в пункт назначения: это оказался город Ворошилов (впоследствии город Свободный), где располагались угольные шахты, снабжавшие углём всю Восточную часть Транссиба, и отсюда же начиналось строительство БАМ – Байкало-Амурской магистрали, что должна была протянуться от Байкала до устья Амура и далее, туннелем под проливом Лаперуза, продолжиться на Сахалине.

Одновременно по крайнему Северу, вдоль Ледовитого океана строилась северная ж\д от Воркуты до Чукотки, а от БАМа ответвление должно было дотянуться до Магадана и таким образом, по планам большевиков, весь Север и Дальний Восток должны были соединиться железными дорогами, обеспечив освоение богатых недр этой территории страны – СССР.

Лагерь, куда состав привез Ивана Петровича и других з\к, так и назывался – БамЛаг и был вполне обустроен, поскольку находился на окраине шахтерского поселка, который и был поименован городом Ворошилов, в честь Клина Ворошилова, тогдашнего министра обороны и бывшего шахтера из Луганска.

Весь путь от Омской тюрьмы до БамЛага занял 42 дня. Вот как писал об этом, впоследствии, Евгений Харченко, письмом Анне Антоновне, жене Ивана Петровича:

«Здравствуете Анна Антоновна.

Ваше письмо от 12.09.55 г. получил только сегодня. Не знаю, почему оно так долго шло. Прежде всего, хочу ответить на ваши вопросы.

С Иваном Петровичем мы встретились в тюрьме в 1935 году в июне. Затем в августе нас погрузили в вагоны и отправили на Восток, ехали мы вместе, в дороге находились 42 дня. Это «путешествие» вымотало мою душу и силу и когда нас выгрузили, мы еле на ногах стояли.

В это время Иван Петрович был совершенно здоров и чувствовал себя великолепно, духом не падал, и нас молодежь держал в настроении и не давал хмуриться.

Работали мы также вместе я на физических работах, а Иван Петрович учетчиком. По бригаде норму мы выполняли, и было достаточно денег. Мы делились, кушали вместе и досыта. Таким образом, мы быстро восстановили потерянные силы в дороге, аппетит был ужасный, когда деньги подходили к концу, мы меняли свое барахло на продукты, таким образом, восстанавливали силы.

Дополнительного срока он не имел, всего у него было десять лет и только.

В отношении вас он ничего мне не показывал, только всегда говорил, что жизнь у него прожита, жалел детей и вас, что благодаря его судьбе и вам с детьми тяжело.

Он меня многому научил, как жить, с кем дружить, вообще благодаря его советам я остался жив и как, говорится, вышел в люди. Затем в декабре 1935 года нас с ним разлучили, его оставили на месте, а меня перебросили на другой участок, но в феврале (примерно) 1936 года я с ним снова встретился он также был здоров. Тогда он сказал, что сидеть не будет, при первой возможности будет бежать, причем он хотел пробраться в Китай, а оттуда в Америку. После этого я его не видел, а слухом пользовался, что свой план он осуществил.

Правда, там так много умирало народу, но Иван Петрович не мог допустить до такого положения, чтобы умереть с голода или от мороза, он умел жить и выходить из любого положения.

Вот примерно всё, что я знаю о нем. Теперь хочу пару слов написать о себе. Меня посадили, мне было 20 лет, меня не судили, а особое совещание НКВД за «антисоветскую агитацию» вынесло решение посадить меня на семь лет и пять лет поражения в правах.

Жаль, одного, что мне не дали получить образование, я ведь был принят в военную Академию, мне так хотелось её окончить. А вот теперь стал неуч.

Будьте здоровы не печальтесь.

До свидания.

С приветом Евгений Харченко.»

VII

Началась лагерная жизнь. Первую неделю вновь прибывшие з\к были размещены в карантинном бараке, где проходили санитарную обработку и восстанавливали силы после долгого пути. В лагере был вполне приличный лагерный магазин, где можно было купить еды, за деньги, которые имелись у всех лагерников.

Дело в том, что за работу по строительству железной дороги, заключенные получали зарплату, небольшую, и только за выполненную норму и за перевыполнение нормы, но всё-таки это были деньги для еды в подспорье к лагерному рациону, который тоже был вполне сносным.

Система лагерей тридцатых годов только формировалась, и все лагеря снабжались по единым нормам потребления на каждого з\к и зачастую, эти нормы питания были лучше, чем питались свободные строители коммунизма того времени. Но страна создавалась из ничего, из пустоты и разрушений империалистической и гражданской войн, и люди сознательно шли на лишения, понимая, что хорошая жизнь, может быть создана только длительным, упорным и тяжелым трудом целого поколения, которое жертвуя собой, создавало великолепную страну и благополучную жизнь для своего потомства. И эта цель была достигнута и даже Великая война ей не помешала, а лишь сдвинула сроки ещё на поколение.

Правда, потомки не оценили жертв своих дедов и отцов и поддавшись посулам врагов и предателей позволили им разрушить страну и уничтожить общество справедливости, построенное тяжелым трудом свободным людей, при участии з\к, праведно и несправедно осужденных в те суровые времена.

Через 60 лет, когда страна СССР будет уничтожена совместным натиском врагов, предателей и проходимцев при безучастии всего остального населения, бывшая узница лагерей, оставшаяся на жительство в Магадане и достигшая преклонного возраста, напишет в правительство ренегатов:

«Откройте снова лагеря, что были здесь под Магаданом в 30-е годы и посадите меня туда опять. Там я работала в меру сил, жила среди людей в теплых бараках, обеспечивалась едой хорошего качества и в достатке.

Теперь же я живу в своей квартире одна, получаю пенсию и всю её отдаю платой за квартиру, а сама голодаю и роюсь по помойкам в поисках объедков для пропитания.

Верните меня в сталинский лагерь или придите и убейте меня старую, чтобы не мучилась».

В карантинном бараке Иван Петрович и Евгений быстро восстановили силы после тяжелой дороги в душном и вонючем вагоне, впроголодь на хлебе и воде.

Прикупая в магазине свежие овощи и сухофрукты, они избавились от начинающейся цинги, тем более, что в рацион з\к в лагере входил рыбий жир, стоявший в больших стеклянных бутылках на столике у входа в барак – столовую, и каждый желающий мог зачерпнуть своей ложкой, этого рыбьего жира из плошки, стоявшей здесь же, куда дежурный з\к следивший, чтобы з\к не заходили внутрь в грязной обуви, подливал этого жира из бутылей.

З\к обычно проходили мимо, но вновь поступившие охотно пили эту вонючую маслянистую жидкость, желая поскорее избавиться от хворей и недомоганий, подхваченных в пути следования до лагеря. В их вагоне, слава богу, никто не умер и не слег с тяжелой простудой или воспалением, но в соседних, по слухам, такие случаи были, тогда охрана составляла акт о смерти и закапывала тело з\к здесь же на стоянке, а заболевших переводили в санитарный вагон, бывший в поезде – тюрьме.

К концу карантинной недели отдыха, в барак пришел помощник начальника 3-го отделения, некий лейтенант госбезопасности Шедвид, со списками вновь прибывших и начал распределять з\к по фалангам: так назывались бараки – бригады, где з\к жили и совместно рабо-

тали на строительстве ж\д. При распределении учитывалась статья осуждения, специальность з\к и его здоровье.

Молодого и здорового Женю Харченко распределили в бригаду по вырубке леса под трассу Бама, а пожилого, но грамотного Ивана Петровича поставили учетчиком в бригаду по отсыпке насыпи – как и предполагал адвокат Лейбман, не советуя тёще Ивана Петровича подавать на апелляцию.

На следующее утро з\к расселили по баракам, согласно списку Шедвида и Иван Петрович попрощался со своим молодым спутником, как оказалось навсегда, напомнив ему держаться тех советов, чему он учил юношу на протяжении долгого пути.

(Следуя этим советам и набираясь лагерного опыта, Евгений Харченко выжил и через 18 лет вернулся из лагерей и ссылки в свой пристанционный поселок, поселился там, на окраине, поскольку родителей уже не было в живых, и дожил там, отшельником, отведённые ему годы).

Иван Петрович, собрав пожитки, вместе с другими з\к в сопровождении охранника и воспитателя: так назывался з\к – старший по бараку, отправился на свою фалангу. На БамЛаге бараки з\к представляли собой длинные приземистые здания с насыпными из шлака стенами и узкими оконцами под самой крышей. Внутри барак был разгорожен досками до человеческого роста на две стороны, кабинками типа плацкартного вагона, где стояли двое нар с матрасами, набитыми опилками и столик – полка прибитый к стене.

Сожителем Ивана Петровича, по кабинке оказался некий Михаил Иванович Миронов, тоже учитель, но без образования. Их фаланга № 3 занимала левую сторону барака, а в правой располагалась фаланга № 4.

При входе в барак и у противоположного его конца уже поставили две печки – буржуйки, которые дежурный по бараку должен был топить по мере наступления холодов, так, чтобы з\к не мёрзли ночами. Здесь же сушилась промокшая одежда, и можно было вскипятить воды для вечернего чая, который заваривали, обычно на листьях и почках деревьев, с просеки, которая расчищалась под ж\д.

У входа в барак стоял желоб с водой для мытья обуви, чтобы не разносилась грязь по дощатому полу барака, за чистотой которого, тоже следил дежурный. Всего в бараке было 32 кабинки по 16 с каждой стороны, где и расположились 60 вновь прибывших з\к. Ещё одну кабинку занимал воспитатель, а другая с дверью, служила кладовой, где хранились ведра, топоры для колки дров, швабры и прочий инвентарь для поддержания барака и жизни его обитателей.

Воспитатель Головки предупредила новичков, что завтра им на работу и посоветовал одеваться потеплее: стоял конец октября, и хотя погода была не по осеннему теплая и сухая, но в любой день могли наступить холода со снегом и дождями. У Ивана Петровича от дождя была брезентовая куртка с капюшоном, что ему принесла тёща, в последний день перед отправкой, выменяв эту куртку на базаре, на одну из безделушек, привезенных Иваном Петровичем.

У Миронова был брезентовый плащ и потому, они встретили известие о скорых холодах и непогоде спокойно, тем более что старший по бараку обнадежил их насчет жизни в лагере. Старшой был бывший красноармеец, впоследствии раскулаченный односельчанами, за то, что тяжелым трудом своей семьи из девяти человек, обзавёлся двумя лошадьми и тремя коровами.

При раскулачивании он оказал сопротивление, за что и получил пять лет лагерей, из которых ему оставалось отбыть два года и вернуться к семье, оставшейся в родной деревне в своем доме, а не высланной вслед за хозяином из – под Тулы в Приамурье. Так вот, этот воспитатель очень благожелательно отнёсся к этим уже немолодым учителям, один из которых был офицером на фронте.

Иван Петрович с Мироновым разместились в одной кабинке, рассовали свои вещи под нары, попили чаю, подогрев воды на топившейся буржуйке у входа в своих кружках, что им выдали после распределения по баракам. Каждому з\к были положены: миска, кружка и ложка,

что носились с собой на работу, поскольку обед на работе разливался и раскладывался в эту личную посуду. Потеря посуды грозила остаться без обеда и вообще без еды, так как завтрак и ужин тоже выдавались в столовой в личную посуду, каждому з\к.

Разложив вещи, оба з\к уселись писать письма домой, одолжив бумагу, карандаши и конверты у воспитателя, под поручительство вернуть их с первой посылки.

«Здравствуй Аннушка! – писал Иван Петрович жене, – наконец-то добрался до лагеря, ехали почти полтора месяца и не было никакой возможности отправить письмо. В лагере прошел карантин и завтра приступаю к работам. Что и как буду делать, пока не знаю, но по разговорам моя должность табельщика, не очень тяжела и будет, наверное, в самый раз, так как за время пути твой старый друг ослабел и на тяжелых работах мне не вытянуть.

Получишь письмо и сразу в ответ. Мой адрес: Амурская область, г. Ворошилов, БамЛag, фаланга №3. Если соберёте посылку – тоже по этому адресу.

Деньги здесь имеют цену, но просить не могу. Если вышлете, то в посылке и немного. Хотелось бы валенки на зиму, подбитые брезентом, чтобы и тепло и не промокали. Обязательно положите бумаги, и конверты для писем. Я могу писать одно письмо в месяц, если есть бумага и конверты с марками и еще можно одну посылку в месяц.

Как старшие дети? Учатся ли, и нет ли неприятностей из-за меня? Сильно скучаю по Ромочке: он только-только начал привыкать к отцу и опять без мужского воспитания.

Пока всё. О чем хотелось бы написать – нельзя, а прочих новостей нет. Тёще отдельное спасибо.

Жду с нетерпением известий.

Твой старый друг Иван Петрович».

Написав письмо, он сложил его в конверт, подписал адрес и на конверте, указав: «письмо первое», не запечатывая его, передал конверт воспитателю, для передачи дальше по инстанциям.

Письма эти, конечно, читались в 3-ем отделе, и если з\к описывали в подробностях свою лагерную жизнь или жаловались на несправедливость приговоров и лагерной жизни, то такие письма изымались, а их отправители лишались на какое-то время права отправки писем. Это письмо Ивана Петровича почему-то тоже не было отправлено по адресу.

Удары в рельс известили о начале раздачи ужина по-барачно и через каждые пять минут, согласно расписанию, очередной барак выдвигался в столовую, чтобы каждый з\к получил порцию каши в миску, кусок хлеба, горсть сухих овощей и мутного чая в кружку, поедая свой ужин в столовой или в бараке – это уж кому как нравится: строим з\к ходили только в столовую, а из столовой можно и поодиночке.

Вернувшись с ужина, Иван Петрович поговорил с Мироновым о завтрашней работе, подготовил свою одежду к завтрашнему дню, лёг на нары и вскоре забылся тяжелым и беспокойным сном.

VIII

Попутру з\к 3-ей фаланги получили по куску хлеба и луковицу на завтрак и двинулись к месту работы, путь, к которой лежал через станцию, погрузку в вагоны вместе с другими фалангами, что и составляло шестую колонну. И эти вагоны, числом пять, подцепил паровоз – кукушка и потянул за собой на ближнюю станцию Архары, где колонна должна была строить станционные запасные пути, чтобы потом приступить к строительству вторых путей на перегоне от этой станции до полустанка «Озерная падь».

Стройка станционных путей начиналась с дополнительной расчистки территории станции от пней, оставшихся после лесоповала, на месте которых и должны были отсыпаться полотно и укладываться станционные запасные пути.

Через полчаса состав остановился и з\к выгрузились из вагонов прямо на месте будущих работ, где их поджидал прораб из вольнонаемных, отсидевших срок и оставленных на поселение ещё на два-три года для окончательного исправления своей биографии.

Прораб указал, что и как делать, но оказалось что инструмент: топоры, кирки и лопаты ещё не подвезли и з\к принялись за разгрузку трактора, приданного колонне для корчевки пней, который стоял на последней платформе. З\к устроили из бревен, лежавших в штабелях вдоль полотна, наклонный съезд и трактор своим ходом съехал на полотно дороги и потом на обочину.

Через час подъехала мотодрези́на с инструментом, и з\к приступили к работе. Одни топорами подрубали корни пней, другие кирками пробивали под крупными корнями подкопы, через которые заводился стальной трос и трактор, поднатужившись, выворачивал очередной пенёк из земли, с которого лопатами счищали вывороченную землю, отрубали длинные корни, и освобожденный пенёк относился на руках на край будущей строительной площадки.

Прораб указал Ивану Петровичу его задачи, как табельщика, которые заключались в переписи участников колонны, составлении наряда на работу со слов прораба, и вечером оформить наряд на выполненные работы, который подписывал прораб, и который являлся отчетным документом колонны по выполнению дневной нормы, что в свою очередь являлось основанием для получения доппитания и зарплаты за переработку нормы, или лишения этих благ, если норма не выполнялась.

Закончив с бумажками, Иван Петрович должен был присоединяться к другим з\к и выполнять посильную работу, поскольку наряд давался на всю колонну и такая помощь табельщика, воспитателей и инструментальщика, ответственного за выдачу и сохранность инструмента, помогала выполнить задание для всех.

Погода стояла почти по-летнему теплая – около 20 градусов, на безоблачном небе ярко светило солнце, позолачивая пожелтевшие от недавних заморозков листья берез, тут и там проглядывающих сквозь потемневшую хвою елей и сосен. Багрянцем светились осины, подступавшие к самим путям, и над всем лесом стояла тишина и спокойствие, какие бывают в этих местах поздней осенью перед наступлением тайфунов и непогоды, предшествующих приближающейся зиме.

Однако з\к было не до красот Приамурского края – необходимо выкорчевывать участок, отмеченный прорабом колышками, иначе заслужат они штрафной паёк, на котором долго не протянуть при тяжелой работе.

Прораб объявил получасовой перерыв на обед, который состоял из пустых щей на свежей капусте и картошке, выращенных другими з\к в прилагерных подсобных хозяйствах, на расширенных от тайги участках.

Кашевар зачерпывал половником щи из бака полевой кухни, привезенной на платформе вместе с трактором, и плескал щи в подставленную миску очередному з\к, которые колонной

выстроились вдоль путей и медленно продвигались к заветному баку. Вместе со щами каждому давался ломоть хлеба, что и составляло весь обед.

Иван Петрович вместе с Мироновым попали в середину очереди и потому, получив каждый свою порцию, успели съесть свой обед, как, и положено, откусывая хлеб и прихлебывая горячие щи. Хуже было тем, кто получил свою порцию в самом конце. Не успели они отойти от кухни, как прозвучал удар в рельс, подвешенный на суку ближайшей сосны, что означало окончание обеда и начало работ. Эти бедолаги на ходу выпивали щи прямо из миски, засовывали кусок хлеба в карман, чтобы при случае украдкой от прораба, съесть этот хлеб всухомятку во время работы.

Уже темнело, когда урочный участок был очищен от пней и зэк снова погрузились в вагоны, подогнанные тем же паровозом, что доставил их сюда на работу. Паровоз дал гудок и медленно тронулся в сторону лагеря увозя зэк снова за колючую проволоку, от той мнимой свободы, что они провели на деляне, не огороженной проволокой и охраняемые только двумя вохровцами, присевшими на выкорчеванные пни вдоль опушки леса.

Такая охрана вызывала искушение побега, легкость которого ещё более облегчалась уходом в лес по нужде с согласия охраны, но поодиночке: следующий нужник мог отправиться в лес лишь после возвращения предшественника.

Таким образом, побег можно было совершить лишь одиночке или всем вместе разбежаться в разные стороны и два охранника смогли бы подстрелить одного – двух не более того. Кто-то из зэк в вагоне и высказал вслух мысль о побеге не из лагеря, а с места работы, но тотчас был осажден своим более опытным товарищем следующими словами:

– Убежать отсюда – дело нехитрое, а что делать дальше будешь? До границы отсюда почти 100 километров, по тайге – это две недели пути, если не собьёшься, без компаса и не ослабеешь без еды. Можно понемногу экономить хлеб и посушить сухарей, но на фаланге этого не скроешь, и тебя обязательно сдадут другие, потому что после побега вся фаланга объявляется штрафной, и всех отправят, поэтому, в другие лагеря на Север и в Магадан, где по слухам жить значительно хуже.

При этом, всем добавят лет по пять заключения ещё, за то, что не предупредили о побеге. Но и тому, кто убежит ничего не светит: вдоль железки не пойдёшь – там все поезда ходят под охраной и дрезины с охранниками проезжают. По тайге заплутаешь один, но если и выберешься к Амуру, то, как через него перебраться без лодки: все лодки здесь в поселках на цепи и под охраной рыбаков, которые тоже отвечают своей свободой за угон лодки. Скоро зима – зимой и вовсе в тайге не выжить и до Амура не добраться.

По первости, говорят, здесь было несколько побегов, но всех поймали, показали на фалангах, кто и откуда бежал, так зэк сами готовы были кончить беглецов, за то, что им срока добавили и штрафниками сделали.

Послушав эти разговоры, Иван Петрович, тоже оставил мысль о побеге, которая, было мелькнула у него в голове за целый день работы без колючки и охраны с собаками. Там, в охране, тоже не дураки, видимо, сидят, если такая свобода для зэк на местах работы, не то, что в лагере: и проволока в несколько рядов и постов охраны много у ворот и по углам на вышках и у администрации.

– Чудно как -то, – думал Иван Петрович по приезду в лагерь, – здесь охрана на каждом шагу, а на работе чуть ли не свобода: может это нарочно для провокации сделано: побежит зэк у всех на виду, можно и подстрелить его, чтобы другим неповадно было – для охраны достижение и благодарность от начальства.

Когда они вернулись в лагерь столовая уже закрылась, но дежурный по фаланге у печки, с согласия старшего по колонне, взял на всех порции каши пшенной в тазик и раздал её припозднившимся зэк. Поев, Иван Петрович, как и говорил ему прораб, отнёс наряд на выполненные

работы в контору бухгалтерии. На этом первый его рабочий день закончился и, вернувшись на фалангу, он лёг и заснул спокойно, ускользящим сознанием думая о жене и детях.

На следующий день с утра занепогодило. Низкие быстрые тучи пронеслись, поливая землю, бараки и з\к холодными струями позднего дождя из обрушившегося на Приамурье циклона, добравшегося из теплых южных стран до северных мест заключения людей, именуемых з\к. Они и без этой холодной воды на их головы из осенних быстрых туч, испытывали лишения: физические и духовные и эта холодная вода на голову не взбадривала з\к, а лишь прибывала ниже к лагерной земле не давая укрыться от непогоды, под каким-нибудь навесом или на фаланге.

Как и вчера, паровоз – кукушка подогнал вагоны, з\к шестой колонны погрузились в вагоны, и под их крышей опять поехали к местам работы. Когда прибыли, дождь хлынул сплошным потоком, будто разверзлись хляби небесные, и над землей нависла угроза нового потопа, но уже без старикашки Ноя и не для всех тварей земных, а лишь для з\к БамЛага.

Прораб понял, что толку от работы в проливной дождь не будет никакого и разрешил з\к оставаться в вагонах, а сам в дождевике пошел осматривать площадку, чтобы решить, за сколько ясных дней можно выполнить порученные ему работы. По его расчетам получалось, что до зимы здесь не управиться заезжими колоннами эков и необходимо обустроить здесь временный филиал БамЛага, как это делалось в других местах строительства Байкало-Амурской магистрали. Проще переселить з\к, чем возить их каждый день за тридевять земель на работы.

С таким решением прораб пришел в будку станционного смотрителя, и там, присев за стол у печки – буржуйки, стал составлять записку начальнику БамЛага Френкелю об организации временного филиала у станции Архара, на период строительства вторых путей Транссиба, на 300-500 эков, чтобы не возить их каждый день на работу. К записке он приложил сметы объемов и сроков работ по благоустройству лагеря и об объемах работ по строительству вторых путей, с обоснованием численности з\к.

Подшло время обеда и з\к поочередно выскакивали под дождь к полевой кухне, которая еле дымилась под проливным холодным дождем, и, получив свою порцию макарон, сваренных на бульоне из сушеных овощей: моркови и картошки, ныряли обратно под крышу вагона.

Дождь не прекращался, и к вечеру состав с з\к, так и не приступивших к работе, отправился назад в лагерь, где промокшие до нитки з\к попытались сушить свою одежду у печек – буржеек, раскалённых докрасна стараниями дежурного по фаланге. Ужин неработающим з\к не полагался.

На следующее утро, получив по несколько ржанных сухарей вместо завтрака и запив их кипятком из титана, разогретого дежурным, который разливал кипяток в подставленные кружки, а воспитатель кидал туда каждому з\к кусочек сахара или давал этот кусочек в руку. Позавтракав з\к, снова под дождем, погрузились в вагоны и опять паровоз потянул состав с з\к к месту работы, на полустанок. Дождь не прекращался и, прибыв на место, состав з\к, как и накануне, простоял весь день на запасных путях так и не приступив к работе. Поздним вечером, промокшие до нитки по пути от места выгрузки до лагеря, з\к шестой колонны возвратились в свои фаланги, чтобы просушиться и немного отогреться после холодного осеннего дождя.

– Лучше бы снег шёл и похолодало, – поделился Иван Петрович со своим товарищем по кабинке Михаилом Мироновым, отжимая рубашку и свитер и развешивая мокрую телогрейку на стенку барака, куда он вбил колышек между досками, вместо вешалки.

– По такой погоде запросто схватить воспаление и отмучиться на этом свете, но у меня семья жена и четверо детей, мне никак нельзя умереть здесь от простуды, продолжал он, меняя мокрые портянки, на сухие, которые извлёк из-под нар.

– Да, непогода разыгралась не на шутку, – поддержал разговор Миронов, тоже пытаясь избавиться свою одежду от воды, стекавшей каплями с его телогрейки и неприятно холодившей

мокрое тело, хотя в бараке было тепло и душно: две раскаленные буржуйки гоняли горячий воздух по барaku вверх и вдоль стен, где остывая, он возвращался по дощатому полу снова к буржуйкам, чтобы повторить это круговращение.

– Охранники, из местных, говорят, что такая погода может длиться неделю и больше: это осенние тайфуны пробиваются сюда с юга и изливаются дождем или снегом, – продолжал Миронов, снимая рубаху и отжимая её, по примеру Ивана Петровича, скручивая рубаху в тугую жгут, из которого вода струйками стекала на доски пола и сквозь щели уходила в землю.

– Скажи, Иван Петрович, как нам будут рассчитывать по работе эти дождливые дни: как рабочие или активированные по непогоде? Если, как рабочие, то ещё будем на голодном пайке сидеть, поскольку наряд не выполнили, и его надо будет отрабатывать потом, а если дни активируются по непогоде, то нашей вины в том нет, и вся колонна будет получать рабочий паек.

– Как дожди кончатся, я – табельщик, составлю акт и спишу эти дни как нерабочие, – ответил Иван Петрович, переодеваясь в сухую одежду, в которой был вчера, и которая подсохла за день в тепле барака расстеленная на нарах. – Я уже говорил с воспитателем, она сказала, что тоже подпишет акт, и я думаю, что мы останемся на рабочем пайке питания.

– Хорошо бы так, – вздохнул Миронов, тоже переодеваясь в сухое, – но надо, чтобы и прораб подписал этот акт, а наш прораб, по слухам, из бывших эков, оставлен здесь на поселение и чтобы получить полную свободу гнётся перед начальством и требует от эков полной выработки нормы каждый день. Вряд ли он простит нам эти дождливые дни и заставит их отрабатывать.

– Что бестолку гадать, давай лучше пить чай с сухарями, что нам выдали утром и на завтрак, и на ужин – у меня и сахарок ещё остался, а на заварку я нарвал ягод рябины, когда ходил в тайгу по нужде, – ответил Иван Петрович, доставая из телогрейки пару гроздей рябины, уже побитой морозом и оттого утратившей горечь и помягчевшей.

– Это дело хорошее – попить чайку на рябине, – оживился Миронов, – как бы цингу здесь не схлопотать на одной каше и макаронах. В сухих овощах ничего полезного нет и я уже встречал здесь в лагере цинготных, что пригнали с севера: смотреть на них: гнилых и беззубых и то оторопь берет, а уж если сам, не дай бог, заболеешь, то и совсем дело худо будет.

Они, молча, попили чаю с рябиной, размачивая в нём сухарь и, согревшись, скоро уснули под мерный стук дождя, по крыше барака.

Следующее утро встретило пробудившихся эков ясной и морозной погодой: за ночь циклон пронёсся над Приамурьем, с тыла ворвался холодный воздух с Севера, который заморозил воду в воздухе и на земле, словно и не было никаких дождей.

Этот день 3к 6-ой колонны отработали в полную силу и выполнили норму, установленную прорабом, который подписал наряд, но акт на два нерабочих дня подписывать не стал и обругал Ивана Петровича за попытку списать дни, как не рабочие.

– Мало ли, что дождь шёл, вы не работали и теперь должны наверстать упущенное, – злился прораб. – Будете работать по десять часов, вот и нагоните норму.

– Как в полной темноте можно работать: день-то уже короткий, – возразил Иван Петрович, мы бы не против, но дайте свет на площадку, – объяснял Иван Петрович, – вот и воспитательница подписала акт о нерабочих днях, потому что в дождь на БамЛаге всегда не работают – все мокнут, а толку от такой работы нет никакого – только людей мучить.

– Вы что, вместе с воспитателем против меня заговор устроили? – разъярился прораб, – так я вас обоих от должностей отстраняю и перевожу на общие работы, чтобы другим неповадно было. Не хочешь быть табельщиком в подмогу прорабу – покопай теперь землю и корчуй пни, а на ваши места я найду эков поговорчивее, – закончил прораб и на том закончилась лёгкая работа табельщиком у Ивана Петровича.

IX

Со следующего дня Иван Петрович, работал вместе с остальными зэк колонны на общих работах. Стояли ясные дни, снега не было и по ночам доходило до 15 градусов мороза – земля промерзла и пропиталась влагой от прошедших дождей, схватилась в камень, который не брали ни кирка, ни лом, ни лопата.

Слабосильный колесный трактор, натягивая стальной трос, наброшенный на пень, начал скользить по мерзлоте, пытаясь выдернуть пень, но это удавалось редко. Тогда зэк начали выбирать пни с корнями идущими вдоль поверхности земли, подрубали эти корни топором, подсовывали под обрубок корня трос и трактору удавалось почти всегда вывернуть пень с большим куском мерзлой земли. Эта земля оббивалась кирками и лопатами, освободившиеся корни обрубались и пень относился на опушку. Работа шла, как и прежде, но медленно и норма выработки на фалангу не выполнялась, что означало перевод фаланги с рабочего пайка питания, на паёк для не выполняющих норму, что означало урезку питания почти в два раза.

Через неделю такого питания и работы на морозе у Ивана Петровича начали шататься зубы, выпадать волосы и кровоточить десны, что свидетельствовало о приближении цинги. Вдобавок тут и там на теле начали появляться чирьи, и он отправился в санчасть с разрешения прораба и нового воспитателя.

В санчасти санитар осмотрел его и поставил диагноз – цинга, что означало перевод Ивана Петровича на питание по больничной норме. В лазарет его не положили, и он отлёживался у себя в бараке, выходя из него только на приём пищи в столовую при лазарете.

Больничный паек был вполне приличный: давали щи и борщ на мясном бульоне, макароны по-флотски и компот из сухих фруктов, селедку и обязательную ложку рыбьего жира перед едой.

Из дома от Аннушки пришла посылка, где были домашняя тушонка, копченая свинина, сахар и чай – всё это собрала тёща Евдокия Платоновна, положив в посылку ещё и вязанный из овечьей шерсти свитер с высоким воротником под самое горло и по две пары носков и рукавиц, зная из письма Ивана Петровича, что работает он под открытым небом, а значит на морозе.

Сосед по камере, Миронов, приносил из тайги сосновые ветки с шишками: хвою, и шишки Иван Петрович заваривал в кипятке и пил этот отвар – про его целебные свойства он прочитал в одной из книг американского писателя Джека Лондона, который описывал приключения золотоискателей на Аляске.

От усиленного питания и лечебных отваров на хвое, Иван Петрович быстро пошел на поправку и через две недели снова вышел вместе с фалангой на общие работы. Зэки уже закончили раскорчевку вырубki от пней и приступили к валке леса вдоль магистрали, чтобы очистить место для прокладки вторых путей и дополнительных запасных на разъезде.

Надо сказать, что за время его болезни, всем зэкам выдали, наконец, лагерную одежду и теперь все были одеты одинаково: шапка, телогрейка, ватные штаны и валенки, что было весьма кстати, потому, что наступали морозы под 30 градусов и больше. Это была Сибирь, хотя и южная: с морозами, метелями и глубокими снегами, которые зэки убирали с железнодорожного полотна деревянными широкими лопатами.

Работа была вполне посильная, и Иван Петрович поправился окончательно, благо, что вскоре пришла ещё одна посылка от тёщи.

Фаланга втянулась в работу по валке леса и расчистке путей от снежных заносов. В безоблачные и ясные сумерки работать было можно и после захода солнца, которое, здесь, на юге Дальнего Востока садилось позже, чем на родине жены Анны под Омском.

Всё это позволяло выполнять норму, что давало вполне приличное питание: иногда давалось и мясо в борще или с макаронами, а рыба появлялась в мисках зэков почти каждый день –

БамЛаг от рыбного побережья Приамурского края находился в дне пути, да и в Амуре туземцы – остяки ловили рыбу в изобилии и сдавали её, мороженную, лагерным снабженцам совсем за бесценок.

За бутылку водку, хотя это и запрещалось, можно было выменять два мешка мороженой рыбы. А запрещалось потому, что местные жители, непривычные к крепким напиткам, очень быстро спивались и становились алкашами, предлагая за пол-литра водки своих жен и дочерей охранникам и поселенцам.

Памятую о совете адвоката, с которым общалась тёща после осуждения зятя, Иван Петрович написал заявление в лагерный отдел по колонизации, где высказал желание стать поселенцем в безлюдных районах Дальневосточного края, чтобы учительствовать где-нибудь в отдаленном селении вместе со своей женой – тоже учительницей.

В отделе ознакомились с заявлением и личным делом, вполне благожелательно отнеслись к его намерениям: партия кинула клич на освоение Дальнего Востока, молодежь с энтузиазмом ехала по оргнабору в эти глухие места, но учителей и врачей здесь не хватало и каждый специалист ценился особо. К тому же, Иван Петрович был осужден за спекуляцию, не был зверским преступником, и врагом народа, и поэтому вполне мог работать учителем, на должности которого не было соблазнов мошенничества и воровства и неправильного воспитания детей, если бы он был осужден, как враг народа, по 58-й статье УК.

Для рассмотрения вопроса по существу, требовалось согласие жены, и Иван Петрович написал Аннушке подробное письмо о том, какие ей нужно собрать документы и куда их выслать, чтобы они не затерялись и дали положительный ход делу семейной колонизации.

За этими делами незаметно наступил канун нового года – 1936-го. В очередной раз Иван Петрович встречал перемену дат вдали от семьи, но если раньше эти разлуки были по житейским обстоятельствам, то сейчас он впервые встречал Новый год в заключении, как преступник, не совершивший преступления и осужденный невинно по чьёму-то злому умыслу, что было тяжело вдвойне.

Даже колчаковцы в 18-м году выпустили его из тюрьмы накануне Нового года и дали дни отдыха, чтобы он мог встретиться с семьей перед мобилизацией в Белую армию.

Зэки по-своему отмечали Новый год: не как праздник, а как сокращение оставшегося срока заключения на целый год, что увеличивало надежду дожить и до освобождения.

Ушлые уголовники, через вольнонаемных, что служили в лагере на административно – хозяйственных должностях, жили в поселке и свободно входили – выходили из лагеря по пропускам, затарились несколькими бутылками водки. Эти бутылки припрятали под досками пола, чтобы внезапный шмон – обыск, иногда проводимый охраной, не лишил их драгоценной выпивки по случаю приближения срока освобождения на целый год.

Прораб и охрана тоже торопились по домам, и потому смена закончилась раньше обычного и уже в девять часов все зэки были по своим фалангам.

Наступила ясная морозная ночь. Холод крепчал и немногие уцелевшие на территории лагеря сосны и лиственницы потрескивали корой, что свидетельствовало о морозе за тридцать градусов. В бараке было тепло от двух раскаленных докрасна буржеек, куда регулярно подбрасывались новые поленья. Только по углам и по стенам вдоль пола местами серебрился иней – горячий воздух от печей достигал углов успевая остыть, и был не в состоянии растопить эту изморозь.

В середине барака устроили общий стол, куда зэки стащили все припасы, что сберегли в домашних посылках или приобрели в лагерном магазине. Надо сказать, что у многих зэков водились деньги: кому-то присылали переводы из дома, но большинство получало наличные из своей зарплаты.

Если выполнялась норма, то зэкам полагалась зарплата, часть которой высчитывалась за содержание в лагере, а из оставшейся части можно было получить 100 рублей на руки и потра-

тить их по своему разумению в лагерном магазине. Оставшаяся часть зарплаты зачислялась на личный счет зэка, деньги с которого выдавались при освобождении из лагеря. Всего зарплата составляла обычно 300-600 рублей – вполне приличные по тем временам деньги, если учитывать, что начинающие учитель и врач получали примерно столько же.

Уголовники достали спрятанную водку и разлили её по кружкам всем желающим, – какими оказались все обитатели барака. Время подходило к полночи, воспитатель сказал короткий тост о том, чтобы им всем дожить до свободы, а если повезет, то и досрочно.

Он намекнул, что им, воспитателям, говорили на курсах политпросвещения, о разработке в новом году новой Конституции СССР и если она будет принята, то обязательно будет амнистия и возможно многие з\к их барака могут попасть под эту амнистию.

З\к послушали этот тост, посмотрели на часы, которые были у некоторых, и аккуратно в полночь выпили водку из своих кружек и быстро принялись опустошать стол с едой – закуской. Водки хватило ещё на один разлив, который выпили молча, каждый загадав про себя что-то своё.

Стол мгновенно опустел и зэка разошлись по своим кабинкам, а уголовники устроили игру в карты на интерес или на исполнения желания выигравшего: это разновидность рабства, когда проигравший должен выполнить желание выигравшего, даже если это будет грозить смертью. Впрочем, воспитатель пресекал такие ставки в игре, и обычно играли в деньги под будущую зарплату или под посылку из дома.

Иван Петрович в этих играх не участвовал и вместе с Мироновым ушел в свою кабинку где, улегшись на нары, стал, размышлять о том, что принесет ему этот наступивший, Новый 1936-ой год: – Хуже года минувшего, когда его осудили ни за что, ни про что, на десять лет лагерей – этот новый год точно не будет, а там глядишь, если удастся колонизироваться, то и совсем жизнь может наладиться здесь на Дальнем Востоке, где людей мало совсем, а значит и мало людской подлости, зависти и предательства.

Он давно заметил, что там, где людей меньше, а пространства больше, люди живут дружнее, держатся друг за друга, помогают и сочувствуют другим, потому что сами зависят от природы: если ты сегодня оттолкнешь другого, то завтра, быть может, и он не придёт тебе на помощь в трудную минуту и в безлюдном месте.

– Поселиться бы с Аннушкой и младшими сыновьями где-нибудь здесь в небольшом сельце казаком, где все знакомы и уважают учителей и там спокойно доживать отпущенный век вместе с подрастающими детьми, думал Иван Петрович, расслабившись от пары глотков водки с непривычки.

С самого ареста было не до водки, да и дома, прежде, он употреблял её чисто символически по праздникам, в отличие от царя Николашки, который ежедневно за обедом выпивал три рюмки водки и которого Иван Петрович считал полным ничтожеством и виновником всех бед, что обрушились на страну и на него лично.

– Надо будет зайти в отдел колонизации и справиться насчет моего ходатайства, решил Иван Петрович сквозь свои мечты о свободной и благополучной жизни на поселении.

– Что, Иван Петрович, затаился в своем углу? – вдруг спросил Миронов, приподнимаясь на нарах. – Небось, вспомнил новогодние праздники в своей барской усадьбе? Наверное, и ёлку наряжали, и до поздней ночи застолье длилось, а теперь вот здесь в лагере впервые Новый год встречаешь зэком, как тебе это нравится?

Этот Миронов Михаил Васильевич, тридцатилетний мужчина, успел поучаствовать в гражданской войне в конной армии Буденного пятнадцатилетним парнишкой, потом окончил рабфак и учительские годичные курсы и вернулся работать учителем начальных классов в свой родной хутор на Кубани, но жил отдельно от родителей бобылем.

В тридцатом году его родителей раскулачили, как имевших две лошади и волов, и выслали в Вологодскую область в лесной поселок лесорубов.

Михаил вступился за родителей, писал всюду жалобы на несправедливость относительно родителей, но результата не добился, правда и его самого не трогали, поскольку был красноармейцем и жил отдельно. Но в начале 35 года, кто-то написал донос, на него, что учитель Миронов говорит ученикам о несправедливости раскулачивания его родителей и других хуторян и за контрреволюционную пропаганду относительно колхозов Миронов был осужден на пять лет лагерей, учитывая его красноармейское прошлое. В БамЛаг он прибыл вместе с Иваном Петровичем в одной колонне, и разместились в одной кабинке – как учителя.

– Нет, Михаил, не устраивал отец новогодних посиделок, – ответил Иван Петрович, – да и мало кто в моей юности отмечал новый год. Рождество отмечали, это верно, а новый год не прижился, особенно с ёлкой. Это царь Пётр Первый, обезьянничал праздновать новый год, как в Европе, но ничего у него не получилось, как и во всём остальном у этого царя – кровавого упыря.

– Чем же тебе, Иван Петрович, царь Пётр Первый не угодил, – удивился Миронов.

– Я считаю, что именно с него, царя Петра Первого и начались несчастья земли русской, – ответил Иван Петрович, отвлекшись от своих размышлений о возможном будущем поселении здесь на Дальнем Востоке на постоянное жительство.

– С этого царя и началась деградация династии Романовых, которые, кстати, вовсе и не Романовы были до коронации царя Михаила, а назывались Захарьиными. Я читал в старообрядческой книге, что царя Петра Первого подменили в младенчестве, сразу после рождения, на еврейского детёныша – уж больно он был непохож на своих чисто русских родителей: чернявый, гневливый, несуразного телосложения и запойный. Он потянулся за внешним шиком Европы и отказался от русских правил и обычаев, что веками помогали выживать русскому народу в суровых наших природных условиях.

В Европе только сверху кажется благодать, а души у тамошних народов нет – только выгода и деньги на уме. Вот Пётр Первый по дурости, а может и нарочно, стал ломать Россию через хребет, чтобы всё устроить на европейский манер, с которым он познакомился, когда ездил в Европу и кочевряжился там с их правителями. Со Швецией ввязался в войну, за ненужные болота Балтийские, 20 лет воевал бес толку, и в итоге купил эту Прибалтику у шведов за пять миллионов гульденов, а это был весь годовой доход земли Русской.

На строительстве Петербурга – этого гнилого зуба, положил более миллиона людей. Туда пригоняли крестьян, через полгода они все умирали от болезней и бескормицы, взамен пригоняли новых и, в итоге правления Петра Первого треть населения России погибла в войнах, болотах и от голодухи. Наша жизнь, здесь в БамЛаге, это райское место по сравнению с околотниками на строительстве Петербурга.

Кстати, интересно, почему большевики нахваливают Петра Первого? Может потому, что действуют его методами? Правда тот укреплял свою царскую власть и глумился над народом, а большевики силой тянут народ в светлое будущее, каким оно им видится по их представлениям.

Хотя, надо признать, что кое-что им удаётся. Весь народ посадили за парты на учебу, строят заводы и фабрики, заселяют пустынные земли здесь на Дальнем Востоке, пока только лагерями и колонистами, но ещё Михайло Ломоносов говорил, что могущество России будет прирастать Сибирью.

Вот если бы зверств большевики творили поменьше и думали не о народе вообще, а о каждом человеке в отдельности, может, и мы бы не сидели здесь в БамЛаге ни за что, ни про что.

Иван Петрович замолчал, от обиды и бессилия заскрипев зубами.

– Зря ты, Иван Петрович, обижаешься на большевиков: лозунги и идеи у них верные, а исполнение зависит от людей, которые эти идеи претворяют в жизнь на местах. Вот мы с тобой

оба сидим здесь по доносам, так это разве Советская власть виновата, что мерзавцы написали доносы, а другие мерзавцы дали этим доносам ход и осудили нас ни за что?

В Гражданскую войну, пока я, и такие как я, воевали за Советы, ушлые людишки заполнили собой эти Советы и сейчас делают всё, чтобы удержаться у власти, и всякое распоряжение сверху доводят своими делами до абсурда. Да и наверху, у большевиков, судя по всему, идет драчка между собой за власть и влияние в партии.

Смотри, десять лет после Ленина, то один, то другой оказываются наверху: Троцкий, Сталин, Бухарин, Рыков и еще какие-то личности оказывались наверху, а при каждом их них свои людишки и свои взгляды на будущее страны. Вот и разразилась драчка, а ведь известно, что «когда паны дерутся, то у холопов чубы трещат», как говорят у нас на Кубани.

Сейчас, кажется, уса́тый Сталин побеждает и куда он поведет – одному ему известно. Енох Ягода с соплеменниками, что засели в НКВД в большом количестве, затаились и выжидают команды, а какая команда поступит от Сталина неизвестно: может освободят людей из лагерей, что не виноваты, как мы, а может наоборот будут хватать всех подозрительных элементов и сюда к нам. Это как исполнители делать будут, типа нашего лагерного особиста – Шедвида, мерзкого человечка!

К большевикам у меня претензий нет. Ты вот Иван Петрович, хоть и захудалого дворянского рода, но смог окончить институт при царе, а таким как я не было туда хода, даже для зажиточных. Так бы я и ходил всю жизнь за волами с плугом, если бы не Советская власть, что дала мне возможность учиться и стать учителем, пусть и без институтского образования. И у нас на хуторе, почти все грамоте обучились, кроме ветхих стариков, а при царе почти поголовно были безграмотны – это меня, единственного сына, папаша в школу отправил, а дружки мои при быках остались.

Конечно, и коллективизацию надо было проводить помягче, а то полетели гонцы из района: давайте, все срочно вступайте в колхоз. Кто не согласен, тех раскулачили и выселили на севера.

Вот народ и взроптал и порезали люди скот на мясо, чтобы в колхоз не сдавать свою животину. А пришла весна, и пахать-то наши земли стало нечем: лошадь наш чернозем не берёт, а быков съели. Ничего не посеяли – нет урожая, а отсюда голод начался и много людей, из-за глупостей начальников и своей жадности, померли с голоду в 32-ом году.

Потом наладилось понемногу, трактора прислали, и сейчас родственники пишут, что жить стало лучше. И то сказать, даже у нас на Кубани, где палку воткни в землю и вырастет дерево, и при царях были голодные годы: чуть неурожай, так многоземельные кулаки, хлеб за границу продадут для своей выгоды и кто без зерна остался – тот и живёт впроголодь, а бывало и помрёт с голодухи.

Правильно, что земля сейчас стала общая – не может быть дар божий чьей-то собственностью. Надо только на общей земле научиться хозяйствовать, как на собственном огороде.

Без царей жить можно хорошо, если убрать помещиков, кулаков, попов и прочих паразитов присосавшихся к работному люду, а вот без царя в голове у каждого из нас прожить невозможно: жаль, что каждому в черепушку не заглянешь и не увидишь что там: солнышко или потемки. Мне кажется, что у Сталина в голове посветлее будет, чем у многих из правительства и партийного руководства. Поживём – увидим, – закончил свою новогоднюю речь Михаил Миронов и замолчал.

Иван Петрович хотел возразить, что он не верит в светлый разум грузина, но поостерегся: рядом находились другие эки и любое слово, неосторожное, могло дойти доносом до ушей лагерного начальства.

– Ладно, Миронов, давай спать, завтра на работу, чуть свет, а мы про политику толкуем. Время покажет, что будет и как.

Новогоднее утро выдалось настолько морозное, что по лагерному расписанию общие работы на открытом воздухе были отменены. Сосны накануне потрескивали не зря – было более 37 градусов мороза и небо, затянутое холодной мглой не сулило скорого потепления. Так эки получили в подарок от погоды нерабочий день. Впрочем, лагерные работы в мастерских и на лесопилках, где можно было отогреться в помещениях, продолжались, работала и лагерная администрация.

Иван Петрович, решив воспользоваться свободным днем, оделся потеплее, натянул на себя почти все теплые вещи, и пошел в отдел по колонизации, чтобы справиться о судьбе своего заявления на колонизацию вместе с женой и детьми.

Пробежавшись почти через весь лагерь, он заскочил в барак, где располагался отдел по колонизации, который оказался закрытым без объяснения причин. Стрелок охраны ВОХР, что дежурил у входной двери в коридоре, пояснил, что сотрудники отдела выехали на семинар в городе Свободный, где изучают новые правила колонизации эков, что вступили в действие с нового года по распоряжению наркома НКВД товарища Ягоды.

Делать было нечего, и Иван Петрович направился было в обратный путь до барака, но тут увидел черного котенка, выскочившего из-за валенок вохровца.

– Откуда здесь котёнок в разгар зимы? – удивился Иван Петрович.

– Так кошки берут пример с людей и если есть теплые места и еда, то плодятся и зимой и летом и осенью, тихо, спокойно и без мартовских диких воплей котов, – пояснил вохровец. – Здесь прибилась пёстрая кошка, которую подкармливали, вот она подсуежилась, и недели три назад принесла четырех котят. Сотрудница одного взяла, двух забрали эки в бараки, а этот чёрный остался – видимо никто не хочет брать чёрного кота – плохая вроде бы примета.

Кошечка с неделю как пропала куда-то: может, кто из эков увёз на лесоповал и там оставил, а может и сама куда-нибудь прибилась, только котёнок вот остался. Хочешь, бери его в свою команду – ты человек в возрасте, не будешь мучить животину, как некоторые уголовники.

В прошлом году, зимой, был случай, когда несколько кошек эки убили и ободрали шкурки себе на шапки, только ничего не вышло: кожу-то выделять они не умеют – а животных загубили. Есть же живодеры, прости господи, – закончил охранник и зло сплюнул на пол.

– Что же, возьму, пожалуй, котенка: он чёрный и у меня чёрная полоса по жизни – глядишь, два черных цвета дадут более светлый, как в радуге, сказал Иван Петрович, взял котенка, засунул его под телогрейку и пошел к себе в барак, чувствуя, как тревожно бьётся сердце котенка прижавшегося к груди.

Миронов встретил появление Ивана Петровича с котёнком, которого он вынул из-за пазухи и посадил на матрац, без воодушевления.

– Опять эти интеллигентские штучки и барские замашки, – сказал он. – Чем ты его кормить будешь, подумал об этом? Он же макароны есть не будет, ему мясо нужно, рыба, сметану ещё коты едят, об этом Крылов в своих баснях писал, а где ты всё это добудешь? Только мучить будешь кота от голода и больше никакого толка.

– Ладно, стонать, как-нибудь прокормим одного котёнка всем бараклом, а подрастёт и мышей ловить начнёт: вон они шуршат под полом ночами и спать не дают. У столовой крысы бегают – может, из него хороший крысолов вырастет и, вообще, кошки снимают нервное напряжение, чувствуют людскую хворь и ложатся на больное место, предупреждая человека о болезни.

– Ладно, пусть останется, но теперь ты отвечаешь за него, старче, – засмеялся Миронов, взял котенка и положил себе на грудь. Котёнок растянулся на теплой груди Миронова и запел – замурыкал свою хриплую кошачью песню удовольствия, отчего Миронов заулыбался и стал поглаживать котёнка, который начал подсовывать свою голову под широкую, грубую от тяжелой работы, руку эка, напрашиваясь на ласку, которой лишила его мать, подавшись в бега.

Иван Петрович прошелся по бараку, спрашивая эков, нет ли чего-нибудь съестного для котенка, которого он взял дополнительным членом фаланги, но без довольствия питанием от администрации лагеря. Эки, будучи в благодушном настроении от нерабочего дня и предвкушая ещё парочку дней отдыха, по причине морозов, порылись в загашниках и отыскивали кое-что для котёнка: остатки сала на шкурке, обрезки домашней колбасы из посылок, а один дал остатки консервов рыбы в томате. Всё это Иван Петрович собрал в свою шапку и принес в кабинку, где котёнок продолжал нежиться на груди у Миронова. Почувыв запах пищи, котёнок спрыгнул с груди эка на нары Ивана Петровича и стал настойчиво пробиваться к шапке, из которой струились манящие запахи.

Иван Петрович аккуратно доставал кусочки еды и подсовывал их котёнку, который неутомимо поедая всё, что ему подавали. Решив, что на первый раз достаточно, Иван Петрович закрыл шапку и засунул ее с остатками еды в рукав телогрейки, а котенок с раздувшимся от съеденного животом, прошелся по матрацу к изголовью, там прилёг на подушку и немедленно заснул, вздрагивая во сне, вытягивая лапы и выпуская когти.

– Вот, Миронов, теперь будем жить в кабинке втроём и вести беседы при свидетеле, которым будет этот котенок, – весело сказал Иван Петрович, поглядывая на спящего котёнка. – Тварь живая, а подишь-ты спишь, как ребенок, точь в точь, как мой сын Ромочка, когда набегается, наестся и, уморившись, мгновенно уснет, там где его застанет усталость: иногда прямо у меня на коленях, – расчувствовался Иван Петрович, вспомнив своего младшенького сыночка.

– Мне тебя не понять, потому, что детей, у меня нет и, наверное, уже не будет после общих работ в лагере в сырости, да на морозе, даже если и выпустят меня досрочно: я ведь Калинин написал, мол как это так, бывшего красноармейца и учителя по доносу в лагерь уехали, но ответа пока нет.

Впрочем, выйду из лагеря, разыщу родителей, прибьюсь к ним, а там глядишь и женщина по душе отыщется – где наша не пропадала, как говорил наш комэск в Первой конной армии Буденного. Кстати, надо бы и Буденному написать, как его бойцов НКВД ни за что хватает. Говорят, он дружен с самим Сталиным, чем чёрт не шутит, может и поможет своему бывшему конному бойцу – мне ведь пятнадцать лет всего было, когда я убежал из дома и прибил к красноармейцам.

– Размечтался ты Миронов, – остудил его запал Иван Петрович, – эти люди высоко и далеко, им государство обустроить надо, а не с эками разбираться, хотя я и слышал, что некоторым повезло и по письмам к Калинин их дела пересмотрели и оправдали. Но это было ещё до убийства Кирова, после чего из НКВД поступила директива усилить борьбу с контрой: скрытой и явной, а чем отчитаться Ягоде перед партией: только количеством схваченных и осужденных, вот органы и хватают кого ни попадя. И по лагерям, так сказать, поднимать народное хозяйство силами заключенных.

– Брось, Петрович, такие речи говорить – одними эками страну не поднимешь, – здесь весь народ нужен и народ в целом поддерживает власть, даже подтянув ремни потуже, потому что видят перспективы и для себя и для своих детей малолетних. Вот мимо нас поезда едут дальше на Восток, так молодежь с песнями туда едет в необжитые края, глядишь и ты пригодишься там, если выхлопочешь колонизацию.

По всей стране стройки развернулись, а грамотности у людей не хватает, потому и учителя на вес золота. Напишу-ка я Буденному, что арестовывать учителей – это вредительство врагов, затаившихся в НКВД, пусть разберутся с всякими Шедвидами – теперь в НКВД новый начальник, он даст укорот всяким прохиндеям в органах.

– Зря надеешься, Мироныч, ворон ворону глаз не выклюет и не думаю я, что это враги действуют в НКВД и сажают в лагерь невинных: малограмотным людям из низов дали власть вершить суд над людьми, вот они и изгаляются, по своему невежеству, над народом и кичатся своей властью. Плохо, когда чернь приходит во власть – жди крови и лишений.

– Это я, по твоему чернь?– возмутился Миронов, – Ты хоть и захудалый дворянишка, но видать глубоко в тебе сидит дворянская спесь, коль народ не ценишь. Где твой царь Николашка и вся ваша дворянская свора и прочие живоглоты: нет их, смёл народ их на помойку истории и строит новую жизнь, пусть с ошибками и жестокостью по неграмотности.

Но будь уверен: построит народ могучую страну без угнетателей, выучатся простые люди, станут инженерами, врачами, учителями и будут жить свободно – может быть и нам достанет этой свободы чуток, ну а нет, так в том вина не народа и не вождей партийных, а негодяев, которые вредят и искажают линию партии большевиков. Читай газету «Правда» – там всё правильно пишут, а посмотришь, как исполняется эта линия партии на местах малограмотными людьми и быть хочется.

Надо не выть, а помогать людям учиться – грамотный человек не допускает жестокости, если он не мерзавец или враг. Учить людей надо, что большевики и делают, но не успевают, да и врагов много: тут и политические, и уголовники, а хуже всего равнодушные люди, которые только и мечтают, чтобы хорошо поесть – попить, совоккупиться и не работать, а лодырничать или изображать работу.

– И про Сталина, ты не прав, Иван Петрович,– продолжал Миронов свою речь. Он хоть и грузин по происхождению, но ведёт себя как русский человек и чувствует себя русским, как сам говорит. Он семь раз был осужден и пять раз бежал из ссылки, несколько лет провел в тюрьме и ссылках и знает, что такое заключение в тюрьме или ссылке, или просто жить на Севере в деревушке Туре, где он отбывал ссылку перед революцией. Но ведь враги кругом, даже в его ближайшем окружении: всякие Свердловы, Троцкие, Зиновьевы и прочие выходцы из местечковых евреев – что им до русского народа?

Страсть к наживе всё перетягивает: я читал «Протоколы сионистских мудрецов» там всё прописано как захватить власть в России и сесть на шею народа – пусть и под видом социализма.

Представь что десять лет назад победил бы не Сталин, а Лев Троцкий – Бронштейн. Он же призывал всех вас: дворян, чиновников, помещиков и прочих, просто уничтожить, чтобы свободно строить новое общество. А теперь прикинь, сколько его единомышленников осталось в партии и в НКВД и то, что мы с тобой оказались здесь в лагере – это их заслуга и их старания.

Я думаю, что через год – другой органы почистят от этой нечисти и, может быть, если не будет войны с немцами, перестанут хватать и сажать невинных – может и нам повезет.

Я, например, надеюсь на амнистию по конституции, а нет, так в лагере устроиться при библиотеке и учить грамоте эков на курсах ликвидации неграмотности, – я уже говорил с инспектором из политуправления БамЛага: он проявил интерес и обещал помощь в этом деле. Давай и ты, Иван Петрович, уходи с общих работ на ниву просвещения: ты с институтским образованием можешь учить вечерами охранников, поселенцев и прочих свободных людей, что работают на лагерных работах, – тебе и по возрасту будет в самый раз учительствовать в лагере.

– А что, это дело хорошее, – оживился Иван Петрович, – пока решается мой вопрос о колонизации с семьей, можно и здесь учительствовать – я слышал, что и школа вечерняя здесь в лагере есть, но не придавал этому значения для себя. Обязательно напишу заявление, чтобы учительствовать в здешней школе, думаю, что, как и везде, учителей и здесь недостаток.

– Ладно, хватит о политике и нашем житье говорить, видишь, котенок проснулся и будет сейчас еды просить: помню, дети мои, когда были совсем маленькие, до года, только спали и ели, наверное, и зверята тоже такие, когда маленькие.

Действительно, котенок проснулся, встал на ноги, потянулся несколько раз, подошел к Ивану Петровичу и стал тереться о его руку, требовательно заглядывая в глаза. Иван Петрович достал узелок с собранной для котёнка едой, достал оттуда несколько кусочков и положил их перед котёнком. Тот понюхал кусочки сала и обрезки колбасы и неторопливо приступил к тра-

пезе. Закончив с едой, он вернулся на подушку, прилег с краю и занялся основным кошачьим делом – умыванием.

Облизывая лапку, он протирает ею свою мордочку. Закончив с головой, котёнок принялся вылизывать бока и живот, что свидетельствовало об его сытости и довольстве жизнью. Двое эков молча, наблюдали за котенком, чувствуя как спокойствие и довольство жизнью, переходит от зверька и на них, отвлекая от сложной действительности их бытия в лагере.

Первый день нового года прошёл в отдыхе, дрёме и возне Ивана Петровича с котенком, который вполне освоился на подушке и недовольно пищал, когда Иван Петрович тоже укладывался на эту подушку.

Следующий два дня мороз только крепчал и о работе на открытом воздухе, администрация речи не вела, но чтобы время не шло зря, по баракам устроили политинформацию, и воспитатели по полдня читали статьи из газеты «Правда», номера которой с недельным отставанием попадали в лагерь из почтовых вагонов проходящих поездов из Москвы на Хабаровск и Владивосток.

После очередной читки газет, эки возвратились, отобедав, из столовой, где Иван Петрович выпросил обрезки мяса для котёнка у поваров, разделяющий тушу лося, убитого вохровцем, когда охрана на дрезине проезжала, и этот лось вышел из леса и подставился под выстрел из винтовки. Такие случаи бывали нередки, охранники, доставляли туши убитых лосей, кабанов, косуль, коз и медведей в столовую, где повара готовили мясные блюда для вольных. Но экам тоже иногда перепадал мясной бульон, сваренный из костей и запавленный капустой и свеклой – получался борщ.

Возвратившись из столовой, Иван Петрович положил котёнку пару кусочков мяса, которые котёнок с урчанием съел, потом полизал лапы, потерся головкой о руку Ивана Петровича, улегся на подушку и заскрипел свою кошачью песенку удовольствия жизнью, недовольно пискнув, когда хозяин прилёг рядом.

Делать было нечего, за два дня вынужденного безделья эки выпались, борщ, сваренный на костях, показался вкусным и вкупе с макаронами по-флотски обед выдался сытным, что располагало эков к человеческому мурлыканью, то есть разговору на отвлеченные темы: разговор ради разговора. Миронов опять вернулся к политике, благо дневная читка газеты «Правда» дала много новых представлений о жизни страны какой она видится из Москвы.

– Послушайте, Иван Петрович, что вы думаете об успехах страны, про которые пишет газета «Правда» подводя итоги минувшего года? – спросил Миронов, устраиваясь поудобнее на нарах для послеобеденного отдыха, благодаря деду Морозу, освободившему эков в этот день от работы.

– Думаю, что всё это очередное враньё партийной газеты. Им надо убеждать народ в успехе партии большевиков по управлению страной, вот газета и пишет о несуществующих успехах. Какой дурак поверит, что за год построено около тысячи предприятий: заводов и фабрик – да во всей царской России не было столько заводов, а тут всего за год – чушь это собачья.

– Эх, как ты осерчал Иван Петрович, на Советскую власть, что ни чему уже не веришь хорошему, а во всем видишь обман и насилие. Зачем большевикам врать по цифрам их достижений – ведь цифры легко проверить и эту газету «Правда» читают и за границей и любую ложь там примут с удовольствием, чтобы опорочить СССР и народную власть.

Я вот из читки газет запомнил, что в прошлом году большевики выполнили план электрификации – Ленинский ГОЭЛРО и добыли электроэнергии в два раза больше, чем в царской России в 1913 году, и это после семи лет империалистической и гражданской войны, когда почти всё было разрушено.

Хотя мои родители и незаконно раскулачены, но цифра в 100 тысяч тракторов, которые работают на полях, заменяя миллион лошадей на пахоте и эти трактора изготовлены на новых заводах в Сталинграде, Харькове и других городах, тоже впечатляет. И главное, что свои дости-

жения большевики сравнивают с 1913 годом – лучшим годом развития России при царях. А ведь могли бы сравнивать, например, с 1921 годом – сразу после войны, тогда можно было бы показать развитие страны в 10 или может быть в 100 раз лучше, чем досталось после войны.

Предприятий построено, конечно, не ровно 1000 за год, а меньше или больше, но тысяча звучит громко и коротко. А ещё построили заводы, которых раньше не было вовсе: авиационные, автомобильные, тракторные, по станкам, и по химии и всё это при малограмотном населении, да и вредительства много со стороны внутренних и внешних врагов – помнишь, Иван Петрович, что в каждой газете пишут о разоблаченных вредителях.

Возможно, что некоторые не виновны, как мы, но и сказать, что вредителей нет, даже ты не осмелишься. Ваша братия, дворяне, что позажиточнее тебя были, конечно, вредят, как могут, чтобы вернуть свои поместья, а для этого надо свергнуть большевиков. Есть ещё бывшие купцы, фабриканты и банкиры – те тоже мечтают о возврате к прошлым временам. Вот тебе и враги настоящие, а есть ещё вредители по неграмотности и неумению.

Крестьян сажают на трактора, немного научив и чуть – что трактор ломается от их неумения, а органы НКВД их хватают за вредительство. И за сомнение в успехах власти тоже сажают в лагеря, потому что сомневающийся человек становится нерешительным, хуже работает, не хочет ждать светлого будущего, а хочет жить лучше сейчас и сразу и потому, невольно, тоже становится как бы вредителем нынешней власти. А об уголовниках я и вообще не говорю: вон их, сколько вокруг нас по нарам валяется, а спроси любого – скажет, что не виновен и сидит по ошибке, вроде нас.

Потому я и думаю, что власть Советская – это правильная власть, но много при этой власти людишек мелких, алчных и злобных пристроилось, которые мешают и вредят, а там наверху, в Москве, в НКВД, при каждой человеческой ошибке или недосмотру, начинают искать врагов и составлять планы по разоблачению этих врагов в цифрах и календарях: и под эти цифры попадают невинные, вроде нас с тобой. Но ведь большинство эзков сидят здесь за реальные преступления против людей или против власти, ты же Иван Петрович, не будешь этого отрицать?

– Нет, не буду, – отвечал Иван Петрович, поглаживая рукой котёнка, который пристроился у него в изголовье, – но как примириться с тем, что я сижу по доносу на 10 лет, и столько же получил наш сосед по бараку, что убил по пьяни жену топором и считает, что так и надо было, и он сидит ни за что.

– Присмотрись все же к этой власти, Иван Петрович, без злобы, как учитель – историк, может и начнёшь понимать их действия и их вождя – Сталина, который, кстати, при царизме побывал и в тюрьмах и в ссылке за то, что был против власти царя за власть народа, как говорят большевики. Сейчас он борется со своими противниками в партии, за строительство сильного государства и собственными силами без займов из-за рубежа, которых никто и не даст. Интересно, по истории, как властители боролись за свою власть и сколько крови людской пролито? – спросил Миронов.

– История людская, как её сейчас изучают, – это сплошная цепь насилий над народами их властителями ради власти и борьба за власть между собой: начиная с древних времен и по настоящее время. Какую книгу ни возьми по истории – это описание правителей, что они делали, и немного о жизни народов в это время.

В борьбе за власть, те, кто жаждет власти, не гнушаются ничего: убивают соратников, даже если это родственники, обманывают, подличают и прочие человеческие пороки применяют и всё ради захвата власти и её удержания. Возьмем, например, Мироныч, династию царей Романовых: обманом они пришли к власти вместо законного представителя Рюриковичей князей – Пожарского, что освободил Россию от польского подлого нашествия.

Захватив власть, это Романовы, по происхождению бояре Захарьины, начали править Россией так, что через триста лет дошли до революции 17-го года: февральской, а потом

октябрьской – большевистской. И цари, эти, Романовы, в основном были ничтожествами или мерзавцами: царь Пётр Первый убил свою сестру Софью и сына своего родного, Алексея не пощадил. Екатерина Вторая мужа убила – царя Петра Третьего, ее внук Александр – своего отца Павла Первого убил, а уж, сколько всяких переворотов, интриг и прочих мерзостей было – так и не счесть. – Вот, тебе, Мироныч, и вся история государства Российского, как её написал придворный царский летописец при царе Александре Первом – Карамзин.

Взять другие страны – та же история: властители друг друга режут, травят и гноят в тюрьмах, а те кто их окружает – придворные: те сводят счеты друг с другом – ничего хорошего в истории прошлых веков нет, кроме моря пролитой крови и людского горя.

И при этом, каждый властитель, что у нас, что в других странах, обливает грязью тех, кто был до него, чтобы самому выглядеть хорошим и желательно, прозваться великим. Я вот из книг по истории сделал такой вывод: если властитель занимается своим двором и личной жизнью, то народ живет сам по себе и, в целом, неплохо, а если правитель жаждет славы и могущества, то людская жизнь становится только хуже и ценится дешевле воды из ручья.

Иногда, прихлебателям от истории, удаётся создать мифы о том или ином правителе, и потом эти сказки подменяют собой настоящие исторические факты. Примером тому служат описания деяний царей – императоров России: Петра Первого и Екатерины Второй.

Петра Первого представляют великим царём – реформатором, который сделал Россию сильным государством, а на самом деле он был редким мерзавцем – пьяницей, малограмотный и умственно недоразвитый, и за своё правление разорил страну и отдал её на откуп иностранцам – проходимцам, за что они и создали сказку о великом царе Петре Первом.

Он, как сейчас большевики, строил ненужные города и рыл всякие каналы, чем угробил треть населения страны и навязал в России европейские порядки и власть денег, чего до Петра Первого никогда не было, а мифы об этом царе сочиняли иностранцы и до сих пор они в силе: даже большевики признают его великим царем, для оправдания своих действий.

Царица Екатерина Вторая, тоже привечала иностранцев, поскольку сама была немкой. За власть убила своего мужа, и, поскольку у нее всегда чесалось женское место, то она занималась исключительно своими любовниками, потратив на них огромные деньги, чем разорила страну.

Правда при ней к России присоединились Новороссия и Крым, но они бы и так вернулись в Россию, потому, что время подошло. Кстати, её сын император Павел Первый, которого удавили по приказу Александра Первого, сына Павла, расплатился с долгами матушки, но по истории представляют его, чуть ли не сумасшедшим, чтобы оправдать убийцу – сыночка.

И в истории других стран такие же сказки про их правителей. Одним навешивают ярлык плохой, другим хороший, даже великий, а изучишь внимательно: сплошные Кощеи Бессмертные и бабы Яги из русских сказок правили в тех странах, что Египет, что Греция или Рим.

Думаю и о нашем времени потом будут сочинять сказки: хорошие или плохие, в зависимости от будущих правителей страны. Мне кажется, что нынешний вождь большевиков – Сталин, затеял любой ценой поднять Россию с колен после царей Романовых и для этого сейчас уничтожает партийное руководство, доставшееся ему от Ленина, чтобы заменить их на своих единомышленников, и как всегда, при смене придворных страдают простые люди, вроде нас.

Этому учит история, и ещё, как говорят историки, «история учит тому, что ничему не учит» и все правители тоже ничему не учатся на исторических примерах.

Иван Петрович хотел было продолжить свой исторический урок дальше, но услышал ровное сопение Миронова и, повернув голову, увидел сквозь полумрак, что Миронов сладко спит под его речи. Котёнок тоже похрапывал ему в ухо, примостившись на подушке, и Иван Петрович закрыв глаза, попытался вспомнить жену – Аннушку, детей старших, и младшего Ромочку, и вскоре заснул спокойным сном.

Ночью за стенами барака завывала и засвистела выюга – мороз сменился снегопадом такой силы, что утром зэки с трудом отворили входную дверь, которую замело по самый верх, а поход в столовую обернулся путешествием вслепую, ибо за крутящимися снежными хлопьями было видно не более двух – трех метров впереди. Работа опять отменялась уже по причине снежной непогоды.

Воспитатель сказала, что года два назад, начальство распорядилось в метель вывести зэков на работы по валке леса, к вечеру некоторых зэков недосчитались и их объявили в побеге, но через два дня, когда метель стихла, собаки отыскивали зэков замерзшими, совсем, недалеко от лесосеки. Видимо, они в непогоде потерялись и не смогли найти дороги к колонне. Этих зэков посмертно объявили в попытке к бегству, но больше в метели, которые весьма сильны и продолжительны в этих местах, зэков на общие работы за пределы лагеря не выводили.

В эти метельные дни, Иван Петрович написал письма жене и знакомому по Москве, большевику – Гиммеру, который был пенсионером, но по заслугам мог походатайствовать насчет колонизации Ивана Петровича с семьей на Дальнем Востоке.

Ещё одной заботой, было прокормит котёнка, который не ел хлеба и каши, а мяса, даже в обрезках, в столовой не было: из-за непогоды не подвезли. Выручила посылка от тёщи, пришедшая несколько дней назад к новому году, но выданная ему лишь сейчас и пришедшаяся весьма кстати, поскольку зэков начали кормить по рациону неработающих, хотя их вины в невыходе на работы не было.

Вынужденный отдых и достаток еды позволили Ивану Петровичу вполне оправиться от начавшегося недомогания: зубы перестали кровавить и шататься, новые чирьи не появлялись. Он воспрянул духом, начал брать у воспитателей газеты, читал их внимательно и бурно обсуждал прочитанное с Мироновым, продолжая спорить с ним по всем вопросам, касающимся страны и жизни людей.

Котёнок тоже освоился на новом месте и носился по всему бараку: иногда ему перепадал от зэков кусочек сала или вяленого мяса из посылок и он возвращался с набитым животом в кабинку Ивана Петровича, которого признал за родителя, требуя взамен заботы и ласки, устраиваясь по хозяйски на его подушке или на груди.

– Вот видишь, Миронов, – говорил иногда Иван Петрович, поглаживая котёнка и щекоча пальцами ему горлышко, – животное, а тоже понимает заботу и ласку. Что мешает твоим большевикам и Советской власти проявить заботу о людях, об их жизни – глядишь и пошли бы дела в стране на поправку, и врагов бы поубавилось, коль жизнь налаживается, и не надо было бы людей невинных по лагерям мучить.

– Удивляюсь я тебе, Иван Петрович: пожилой ты человек и с образованием, а говоришь всякую чушь иногда, и если бы я не знал тебя, то можно подумать, что ты действительно враг и сидишь здесь в лагере по справедливости, – отвечал Миронов, насыпав табаку на клочок газеты и скручивая самокрутку, которую намеревался искурить у печки.

В кабинках курить запрещалось, чтобы не было пожара и дыма по всему бараку и зэки – курильщики приспособились курить у топившихся печек – буржеек, приоткрыв поддувало и выпуская туда табачный дым, который подтягивался в топку, смешивался с дымом от горевших дров и уносился по жестяной трубе прочь в завывания и стоны метели, бушующей за стенами барака.

– Представь себе, Иван Петрович, если всё, что есть в стране отдать людям на их потребление и благополучие, то страна никогда не поднимется с колен, на которые её поставили цари, помещики и фабриканты. Денег взаймы нам капиталисты не дают, строить заводы и поднимать сельское хозяйство приходится своими силами и за свой счёт, а значит за счёт людей.

А тут ещё в Германии фашисты у власти и вслух говорят о новой войне с Россией – значит, нужно оружие и заводы которые его делают. Вот и приходится народу, затянув пояса, развивать промышленность и для поднятия страны и для укрепления обороны.

Ты сам как – то говорил, что на фронте в империалистическую войну ни винтовок, ни пушек, ни снарядов, ни патронов не хватало – потому что царь Николашка этим не озаботился в надежде, что его родственник кайзер Германии Вильгельм не нападет на Россию.

Николашка ошибся, и миллионы русских людей погибли в той войне, потом твои собратья: помещики и капиталисты устроили гражданскую войну, где и мне пришлось тоже повоевать и тоже оружия не хватало, а то бы мы этих беляков в два счета уничтожили, потому что народ был за большевиков.

В итоге мы победили белых, но всё было разрушено. Потому трудно жили, что всё надо было делать заново. Как говорится: пушки вместо масла; трактора вместо мяса; заводы вместо жилья. Но даже в этих условиях, люди сейчас стали жить лучше, чем при царе, а главное, что с надеждой на будущее, которого при вашей дворянской власти и царях у народа не было, кроме каторжной работы за кусок хлеба и почти полной безграмотности населения страны.

Смотри, Иван Петрович, даже в лагерях нам платят зарплату, и есть санчасть, где тебя подлечили, а при царях разве было такое на каторге и в тюрьмах? И тогда сажали, ни за что, невинных людей, если те хаяли царя и требовали земли крестьянам, а фабрики – рабочим. Ты же сам был эсер и тоже по вашей эсеровской программе был за передачу земли крестьянам, а когда большевики это сделали, то эсеры выступили против, подняли мятеж и много народу от этого погибло.

Я так думаю: хочешь жить хорошо – надо работать хорошо, а пока потерпеть, чтобы поднять страну и защититься от врагов. Лучше жить трудно, чем умереть хорошо.

– Складно ты говоришь, Миронов, – отвечал Иван Петрович, поглаживая котёнка, прильнувшего к его плечу, – тебе бы агитатором работать в партии большевиков, а не в лагере сидеть эком. Может ты и нынешнего правителя России, которого называют вождём – Сталина, тоже считаешь великим учителем, как пишет газета «Правда», который приведет народ к хорошей жизни, а из страны – СССР сделает великую империю, но не за счет завоеваний, а за счет развития промышленности и сельского хозяйства.

– Ну, лизоблюдов во все времена хватало: на то и холуй, чтобы хозяина хвалить сверх всякой меры. Вот и Сталина подхалимы захваливают, а народу надо в кого-то верить: бога большевики отобрали – народ и верит в Сталина как в бога, хотя сам Сталин неоднократно говорил, что не одобряет такой похвалы и всё, что уже сделано – это заслуга людей – тружеников. Ты, Иван Петрович, был на войне и знаешь, что там, на фронте всё зависит от командира и от веры людей в командира: чуть появятся сомнения в правоте командира – считай, что поражение уже обеспечено и потому Сталин, не очень и возражает против восхвалений себе, чтобы не лишать людей веры, тем более что жизнь-то трудная, а работа только ещё начинается.

Я, например, верю в этого грузина, который не позволяет никому сомневаться в том пути, по которому он решил вести страну и всех кто против него уничтожает: что-что, а историю Сталин знает прекрасно и мягкотелость здесь недопустима.

Ты, же сам, Иван Петрович, говорил о том, что все правители в прошлом, если и добивались своих целей, то жестокостью и повиновением. А Сталин восточный человек и жестокость у него в крови – главное цель, и, по-моему, он её добьётся, даже если понадобится уничтожить сомневающихся соратников по партии, не говоря уже о врагах: открытых и тайных; внутренних и внешних; а равнодушных, как ты, Сталин заставит работать на страну, даже в лагерях, где мы и находимся.

– Может ты и прав, Миронов: без насилия могучей страны не построить и от врагов отбиваться нужно сплоченно, всем вместе во главе с предводителем – вождем по нынешнем временам, – согласился Иван Петрович, – но слабо я верю в грузинский ум и проницательность, чтобы совершить такое важное дело: и страну поднять до уровня мировых держав по развитию и силе, и людям обеспечить хорошую жизнь всем, а не отдельным сословиям, как при царях.

Хотя из истории известно, что даже у малых народов появляются иногда великие люди, которые и народ делают великим, но на короткое время своей власти, а потом ничтожные наследники пускают эти достижения по ветру и эти народы снова уходят на задворки истории.

Например, монголы при Чингисхане стали великой империей, а сейчас это малограмотный народишка, затерявшийся в азиатских степях. Та же история с персами, египтянами, турками и всеми прочими. Например, был такой народ гунны: кто они никто не слышал и сейчас это неизвестно. Появился у них вождь – Аттила, объединил гуннов и под своим предводительством завоевал пол Европы – даже могучий Рим чуть было не завоевал. Но умер Аттила, и эти гунны исчезли бесследно, как будто их не было.

Мне кажется, что большевики – это те же гунны: появился у них вождь – Ленин, захватили они власть в России и начали строить новое государство. Теперь у них новый вождь – Сталин: он выглядит даже более сильным, чем Ленин. Пусть ему удастся сделать задуманное и построить насилием государство, равноправное для всех. Но как только большевики откажутся от насилия – тут им и конец придет: низкие человеческие наклонности перемогут высокие идеалы.

Пусть те, кто сейчас при власти, и бескорыстны, и честны и идеалисты, но уже их отпрыски начнут возмущаться несправедливостью, по их мнению, что должности и блага не передаются по наследству. Скопить капиталы при их социализме тоже невозможно, и эти наследники, так сказать, ничего не наследуют и вынуждены начинать строить свою жизнь, как и все остальные исключительно по своим достоинствам и без всяких привилегий.

Наверняка, нынешние правители придумают какие-то привелегии для своих отпрысков и создадут какой-нибудь особый класс управленцев, типа дворянского сословия при царях, но как только появится такой класс, тут и конец всякому равноправию наступит, а там недалеко и до возврата частной собственности на землю, заводы и прочее достояние России, которое сейчас большевики объявили общенародной собственностью и управляют ей от имени государства.

Помяни мое слово, Миронов, уже следующее поколение наследников нынешних революционеров откажется от идеалов социализма, а их внуки и вовсе предадут эти идеалы и страна вернется в прошлое, типа царизма.

История, говорит, что революцию делают романтики, а её плодами пользуются негодяи. Лишь много позднее, если новый строй и уклад общественной жизни докажут свою экономическую и политическую состоятельность, то революция возвращается и побеждает уже окончательно. Например, во Франции в 1789 году произошла революция, дворянство свергли от власти, королю и его жене отрубили головы и установили власть буржуазии. Но потом власть захватил Наполеон, который из простого офицера стал императором, после него к власти вернулись короли династии Бурбонов и лишь много лет спустя, через новую революцию, во Франции установилась, так называемая, буржуазная демократическая республика, которая существует и по настоящее время.

Попытка установления народной власти, наподобие большевистской, которая была во Франции в 1871 году, – эта попытка была жестоко подавлена буржуазией. Гражданская война в России после 1917 года тоже была попыткой буржуазии подавить народную власть, но тогда, в войну гражданскую, это не удалось.

Но думаю, что тихой сапой, лет через 30-50, большевистская власть рухнет под напором, наследников нынешних большевиков и других, алчущих власти, имущества и денег. Равноправие для всех – это утопия: – был такой деятель в Англии – Томас Мор, который 400 лет назад описал справедливое общество в своём сочинении «Утопия», за что был казнен королем, хотя был министром и дворянином. Кажется мне, что вождь Сталин тоже строит в России страну Утопию, исключительно на своей фанатической вере в марксизм – ленинизм, заменивший ему веру в бога, хотя он и закончил духовную семинарию.

– Не веришь, ты, Иван Петрович в светлое будущее всего человечества и страны – СССР, как маяка освещающего путь в это светлое будущее, – засмеялся Миронов. – Пессимист ты и не по пути тебе со строителями коммунизма, только мешать будешь людям, работать без продыху ради светлого будущего и, наверное, правильно, что тебя посадили в лагерь на перевоспитание, чтобы не путался под ногами строителей коммунизма.

– Зря смеешься, Миронов, в истории ещё не было примера, чтобы рабы построили справедливое государство, хотя и случалось, что раб захватывал власть, окружал себя сторонниками, но в итоге получалось такое кровавое царствие, что народ молил, про себя конечно, о возврате к прошлому – пусть тяжелому, но без зверств.

Сдается мне, что большевики в итоге такое зверское государство и построят, если успеют, и Европа с Америкой их не уничтожат, а заодно и весь русский народ, и всю Россию. Вон Колчак в гражданскую войну раздавал Россию иностранцам налево и направо лишь бы победить большевиков, но не удалось ему этого сделать из-за собственных зверств над народом.

Похоже, что этих большевиков силой извне не победить, и, по-моему, они рухнут изнутри, перессорившись на самом верху, или их наследники сдадут страну врагам, мечтая о том, что сами-то они уцелеют и останутся при власти и при богатстве. Прав, ты, Миронов: нет у меня веры в светлое будущее страны, пока я сижу здесь, в лагере, а моя семья осталась без отцовской заботы.

Вот если выйду на свободу, соединюсь с семьей и удастся жить спокойно, пусть и колониستم, здесь на Дальнем Востоке, тогда может быть и поверю в эти большевистские мечты о светлом будущем. Но, как писал поэт Некрасов: «Жаль только в пору уж эту счастливую, жить не придется ни мне, ни тебе».

И вообще, хватит лясы точить: надо котёнку еды добыть, ему уж точно, где покормили – там и социализм. Пойду к уголовникам, что режутся в карты в дальнем углу, – может у них, что для котёнка найдётся, – закончил Иван Петрович затянувшуюся дискуссию и, взяв котенка на руки, пошел в поисках пропитания ему: при котёнке, как он заметил, еда находилась быстрее, чем по простой просьбе.

Под завывание вьюги прошел ещё день вынужденного безделья: газеты были прочитаны и обсуждены, уголовники играли в карты на интерес, а Иван Петрович с Мироновым вели долгие беседы на любые темы – лишь бы отвлечься.

– Почему в лагере, в бараках нет радио, – возмущался Миронов, – в административном бараке радио есть и на площадке перед ним висит репродуктор на столбе, а в бараках нет ничего. Сейчас бы слушали по радио новости, музыку или о социалистическом строительстве в стране – всё было бы веселей.

Не пойму я, как люди живут в одиночестве по глухим местам, будто медведи в берлоге – мне нужно, чтобы вокруг были люди и не просто были, а по делу. Мы вот здесь лежим по кабинкам: вроде кругом люди, а поговорить не с кем, и дела общего никакого нет.

Правильно большевики говорят, что кто не работает, тот не ест, ибо всем надо работать, а не бездельничать. Иной человек не работает, а ест, значит, он проедает то, что создали другие – то есть является нахлебником у работающих. Раньше такими нахлебниками для народа являлись дворяне, попы, помещики, фабриканты и всякая праздная публика, а сейчас, когда классы отменили, нахлебниками являются бездельники всех мастей, даже если это безделье и вынужденное, как у нас, по непогоде.

– Тебя послушать, Мироныч, так весь народ надо посадить в лагеря, чтобы никто не увернулся от работы, – возразил Иван Петрович, а как же дети и старики, которые не могут работать ещё или уже? И вообще, как быть с семьями, где одни работают и содержат других, по-твоему, нахлебников? Что-то ты от безделья заговариваться начал. Так дело пойдет дальше, совсем с ума сойдешь, и будешь кричать: «Да здравствует товарищ Сталин» или «Спасибо Сталину за то, что я в лагере работаю».

– Причем здесь Сталин, – отвечал Миронов, укладываясь поудобнее на нарах и прикрыв ноги телогрейкой, потому, что выюга выдувала тепло из барака и понизу ходил холодный ветерок. – Семья, это совсем другое дело: там хочешь, – не хочешь, а надо заботиться обо всех: и старых и малых – деваться некуда.

– Как некуда, – возразил Иван Петрович, – я вот читал, что некоторые дикие племена, например, чукчи, своих стариков в голодное время удавливали веревкой или оставляли в холодном чуме, где те умирали от голода, зато другие выживали. А нынешняя Советская власть говорит, что «молодым у нас дорога, старикам у нас почет». Значит власть, тоже не согласна с твоим утверждением, что все должны работать.

– Не понял ты меня Иван Петрович, – обиделся Миронов, я говорил о здоровых и трудоспособных людях, а не о детях, стариках, убогих и прочих: военных, например, которые не работают, а служат.

Я имел в виду паразитов, которые могут работать, но живут за счёт других. Раньше, такими были помещики, фабриканты и прочая сволочь, живущая за счет труда других, используя власть чиновничью или власть денег. Теперь такими являются отпрыски руководителей высокого ранга, которые считают трудиться зазорным, а также всяческие торгаши подпольные, спекулянты, воры и прочие приспособленцы, живущие обманом за счет трудностей в стране с товарами, едой и жильём. Правда, таких сейчас много меньше, чем раньше при царях и помещиках, но тоже хватает.

На людских пороках жить легче, чем своим трудом созидательным. Вот мы лес сейчас валим под просеку для вторых путей и разъездов на железной дороге. Из того леса строятся дома и школы, даже наши бараки – всё польза, а какая польза от спекулянта, перепродавшего с выгодой товар, не им сделанный и положившего навар себя в карман? Никакой. Всех их надо в лагерь определить!

– Спасибо, Мироныч, что ты повторно посадил меня в лагерь, – язвительно заметил Иван Петрович, – я ведь сижу за спекуляцию, которой не совершал, а ты и меня в захребетники определил, хорош товарищ, ничего не скажешь.

– Так я про настоящих спекулянтов говорю, а не о таких как ты, Иван Петрович, которые по доносу сидят, – оправдывался Миронов.

– Да и торговцы разные бывают. Например, русские купцы организовывали производство товаров и потом этими товарами торговали внутри страны и за границей. Кстати, такие купцы организовали поход Ермака в Сибирь, и мы теперь сидим здесь в лагере на Дальнем Востоке благодаря Ермаку и его последователям. И ваш товарищ Сталин – вождь большевиков, неоднократно говорил, о роли торговли в развитии связей между городом и деревней и он подчеркивал, что Советская торговля – это торговля без капиталистов и спекулянтов в условиях Советского развития страны.

И о семье ты неправильно толкуешь, Миронов, – продолжил свои рассуждения Иван Петрович. Семья – это ячейка общества, как писал Энгельс – коммунистический основатель учения о справедливом устройстве общества и приятель Маркса. Общество состоит из ячеек семейных, как пчелиные соты. Убери одну ячейку и в этом месте будет дырка и чем больше таких дырок, тем слабее эти соты и может общество окончательно развалиться, если семьи ослабнут.

Большевики вначале хотели полностью ликвидировать семьи: мол мужчины и женщины свободны и независимы и вступают в отношения по своему желанию, а детьми будет заниматься государство в специальных учреждениях – детсадах. Но потом большевики опомнились, что на всех детей государственной заботы не хватит, а тут ещё старики и инвалиды и теперь власть Советская всячески укрепляет семью и по мере возможностей помогает семейным людям в устройстве жилья, в содержании детей и стариков. А детсады остались, как места

временного содержания детей на день или на все рабочую неделю, пока родители работают и строят социализм.

Но тебе, Миронов не понять ценности семейной жизни, потому что ты холостой. Кстати, почему ты не женился? Внешность в порядке, учитель в станице – это уважаемый человек, наверное, отбоя от невест не было, а ты бобылем остался. Почему?

– Понимаешь, Иван Петрович, рано на войну пошёл и там насмотрелся на женщин фронтовых. Война грязное дело, а для женщины и совсем отвратительное. Смотришь, какой-нибудь командир с санитаркой заженихались – глядь, через неделю его убили, и она уже с другим, а то и вообще в землянке живёт сразу с несколькими бойцами.

Я, по малолетству, со стороны смотрел на эти дела и после меня не очень – то тянуло к женщинам, чтобы для семьи. Побаловаться – это пожалуйста: одиноких женщин после гражданской войны сколько угодно и на любой вкус, а вот для семьи, чтобы жениться, как-то не подвернулась такая.

В добавок я учиться пошел на рабфак, потом курсы учительские, а как приехал учительствовать в станицу, то сам знаешь: учитель там уважаемый человек, и всякие шуры-муры с бабами ему непозволительны, да и не хотелось мне с крестьянкой жизнь связывать – хотелось грамотную жену завести, чтобы было о чём с ней потолковать.

Потом в школе появилась новенькая учительница русского языка, тоже рабфаковка, и вроде бы начали у нас налаживаться отношения, но тут меня арестовали и сюда в лагерь засунули. Я ей написал пару писем: мол так и так, невиновен, если вернусь, то готов жить с ней по закону, но ответа не получил: кто из женщин будет ждать арестанта пять лет? Жена, может, и будет, а посторонняя, даже и не невеста, конечно нет. Но вернусь из лагеря, обязательно женюсь, и чтобы дети были. Надоело в казармах, общежитиях и здесь в лагере среди мужиков жить: всегда в толпе, всегда на людях, а хочется тишины, покоя и своего угла.

– Даст бог и разрешит товарищ Сталин – будет у тебя, Миронов, и свой дом и жена и дети, но для этого надо хорошенько работать в лагере на общих работах и если не надорвёшься и не пришибёт лесиной, то освободишься и осуществляй свои мечты, – засмеялся Иван Петрович, потому, что котёнок вдруг старательно начал лизать его ухо, так же старательно, как до этого он лизал у себя под хвостом.

– Мне же, нужна только свобода, потому, что жена и дети у меня уже есть, но далеко, а семья – она потому и есть семья, что люди живут вместе и одними интересами. Дети подрастают, уходят из семьи в собственную жизнь и становятся просто родственниками.

Моя старшая дочь подросла уже и того и гляди заведёт свою семью: от этого никуда не денешься – такова жизнь. Хотелось бы увидеть внуков и помочь им в их жизни советом и делом, потому и стремлюсь я на волю, и согласен остаться жить здесь на Дальнем Востоке навсегда: колонистом, поселенцем или черт знает кем ещё, но только чтобы вместе с семьей.

Пожалуй, и тещу возьму с собой сюда. Жена мне досталась по душе, и по характеру подходит, но хозяйствовать по дому не умеет: она с малолетства жила при школе в интернате и вдали от родителей, потом в учительской семинарии училась тоже в пансионе и к домоводству не приучена. А вот тёща, Евдокия Платоновна, та сызмальства и весь свой век занимается домом и всё успевает и всё умеет.

Не поверишь, но даже сено для коровы и дрова в лесу заготавливала сама, пока силы были. И сейчас все домашние дела на ней: приготовить пищу, постирать, навести чистоту в доме – всё на ней держится. Но в нашу жизнь она не вмешивается, так что тёща мне как мать, которой я лишился в семь лет.

Простая крестьянка, моя тёща, но тактична и сдержана, будто получила дворянское воспитание. Возьму тещу к себе, – окончательно решил Иван Петрович, отстраняя котенка от своего уха, которое покраснело от жесткого язычка котенка, вздумавшего лизать его.

– Чудак– человек, – возразил Миронов, – куда ты тещу возьмешь? Сюда на нары? Сначала сам получи свободу, а уже потом решай с тещей будешь жить, или куда-нибудь в пещеру уйдёшь жить, как Робинзон Крузо, которого кораблекрушением выбросило на необитаемый остров, и он там прожил много лет в одиночестве с попугаем и козами: я об этом в книжке читал.

–Ладно, хватит лясы точить, надо в столовую пробираться, видишь, народ уже собирается,– встрепенулся Иван Петрович. Действительно зэки начинали толпиться у входа, чтобы всем вместе, взявшись за руки, цепочкой двинуться к столовой и не пропустить свое урочное время.

Иван Петрович и Миронов подошли к толпе, зэков, которая вытянулась в людскую цепь, и стала исчезать в открытую дверь барака человек за человеком, пока там не скрылось последнее человекозвено. Где – то, в середине цепи, нашлось место и для Ивана Петровича.

Метель кружила, мела и выла, и за сплошной пеленой снега ничего не удавалось разглядеть. Цепочку зэков вёл охотник из местных, который сидел в лагере за убийство тигра, шкуру которого он пытался продать на станции, проезжим китайцам из поезда Москва – Харбин, за что и получил пять лет лагерей. Он каким-то чутьём вывел всех, сквозь снега по пояс, прямо к двери столовой, откуда выходили такие же цепочки зэков и бесследно исчезали за снежными вихрями.

На обед были пустые щи из квашеной капусты и макароны с рыбой, мороженые штабеля которой хранились в продуктовом складе, примыкающем к столовой. Быстро поев, цепочка зэков 6-й фаланги тем же способом вернулась в барак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.